

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#1 2021 (1)

Учредитель: ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Издательство: Издательство Казанского университета

ISSN 2079-5912

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

Редакционная коллегия

Р.Г. Минзарипов (главный редактор) – д-р социол. наук, профессор

В.А. Беляев – д-р полит. наук, профессор

А.Г. Большаков – д-р полит. наук, профессор

А.Н. Ершов – д-р социол. наук, профессор

М.Ю. Ефлова – д-р социол. наук, профессор

Г.В. Морозова – д-р экон. наук, профессор

Ж.В. Савельева – д-р социол. наук, доцент

А.Р. Тузиков – д-р социол. наук, профессор

Ю.Р. Хайруллина – д-р социол. наук, профессор

Т.М. Шатунова – д-р филос. наук, профессор

М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, профессор

Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)

Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)

Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

Беляев В.А. СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА.....	4
Галиева Э.Р. ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	12
Ганеева Л.А., Изотова Е.Д., Ефлова М.Ю., Сафонов А.С., Маяковская А.В., Ефлова Д.С. ОНЛАЙН - ТЕСТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО ТЕСТА ПО БИОХИМИИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ).....	16
Глебова И.С., Кучукбаева А.И. ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДОВ – МИЛЛИОННИКОВ ДЛЯ ИХ ЖИТЕЛЕЙ: ОЦЕНКА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ	22
Егорова Л.Г., Корунова В.О., Шакирова А.Ф. СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ КАЗАНЦЕВ В ПЕРИОД НАЧАЛА ПАНДЕМИИ COVID-19	30
Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ	38
Зайцева Е.В., Воронина Л.И. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЦИЕНТОВ С ПЕРВИЧНЫМИ ИММУНОДЕФИЦИТАМИ С СОЦИАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ	45
Ишкинеева Ф.Ф. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (по итогам мониторинга «Российское студенчество о Великой отечественной войне»)	50
Кулиш В.В. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СОХРАНЕНИЮ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЁЖИ.....	55
Озерова К.А. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ РОЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ.....	59
Орешникова Д.Н. ОЦЕНКА ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ РИСКА РАЗВИТИЯ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	65
Рассолова Е.Н. ОПЫТ ЛОКАЛЬНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАУКИ В МОНОПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ	71
Соловьева Т.В., Е.Г. Панькова Е.Г., Бистяйкина Д.А. АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РФ	78
Фурсова В.В., Маслова Л.П. НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СТУДЕНЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ ДЕВИАЦИЙ)	84
Худойбергандов С.З., Хайруллина Ю.Р. ФАКТОРЫ ВЫБОРА СПЕЦИАЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖЬЮ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....	90
Шамсутдинова И.И. ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА И РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КФУ)	95

Belyaev V.A. SOCIAL BASICS OF THE POLITICAL REGIME.....	4
Galieva E.R. TRADITIONAL AND MODERN REPRODUCTIVE BEHAVIOR MODELS	12
Ganeeva L.A., Izotova E.D., Elova M.Y., Safonov A.S., Mayakovskaya A.V., Elova D.S. ONLINE TESTING AS A TOOL FOR ASSESSING STUDENTS' KNOWLEDGE (ON THE EXAMPLE OF AN EXAMINATION TEST IN BIOCHEMISTRY AMONG STUDENTS OF NATURAL SCIENCE SPECIALTIES)	16
Glebova I.S., Kuchukbaeva A.I. ATTRACTIVENESS OF MILLION – PLUS CITIES FOR THEIR RESIDENTS: ASSESSMENT AND OPPORTUNITIES FOR ITS DEVELOPMENT	22
Egorova L.G., Korunova V.O., Shakirova A.F. SOCIAL MOODS OF KAZAN RESIDENTS DURING THE BEGINNING OF THE COVID-19 PANDEMIC	30
Elova M.Yu., Maximova O.A., Nagmatullina L.K. TATARSTAN YOUTH ATTITUDE TO LABOR MIGRANTS IN THE CONTEXT OF DISCOURSE OF SOCIAL EXCLUSION	38
Zaitseva E.V., Voronina L.I. PROBLEMS OF INTERACTION OF PATIENTS WITH PRIMARY IMMUNODEFICIENCIES AND SOCIAL INSTITUTIONS OF EDUCATION	45
Ishkineeva F.F. HISTORICAL MEMORY AND PATRIOTIC ATTITUDES OF THE STUDENT YOUTH OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN (based on the results of the monitoring "Russian students about the Great Patriotic War»)	50
Kulish V.V. THE STATE POLICY OF PRESERVING THE FAMILY HISTORICAL MEMORY OF YOUNG PEOPLE	55
Ozerova K.A. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ROLE OF SOCIAL MEMORY IN THE SOCIALIZATION OF YOUTH	59
Oreshnicova D.N. EVALUATION OF THE BASIC FACTORS FOR THE DEVELOPMENT OF CANCER WITHIN THE FRAMEWORK OF SELF-PRESERVING BEHAVIOR OF YOUTH.....	65
Rassolova E.N. THE EXPERIENCE OF LOCAL INSTITUTIONALIZATION OF SCIENCE IN A MONO-INDUSTRIAL CITY	71
Soloveva T. V., Pankova E. G., Bistyaikina D. A. ANALYSIS OF THE STATE AND INDICATORS OF PUBLIC HEALTH IN THE RUSSIAN FEDERATION	78
Fursova V.V., Maslova L.P. NORMALIZATION OF THE ATTITUDE TO DEVIANT BEHAVIOR IN THE STUDENT COMMUNITY (ON THE EXAMPLE OF TRADITIONAL AND NEW DEVIATIONS)	84
Khudoyberganov S.Z., Khayrullina Yu.R. FACTORS OF CHOOSING SPECIALTY BY YOUNG PEOPLE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN	90
Shamsutdinova I.I. TRANSFORMATION OF THE STATUS AND ROLE OF A UNIVERSITY TEACHER IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION (ON THE EXAMPLE OF KFU)	95

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Аннотация. В статье выявлена необоснованность сведения политического режима к форме власти, к политической системе. Выделена единая сущностная основа типологии видов режимов в лице реализации или отвержения ими социальных ценностей эпохи Просвещения: свободы, равенства и братства. Обоснована несостоятельность определения советского режима как тоталитарного, а американского – как демократического, тогда как оба они представляют разные виды авторитарного режима: эгалитарного и либерального.

Ключевые слова: политический режим, тоталитаризм, авторитаризм, демократия, социальные основы режима, социальные и институциональные ценности.

Политическая власть действует не в вакууме, не спорадически, не в виде произвольных команд отдельных "начальников", а через сложную систему взаимосвязей с социумом. Это касается прежде всего содержательных сторон власти, тогда как формальные ее компоненты могут зависеть от ряда иных условий – от исторических до геополитических. Поэтому для выяснения сути политических режимов как содержательной стороны власти необходим анализ как накопившейся научной литературы, так и социальных факторов, во многом формирующих режим, а также контрастности и различий между формой власти (политической системой) и ее содержанием (политическим режимом). Вместе с тем в данной статье не преследуется цель анализа всех типологий политических режимов и систем.

Смешение последней пары понятий представляется вполне осознанным. В связи с этим остается не совсем ясным резкое осуждение частью российских гуманитариев (Е.Шестаков [1] и другие) резолюции «Европарламента» от 19.09.2019 г., приравнявшей СССР к нацистской Германии, ибо они «поделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами, что проложило дорогу к началу Второй мировой войны» [2]. При этом игнорируется то, что тоталитарными объявлены эти страны уже после войны. Пусть и не сразу. Сначала СССР не включался в список тоталитарных режимов. За-

тем, по мере разворачивания холодной войны сначала на Западе, а в период «гласности» и в нашей стране, типичными тезисами учебников [3], монографий и словарей стали утверждения, что характерными примерами тоталитарных режимов являются национал-социалистическая Германия и СССР. Сходными были и предыдущие резолюции ПАСЕ (2009 г. и др.). Единство критериев при этом не наблюдалось.

В принципе, вопрос о сущности власти не только затрагивает важнейшие интересы людей (и потому опровергается), но и является одним из сложнейших, порождающих туманность, разрозненность (несвязанность) наших знаний, их внутреннюю противоречивость. Кроме сугубо гносеологических, можно выделить ряд факторов, формирующих поверхностные определения режимов.

1. Узкая **специализация** наук, предметных областей разных гуманитарных дисциплин и выстраивание жестких границ меж ними. В итоге социологи больше занимались стратификацией, в которой главные критериальные категории социальные Равенство и Неравенство. Потому здесь много марксистов (неомарксистов), субъективистски ориентированных на дискурс Равенства, преодоления неравенства и несправедливости в ущерб Свободе.

А политологи начали с анализа политических институтов (Античность, затем Макиавелли и политологи Нового

времени), отсюда и большой «формализм», институционализми акцент на соотношение Человека, Общества и Государства как агентов власти. В силу этого политологи интересуются прежде всего способом такого взаимоотношения, степенью их взаимной Свободы и, вроде бы наоборот, обоюдного контроля. Отсюда преобладание в политологии либералов и их дискурса в виде абсолютизации Свободы в ущерб Равенству и Справедливости.

Междисциплинарные исследования, как правило, сохраняют эту границу в силу подчинения дискурсам и парадигмам лишь одной из наук-участниц такого исследования.

Вместе с тем, обоснованная привязка политических режимов к идеологиям, определяющим их сущность, не означает оценку режимов с позиции лишь одной идеологии (что является типичным примером ангажированности). Некорректность такой оценки еще более очевидна в условиях привязки ее к идеологии весьма устарелой (классическому либерализму или неоконсерватизму). Конечно, можно понять политологов России и иных «посткоммунистических» стран, они, исходя из жизненного опыта, больше ориентированы на режим, где главной чертой является ценность свободы личности, но до научности здесь далеко.

2. Господство в гуманитарных науках как в XIX, так и в 1-й половине XX века **неопозитивистской** методологии. Поэтому больше используются методы естественных наук: квантификация, наблюдения и сравнения, бихевиорализм и каузальное обоснование (объяснение как выявление причин, ответ на вопрос «Почему?»). Тогда как общество строится (а люди действуют) во многом не через поступки, а через мысли и их артикуляцию, все восприятие общества у человека проходит через сознание, а потому пронизывается системой мотивов, целей, которые ставят отдельные люди для себя и общества. Свобода воли ведет к необходимости целевого объяснения. Поэтому необходимо использовать методы, более глубоко «врезающиеся» в сущность феноменов, в частности, принципы феноменологии, лингвистический метод, герменевтики, понимания, идеографии, методологического субъективизма.

3. При всей заявленной в политологии системности у большинства исследователей отдельные области политологического знания как-то **отделены** друг от друга настолько, что не видно ни их взаимосвязи между собой, ни единства критериев, применяемых для научного анализа. В итоге «власть» часто рассматривается под одним углом, политическая система – под другим и с помощью особых критериев, режимы – под третьим. Доходит до того, что при анализе отдельных типов режимов не прослеживается единства критериев их выделения и построения содержательного образа, «идеального типа». В этом случае «единство» заключается разве что в том, что демократия – это собрание всего лучшего, тоталитаризм – все, что не нра-

вится, а авторитаризм – просто переходный и смешанный режим без своей субстанциональной основы.

4. Сходно с этим и выведение отдельных форм политики из состава политического режима. К примеру, **внешняя** политика при этом воспринимается лишь как продолжение и обеспечение внутренней, но не как просто более высокий уровень ее концентрации. В результате, в частности, политика, ориентированная на господство над иными странами и народами, на вмешательство в их дела, исключается из характеристики политического режима «мирового гегемона» и данный режим оценивается как демократический, хотя для всего мира он оборачивается диктаторским, авторитарным и даже тоталитарным. В этом плане актуальна идея Ф.Энгельса о том, что «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого» [4]. Но это не смущает либералов-политологов, страдающих избирательной квантофренией (как это называл П.Сорокин), они приписывают стране, спасшей многие народы от уничтожения и угона в рабство и восстановившей их государственность, но имеющей контроль государства над экономикой и культурой, 100%-ный тоталитаризм, что «гораздо больше», чем у нацистской Германии и фашистской Италии. А США, уничтоживших государственность и устроивших геноцид во многих странах, считают демократией.

Тупиковость сегодняшней трактовки режимов в целом и демократии (или тоталитаризма), в частности, видна на примере того, как «демократические» формы являются главным квалифицирующим признаком для идентификации режима: так, Гватемала, где в 1980-е годы было убито свыше 100 тыс. человек, прежде всего крестьян, считается демократией в силу наличия выборов. Или демократическими объявляются Египет при правлении «братьев-мусульман», нынешние Ливия, Ирак, Тунис, «майданная» Украина, Израиль и далее по списку режимов, установленных с помощью НАТО, чаще всего путем свержения законных правительств.

Подмена режима политической системой (механизмом) выражается и в том, что США активно выступали все постсоветские годы за «цветные революции», радикальные изменения во всех постсоветских странах, кроме Прибалтики, т.е. для них отсутствие равноправия людей, лишение большой доли людей исходных социальных, политических и гражданских прав как базовой ценности не играло такой же роли, как вопрос о регулярной смене партии, стоящей у власти.

5. В западной науке весьма часто понятие «политическая система» используется как более общее, включающее в себя «режим» или даже подменяющее собой последний (Ж.Блондель, Г.Алмонд). А ведь неважно, как называть те

или иные элементы власти, главным является то, что следует отличать содержательную и тем более сущностную сторону власти от формы последней. Однако «сущность» и «явление» не выделяются при исследовании власти.

Есть и иные методологические погрешности в анализе режимов. Разберем последствия названных трактовок и предложим собственную структуризацию политической власти, включая ее «политическую систему» и «политический режим».

Понятно, что трактовка демократии прошла через античную стадию, где ее выделяли многие ученые, используя как мало связанный с сущностью квантификационный критерий (число правителей), так и вызванный более глубинными нуждами и потому имеющий результатом более близкий к сущности критерий (у Платона, Аристотеля и иных мыслителей).

В то же время режим характеризует качественное состояние не только политического, но и гражданского общества. Это прекрасно понимали политики и ученые до и во время Второй мировой войны. Нынешние политологи сознательно настолько запутали вопрос о режимах, что не могут ответить на вопрос, почему США и Англия мгновенно сориентировались на союз с СССР против Германии (так же и на поддержку СССР при освобождении «восточных кресел Польши» в 1939 году).

Дело в том, что, к сожалению, созданные после Второй мировой войны концепции тоталитаризма и типологии политических режимов крайне антинаучны. «Холодная война» побудила западных идеологов отказаться от научных критериев, научной добросовестности, методологического объективизма, беспристрастности в их усилиях обелить политические режимы в своих странах и дискредитировать режим в СССР, резко нарастившем популярность благодаря Победе, решающей роли нашей страны в ее достижении.

Ненаучность причисления конкретных режимов к демократии или тоталитаризму основана на сознательном смешении понятий «политическая система» и «политический режим». Поскольку содержание и тем более суть власти определяются именно режимом, а политическая система – лишь ее форма, инструменты (что мало кто из ученых отрицает), то просто черты режимов подменяются чертами политической системы. То есть рассматриваются вместо содержательных признаки формальные, те, что можно найти и в Германии, и в СССР (и обязательно отличные от США). Однако одни и те же инструменты (например, моток) могут быть использованы в самых разных целях, как конструктивных, так и деструктивных. И, наоборот, разными инструментами (топором, кирпичом) можно забить гвоздь.

В ответ, видя научную и практическую неполноценность концепций политического режима и тоталитаризма, целый

ряд ученых выдвигает обоснованные возражения против них (это И. Цыганков, вышеупомянутый Е. Шестаков, А. Раковский [5], О. Неменский [6] и др.).

В целом, процесс власти включает политическую систему и политический режим. **Политическая система** – это механизм реализации политической власти, порядок распределения и осуществления власти в обществе. Другими словами, это рычаги власти и способ ее использования, каналы участия/отстранения граждан от участия в управлении, инструмент реализации/подавления прав человека, **формы** реализации власти. Политическая система общества, как и любая социальная система, имеет свою структуру. В ней выделяют такие элементы как внутренняя и внешняя форма власти. Если не отходить от научных критериев, то можно дать такую таблицу различий политических систем как *формальной* стороны процесса власти (См. Табл. 1).

Можно добавить и такие формы политической жизни, как следование *традициям*. Например, в охлократической политической системе налицо полный разрыв традиций. В демократической – учет традиций и их совмещение (не без коллизий) с инновациями. В авторитарной – господство аристократических или архаичных форм (отсутствие прямых выборов президента, наличие цензов на выборах; секретных тюрем без суда, пыток, макартизма в 1950-е годы и *cancel-culture* ныне (как в США), трактовка свободы личности как ее атомизации и законопослушности или, напротив, как воли и прикрытия социальным («зонтиком») государства. В тоталитарной – это существование лагерей смерти и геноцида и полное отсутствие свободы личности. Что касается замены прежних традиций на революционные формы, то это встречается при любой политической системе (как в СССР или Германии). Про эту же несвязанность с конкретным видом политической системы можно сказать в отношении вида избирательной системы, коллективности руководства.

Более глубинные аспекты включает **политический режим**, причем слишком часто формальные критерии в трактовках ученых замещают сущностные. Реально наиболее сущностными характеристиками режимов являются аксиологические, среди них – социальные, затрагивающие жизненно важные стороны взаимодействия общества, личности и государства.

В целом, **политический режим** – это качественное содержание политической власти, взятый в динамике способ взаимоотношений политической власти, гражданского общества (*народа*) и личности (*граждан*). Критерий различия между основными типами режимов как раз и состоит в **способе** воздействия общества на государство в целях реализации важнейших **ценностей** эпохи Просвещения и Модерна. Это ценности Свободы, Социального Равенства

Типология политических систем

	Охлократическая	Демократическая	Авторитарная	Тоталитарная
1 Механизмы взаимодействия общества и государства:				
а) сменяемость	власть кухарок и майданов	решением народа	круговорот элит («семей»)»	пожизненная власть[7]
б) культ вождя	безвластие центра: сепаратизм; интернет олигархии-мощнее («красной кнопки)»	коллективное правление	Эмпатия (Рузвельт, Сталин)	автократия (абсолютная вертикаль)
в) партии и государство	нет постоянных идеологических моносредних партий; до 100 партий	идеологическимоносредние (классовые) партии	сращивание 1-2 партий с государством	1-партийность
г) плюрализм	частая смена единственной идеологии, непредсказуемость	Плюрализм = свободная конкуренция идеологий	Дихотомия (черно-белое восприятие): к своим: «шаг влево, шаг вправо считается побед» к промежуточным: «кто не с нами – тот против нас» к противникам: «если враг не сдается – его уничтожают»	
2 Законность как механизм власти				
а) дискретность	нет законов, свержение (цветные перевороты, майданы)	непрерывность	частая смена законов и власти (перевороты)	свержение, переход к этнодиктатурам
б) изменение законов	абсолютизация прямой демократии (уличной). Нет представительной демократии	референдумы по основным вопросам, обязательность их исполнения	плебисциты важнее выборов	нет свободных выборов
в) избирательность законов	внесудебные расправы (пытки, убийства на улицах)	единство закона (все равны перед ним)	есть казни и произвол, нет внесудебных расправ	внесудебные расправы

Таблица 2

Различия между типами политических режимов

	Свобода (шире - права)	Равенство	Справедливость, включая братство
Демократия	есть	есть	есть
Авторитаризм:			
– либеральный	часть индивидуальных прав	нет	нет
– эгалитарный	коллективные права и часть индивидуальных	есть	есть
Тоталитаризм	нет	нет	нет

и Братства (включающего коллективизм, социальную справедливость, интернационализм, эмпатию). В итоге, при **тоталитаризме** все эти ценности принципиально отвергаются; при **авторитаризме** воплощены лишь некоторые из них; при **демократии** реализуются все названные ценности (См.Табл.2). Это и было главной причиной закономерного союза СССР с англосаксами и их совместной борьбы за уничтожение нацистской Германии.

Тоталитаризм – тип политического режима, который отказывается от следования ценностям Свободы, Равенства и Братства. На Западе подмена этого режима формальной политической системой в годы холодной войны вызвала к жизни и соответствующие определения тоталитарного режима. На деле, **критерием** выделения этого типа режима служит не массовидность насилия или однопартийность, не отсутствие разделения власти и иного плюрализма, не правовой нигилизм правителей (эти черты встречаются

и у авторитаризма) и даже тотальный контроль государства за гражданским обществом, всеми аспектами его жизни, а ориентация власти на **элитизм**, т.е. на отказ от любой Свободы, Социального Равенства и Братства народов.

Концепция тоталитаризма оформляется в 1940-50-е годы в рамках холодной войны Запада с СССР с целью приравнивания сталинизма к нацизму, СССР к нацистской Германии. Вышеотмеченный А.В. Раковский аргументированно разоблачил ненаучность утверждений Дж. Джентиле [8], К. Поппера [9], К. Фридриха и Зб. Бжезинского [10], Х. Арендт [11], а также Э. Фромма [12], З. Баумана [13], Ф. Фукуямы [14], аккуратно убиравших все черты, существенно общие для нацизма и либерализма как видов элитизма, господства финансовой олигархии. Поэтому мы не будем повторять аргументы против названных авторов. Тем более, что, во-первых, многие из черт такого «тоталитаризма» имеются во всех странах – от США до их союзников типа

Саудовской Аравии, во-вторых, и это главное, – в большинстве своем они относятся к форме власти, к ее механизму, инструментам, т.е. к политической системе, а не режиму.

Практика мирового развития дала примеры следующих видов наиболее ярких тоталитарных (фашизм, национал-социализм) и авторитарных режимов (американский авторитаризм, коммуно-большевизм) (См. Табл. 3).

Авторитаризм – тип политического режима, при котором не все ценности эпохи Просвещения реализуются, т.к. отсутствует контроль народа за властью в политической сфере при сохранении автономии гражданского общества в остальных сферах. В практике мирового развития встречались разные типы авторитарных режимов. По вектору реализации социальных ценностей выделяются два основных типа авторитаризма: либеральный и эгалитарный. Либеральный авторитаризм сложился в США в XVIII веке как чрезвычайно элитарный жесткий режим, под давлением народа волнообразно отказывавшийся от наиболее одиозных черт. При этом чем больше власти говорят о свободе, тем меньше они ее дают остальным странам: имен-

но демократы чаще прикрывают цели мировой гегемонии ценностью Свободы, а республиканцы прямо говорят об интересах США, поэтому войны в Корею, Вьетнаме и более поздние, а также цветные «революции», начинали чаще демократы, а заканчивали – республиканцы. Эгалитарный авторитаризм жесткой форме существовал в СССР в годы «военного коммунизма» и при сталинизме, заменяемый в остальное время мягким авторитаризмом.

Конечно, на практике **демократия** никогда не была полной реализацией идеи президента США А. Линкольна о «правлении народа, избранным народом и для народа», поскольку: а) весь народ не может править, решать все вопросы политики в крупных обществах, а значит, она всегда была лишь властью большинства над меньшинством или даже наоборот, хотя и зависящей от воли народа; б) демократия – это не просто народовластие, а политический режим, включающий государство, законы и принуждение (санкции и насилие), но никак не безгосударственное самоуправление. Как известно, это несоответствие заставило Й. Шумпетера сузить понимание демократии до фор-

Таблица 3

Различия между разновидностями авторитаризма и тоталитаризма

Параметры полит систем и режимов	Авторитаризм		Тоталитаризм	
	Либеральный (США 18-21 вв.)	Эгалитарный (СССР 1917-90)	Фашизм (Италия, 1922-43)	Нацизм (Германия, 1933-45)
Цель	региональная (19 в.) и мировая гегемония (20-21 вв.)	Коммунизм(справедливость, равенство, всестороннее развитие, нет эксплуатации)	возрождение Римской империи	мировое господство арийской расы
Главный враг	иные народы (св.90%): Россия, Китай, исламский мир	классовый враг (3-5%): помещики, буржуазия	иные народы (св.90%)	
Экономика	госрегулирование предпринимательства; кризисы	устранение частной собственности, директивные планы	диктат государства в экономике	
Социальная сфера:				
социальные предпочтения	олигархия (1-2%: из WASP, ныне диктат "биологических" меньшинств (БЛМ, ЛГБТ, радикал-феминизма, слом семьи)	рабочий класс(позитивная дискриминация богатых)и номенклатура, т.е. большинство	реально – олигархия (1-2%, а словесно - потомки римлян)	реально – олигархия (1.2%, а словесно-германская нация)
социальные отношения	расизм внутренний и цивилизационный, элитаризм (иерархия слоев)	позитивная дискриминация развитых этносов в пользу иных	уничтожение одних народов и иерархия остальных (этношовинизм) соц.дарвинизм, элитаризм	
Социальная политика	неразвитая (платная медицина, вузы и др.); миллионы безработных, преступников, бомжей. Дефарминг	развитая, гуманная(бесплатное жилье, образование, медицина, соцзащита женщин, пожилых, детей, всеобщая занятость)	ликвидация орг.преступности и безработицы (за счет армии и ВПК)	
социальные ограничения режима	профсоюзам	рабочим классом и идеологией	позицией короля, церкви, армии, аристократии	позицией монополий, офицерства
Духовная сфера	ущемление иных идеологий, религиозных ценностей	частичное ущемление религий и запрет иных идеологий		
Внешняя политика	Тоталитарная(агрессии, геноцид, перевороты, неокolonизм, гегемонизм)	Демократия: мирное сосуществование (равноправие стран, помощь в деколонизации)	Региональное господство	Мировое господство
Кто устранил	–	Часть номенклатуры	Часть правящих кругов	Внешние силы

мы правления, основанной на конкуренции потенциальных лидеров за доверие избирателей, а Р. Даля – заменить термин “демократия” на “полиархию” как правление меньшинства, избираемого народом на конкурентных выборах, оставив демократию лишь как идеальную мечту о равном участии всех в управлении. Но эти идеи сводят режим демократии опять к политической системе как механизму, а не сути власти. На деле, рождение новых общественных проблем постоянно заставляет разрабатывать и внедрять базовые идеи демократии, основанные на известных социальных ценностях, и находить адекватные инструменты их реализации (См. Табл. 4).

Тем самым демократия, через коллизии, способна внедрить основные социальные ценности, предложенные еще в эпоху модерна.

Таким образом, анализ социальных основ политического режима позволяет сделать вывод об институционализации и даже ритуализации в российском обществе и гуманитарных дисциплинах слабо связанного с наукой тезиса о тоталитарном характере власти в СССР. Вместе с тем сохранение логики и научности исследования требует разведения смешиваемых понятий (и явлений) политической системы и политического режима. Это позволяет расширить применимость терминов «политический режим, тоталитаризм, авторитаризм и демократия» к любым эпохе и региону, снять наносные стереотипы в видении власти в СССР и на Западе. Сохранение же дискредитированных трактовок политическогорежима и его социальных основ тормозит развитие целого ряда гуманитарных наук.

Таблица 4

Социальные основы демократии и ее адекватные инструменты

Демократия как режим			Демократическая политсистема (адекватные инструменты, механизмы)
Общественные проблемы	Идеи демократии	Ценности демократии	
Проблема Левиафана (подавление человека властью), Гоббс	Посадить Левиафана на цепь (ограничение власти естественными правами людей), Гроций, Кант	Права и Свободы (Иисус, либерализм)	Приоритет личности: ни власть, ни законы не должны ущемлять права человека
Проблема Голиафа, медведя, закон тайги (подавление слабых людей сильными)	Наделить Давида пращой; равенство полковника Кольта (равноправие всех людей), якобинцы	Равенство и Справедливость (Иисус, социализм)	Всеобщность прав (наличие прав у каждого и их защита): – правовых и политических; –социальноэкономических; позитивная дискриминация сильных в пользу слабых. Социальное государство
Проблема волка (homohominilupusest; война всех против всех)	Избрать вожака (договор общества с правителями), Гоббс, Локк, Руссо	Периодическая зависимость властей от народа	Представительная демократия: – свободные выборы – право смещения властей – общее признание закона
Проблема лисы и 2 медвежат (узурпация власти выбранными политиками)	Заставить лису гоняться за хвостом (разделение власти для переориентации ее на народ и предотвращения узурпации)	Постоянный взаимный контроль властей (либералы, Локк, Монтескье)	Система сдержек и противовесов: Суть: зависимость властей от народа и их взаимная независимость: – избрание всех властей; – несовмещение их по составу
Проблема Кроноса (произвол всех ветвей власти, объединившихся против народа)	Зевс – гарантия против обратной (кристаллизация гражданского общества). Билль о правах США	Повседневный контроль народа за властью (революционные демократы)	Свобода политической деятельности: – печати; – организаций и групп интересов – партий – собраний
Проблема кухарок (диктат толпы, улицы, майдана)	Прометей учит добывать огонь (подготовка лифтов и управленцев)	Демократическая культура у большинства	Механизмы подготовки большинства: – политпросвет в вузах, СМИ – подготовка резерва – полит интернет
Проблема победы мышей над Леопольдом (диктат меньшинств в СМИиК и политике)	Загнать мышей в подвал (верховенство большинства)	Возрождение традиционных ценностей (народ, государство, мораль, семья)-консерваторы и СССР	Механизмы защиты большинства: – решение вопросов по большинству (референдумы) – равноправие в \СМИиК, партиях, стачек – закрепление в Конституции традиционных ценностей
Проблема слона в лавке (диктат одной цивилизации)	Укрощение слона (верховенство международного права)	Справедливость на мировой арене	Механизмы восстановления международного права: – многополярность мира – принципы мирного сосуществования – право наций на самоопределение – введение в конституции приоритета государственитета перед наднациональными органами – работа конституционных судов

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шестаков Е. Кто и зачем "передергивает" историю Европы // Российская газета. 20.12.2019. // URL: <https://rg.ru/2019/12/20/kto-i-zachem-peredergivaet-istoriiu-evropy.html>. (дата обращения 20.06.2021).
2. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP.РезолюцияЕвропейскогопарламента «ВажностьевропейскойпамятидлябудущегоЕвропы»). 19 сент.2019 г. // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html). (дата обращения 20.06.2021).
3. Есть всюду свет... Человек в тоталитарном обществе (советский период). Хрестоматия для старшеклассников. М.: Возвращение, 2001. 480 с.
4. Энгельс Ф. Эмигрантская литература (май 1874 г.-апрель 1875 г.) // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд. Т.18. С.509.
5. Раковский А.В. Миф: СССР был тоталитарным государством 8 ноября 2009 г. 1 часть. // URL: <http://wiki.redrat.ru/.html>. (дата обращения 20.06.2021).
6. Неменский О. Историк: Если бы Гитлер победил СССР, современная Европа считала бы его великим спасителем // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1431866.html>. (дата обращения 20.06.2021).
7. Фарукшин М.Х. Сроки президентских полномочий или бессрочная верховная власть // Политическая власть. 2019. №4. С.240-261.
8. Джентиле Дж. Введение в философию. СПб.: Алетейя. 2000. 470 с. // URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/neogegejlanstvo/dzhentile_dzh_vvedenie_v_filosofiju/83-1-0-4098. (дата обращения 20.06.2021).
9. Поппер К. Открытое общество и его враги // URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3912>. (дата обращения 20.06.2021).
10. Фридрих К., БжезинскийЗб. Тоталитарная диктатура и автократия // FriedrichC.J., BrzezinskiZb. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge (Mass.): Harvarduniv.press, 1965. 438 p. // URL: <http://pavroz.ru/files/friedrichbrzezinski.pdf>. (дата обращения 20.06.2021).
11. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой [и др.]. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с. // URL: https://vk.com/wall-68638203_2220. (дата обращения 20.06.2021).
12. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2015. 288 с.
13. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с. // URL: https://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_-_individualizirovannoe_obshchestvo-2005.pdf. (дата обращения 20.06.2021).
14. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: Эксмо, 2003.480 с. // URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1459155138.pdf>. (дата обращения 20.06.2021).

Информация об авторе

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента. e-mail: vlad_belyaev@list.ru

Belyaev V.A.

SOCIAL BASICS OF THE POLITICAL REGIME

Abstract. The author of the article exposed a failure of the political regime'reduction to a form of the power, to the political system. There are choosing the common essence criterion of the typology of political regimes, consisting of the realization or rejection of Age of Enlightenment'social values: Liberty, Equality and Brotherhood. The author gives proof of the groundlessness of the definition of the Soviet regime as totalitarian and American one – as democratic, where as both of them were different forms of authoritarian regime – egalitarian and liberal.

Keywords: political regime, totalitarianism, authoritarianism, democracy, social basics of a regime, social and institutional values.

Literature

1. Shestakov E. Who and why "distorts" the history of Europe // Rossiyskaya Gazeta. 12/20/2019. // URL: <https://rg.ru/2019/12/20/kto-i-zachem-peredergivaet-istoriiu-evropy.html>. (date of treatment 06/20/2021).
2. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819) [europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html). (date of treatment 06/20/2021).

3. There is light everywhere ... A person in a totalitarian society (Soviet period). Reader for high school students. M.: Return, 2001.480 p.
4. Engels F. Emigrant literature (May 1874-April 1875) // K. Marx and F. Engels. Op. 2nd ed. T.18. C.509.
5. Rakovsky A.V. Myth: the USSR was a totalitarian state on November 8, 2009 1 part. // URL: <http://wiki.redrat.ru/html>. (date of treatment 06/20/2021).
6. Nemensky O. Historian: If Hitler defeated the USSR, modern Europe would consider him a great savior // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1431866.html>. (date of treatment 06/20/2021).
7. Farukshin M.Kh. Terms of presidential powers or unlimited supreme power // Political power. 2019. No. 4. S.240-261.
8. Gentile J. Introduction to philosophy. SPb. : Aleteya. 2000.470 p. // URL:https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/neogegeljanstvo/dzhentile_dzh_vvedenie_v_filosofiju/83-1-0-4098. (date of treatment 06/20/2021).
9. Popper K. Open Society and Its Enemies // URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3912>. (date of treatment 06/20/2021).
10. Friedrich C.J., BrzezinskiZb. Totalitarian dictatorship and autocracy // Friedrich C.J., BrzezinskiZb. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge (Mass.): Harvarduniv. press, 1965. 438 p. // URL:<http://pavroz.ru/files/friedrichbrzezinski.pdf>. (date of treatment 06/20/2021).
11. Arendt H. Origins of totalitarianism / Per. from English I.V. Borisova [and others]. Moscow: TsentrKom, 1996.672 p. // URL: https://vk.com/wall-68638203_2220. (date of treatment 06/20/2021).
12. Fromm E. Escape from freedom. M.: AST, 2015.288 p.
13. Bauman Z. Individualized society. M.: Logos, 2005.390 p. // URL: https://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_individualizirovannoe_obschestvo-2005.pdf. (date of treatment 06/20/2021).
14. Fukuyama F. The Great Riff. Moscow: Eksmo, 2003, 480 p. // URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1459155138.pdf>. (date of treatment 06/20/2021).

Author

Belyaev Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Professor. Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev - KAI, Head of the Department of Sociology, Political Science and Management.

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов исследования репродуктивных сценариев в Республике Татарстан. Затрагивается проблема противоречия имеющейся репродуктивной стратегии с реализуемыми репродуктивными практиками. Репродуктивное поведение рассматривается через призму социального аспекта модели репродуктивных практик. Проведенный массовый опрос (N=1200) демонстрирует, как современные репродуктивные модели реализуются в массовых масштабах, каково отношение к новым репродуктивным сценариям (отсроченное материнство, позднее родительство, усыновление, рождение детей в однополых парах) и является ли традиционная модель единственно приемлемой в обществе. Региональный срез отображает, насколько сейчас рождение детей вышло за пределы семьи, устанавливает параметры детности, реальный средний возраст первых родов.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивные практики, репродуктивные сценарии, дети, планирование детей.

Обращение внимания на репродуктивное поведение обуславливается тем, что демографическая ситуация Российской Федерации характеризуется низкими показателями рождаемости, убылью населения, невысоким суммарным коэффициентом рождаемости. Репродуктивное поведение – это целостная система действий, которые предпринимаются мужчинами и женщинами в отношении процесса зачатия, беременности и рождения, ограничение или отказ от рождения ребенка, в браке и вне брака. А также в неё включаются практики планирования и способы контроля рождения [1].

Репродуктивное поведение – многогранное понятие, включающее в себе междисциплинарный подход и затрагивающее многие факторы общественной жизни. В данной статье репродуктивное поведение рассматривается с точки зрения социального аспекта и определяется как институционализированный сценарий, в соответствии с основными положениями теории структуризации Э. Гидденса [2, 3]. Комплексное рассмотрение этого феномена позволяет понять процессы на различных уровнях: макроуровень – в области политики государства, мезоуровень – в сфере отдельных структур и организаций, микроуровень – в области репродуктивных практик.

На сегодняшний день модернизируются репродуктивные стратегии, динамично трансформируются сценарии мужчин и женщин. Государство ориентировано на традиционную семью и ценности. Реализуемые же сценарии хаотичны, появляются новые формы семейно-брачных отношений, идейные течения *child-free*, *child-hate*, становятся распространенными индивидуализм, карьеризм. Репродуктивных практик много, они разнообразны и проявляются в противоречии той стратегии, которая есть, в результате они сталкиваются.

Для понимания проблемы было проведено исследование посредством следующих методов:

- анализ документов;
- полуструктурированное (полуструктурированное) интервью– интервьюирование информантов;
- экспертное интервью;
- массовый опрос.

Анализ документов (государственные программные документы семейной, демографической политики, нормативно-правовые акты) позволил проследить процесс институционализации репродуктивного поведения. Благодаря интервью был произведен поиск новых разнообразных репродуктивных практик (по принципу насыщения инфор-

мации). Отталкиваясь от типологической стратегии отбора информантов, мы отбирали участников исследования так, чтобы они представили собой репрезентацию различных заданных критериев. Затем внимание было сосредоточено на различных типах изучаемых объектов.

Систематизация информации была произведена с помощью экспертных интервью. Результат данной части исследования – выстроенная авторская модель имеющихся реализуемых репродуктивных сценариев женщин и мужчин репродуктивного возраста. Полученные модели репродуктивного поведения можно разделить на две большие группы – индивидуальные (действия одного человека) и групповые (с партнером). Для каждой из этих групп есть вариант «без детей» и «с ребенком/ детьми». Разнополюе пары подразделяются на тех, кто в браке, кто нет. Если у людей есть планы на детей, то используются подкатегории «естественное зачатие», «вспомогательные репродуктивные технологии», «суррогатное материнство», «усыновление» по принципу возможности зачатия ребенка.

Выбор комбинированного метода исследования (качественный и количественный) позволяет более чувствительно проследить мотивы и действия социальных акторов. Повторяющиеся действия, закрепляющиеся в пространстве и во времени, преобразуются в социальные практики. Анкетный опрос продемонстрировал, как современные репродуктивные модели реализуются в массовых масштабах (количественное распространение выявленных практик).

В массовом опросе по Республике Татарстан приняло участие 1200 респондентов. Из них 64 % составили женщины, 36 % - мужчины, пропорционально, в соответствии со статистическими показателями по региону. Участие в анкетировании приняли жители основных городов и населенных пунктов РТ (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга, Альметьевск, Заинск, Азнакаево, Мамадыш, Арск и другие).

Основная часть респондентов (71 %) представлена традиционной моделью семьи, 11 % – не состоит ни в каких отношениях, 9% опрошенных проживают вместе, но без брака, такое же количество находится просто в отношениях («встречаемся»), остальное число – вдовы/ вдовцы и разведенные. Результаты анкетирования показали, что наличие зарегистрированного брака для большинства (73 %) является определяющим условием для принятия решения о рождении детей, но для четверти опрошенных данный фактор не является существенным. В наличии партнера для рождения и воспитания детей не видят необходимости 9,5 % респондентов, для 88 % – важно зачать ребенка в паре, в отношениях.

Одна из задач опроса состояла в установлении имеющихся параметров детности у населения (фактическое, среднее ожидаемое, идеальное число детей). Из всей

совокупности опрошенных дети есть у 75% респондентов, не имеет детей – четверть опрошенных. Фактическое число детей в семье составило 1-2 ребенка, по 43 % и 45 % респондентов соответственно. Многодетных семей не так много: трое детей у 10 % опрошенных, четверо детей – у 0,8%, пятеро – у 0,4 %.

Среднее идеальное количество детей – предпочитаемое для респондентов, оно есть отражение социальных репродуктивных норм. Исходя из полученных данных, идеальное число детей, которое лучше всего иметь в семье вообще – **двое**, по мнению половины опрошенных; 36 % татарстанцев считают, что **трое**; 5 % высказались, что один.

Среднее ожидаемое число детей – планируемое их количество, фиксирующее реальное намерение с учетом обстоятельств жизни индивидов; в исследуемом массиве оно составило 2-3 ребенка. Более трети респондентов хотели бы иметь двоих детей, а половина высказалась за желание родить троих детей. Среднее желаемое число детей – личные предпочтения, индивидуальная потребность иметь определенное количество детей, при наличии условий, не препятствующих воплощению этого желания. На вопрос, сколько бы вы хотели детей при создании всех необходимых условий, половина респондентов снова высказала желание иметь троих детей, четверть – двоих. Остальные отвечали так: «минимум двое», «двое-трое», «трое-пятеро». С точки зрения социальной политики данные замеры являются очень важными, так как показатели коэффициентов разнятся с фактическим числом детей в семьях. Из этого следует вывод, что у людей есть потенциал увеличения числа детей в семье, но реализовать его в полной мере они не могут по разным причинам. Причем на все эти вопросы отвечали люди, у которых уже есть дети, с наличием опыта и представления того, что тебя ждет. Таким образом, необходимо детальное рассмотрение проблемы, выявление условий для изменения поведения и дальнейшая работа с населением в рамках социальной политики.

Немаловажный параметр – средний возраст первых родов – находится в интервале 25-29 лет у половины опрошенных, 18-24 года у 38 %, 30-35 лет у 12,5 %, 36-40 лет у 1,8 %, до 18 лет у 0,4 % и 41-45 лет у 0,4 %. Полученные данные в очередной раз доказывают, что происходит взросление среднего возраста материнства. Официальный возраст женщин, становящихся мамами впервые, по России составляет 29 лет. В республике Татарстан – 28,9 лет согласно последним данным (на 2017 год) Центра семьи и демографии АН РТ.

Распространенность вспомогательных репродуктивных технологий составила 4% (среди тех, у кого есть дети). В основном респонденты отвечали, что их дети были зачаты естественным путем. Самый распространенный вид ВРТ – ЭКО (66 %). Из числа респондентов, воспользовав-

шихся процедурой ЭКО, одной трети был проделан стандартный протокол, а 24 % попали под квоту государства и получили ЭКО по ОМС. Кроме того, 18 % опрошенных воспользовались процедурой стимуляции для планируемой беременности.

На момент зачатия ребенка большинство респондентов (75 %) находились в зарегистрированном браке; весома́я доля опрошенных в это время состояла в отношениях партнерского сожительства (совместное проживание без брака) – 15,5 %; 8,5 % респондентов вместе не проживали, но состояли в отношениях. Информация о том, в каких отношениях эти пары сейчас, показывает, что на сегодняшний день у 82 % респондентов – это семья, 9% женщин – не состоит в отношениях с отцом ребенка, для 4% опрошенных – это партнерское сожительство без зарегистрированного брака, остальные – в разводе, вдовы/ вдовцы или не поддерживают никаких отношений.

Анкета была выстроена алгоритмом, который подходит для всех индивидов – разное семейное положение, наличие / отсутствие детей или планов на них. Специальный блок вопросов в ней предназначался для тех, кто пока не имеет детей. Результаты исследования этой группы татарстанцев показали, что большая часть опрошенных (78 %) планируют рождение детей, не планируют – 6,6 %, затруднились с ответом 15 % респондентов. Из числа планирующих детей татарстанцев более половины думают о **двоих**, четверть респондентов – о **трех детях**, 10 % – об одном и 5 % – о трех и более. Это говорит о том, что у населения есть намерения иметь больше детей, чем фиксирует сегодняшний суммарный коэффициент рождаемости, который составляет 1,5 ребенка на женщину. Это низкое значение (с каждым годом данный показатель снижается), так как для простого долгосрочного воспроизводства населения необходим показатель не менее 2,1 [4].

При конструировании ситуации большинство респондентов (41 %) скорее не смогли бы предпочесть «чайлд фри» (child free) путь, 28 % опрошенных категорически против данного репродуктивного сценария, 16 % – скорее смогли бы прожить жизнь без детей и для 5 % респондентов этот вариант вполне приемлем. Родить ребенка («для себя»), не находясь в отношениях с партнером, предпочли бы 15 % респондентов; скорее смогли бы так поступить – 37%, скорее не смогли бы – 22,5 %, категорически против – 15 %. При выборе такого варианта рождения ребенка зачать естественным путем предпочли 82 % опрошенных, с помощью репродуктивных технологий – 25 %, усыновили бы ребенка тоже четверть опрошенных. Воспользоваться услугами суррогатной матери согласились 3% респондентов.

Если отдельно задавать вопрос о возможности вынашивания ребенка суррогатной мамой в безвыходной ситуации, то результаты получаются несколько иными. Про-

слеживается более спокойное отношение и готовность воспользоваться услугами репродуктивных медицинских клиник: 30 % респондентов не готовы прибегнуть к данному методу, 20 % ответили, что скорее нет, 23 % – скорее согласны, 14 % – согласны и 13 % затруднились с ответом.

Отношение татарстанского сообщества к тому, что благодаря современным возможностям медицины у однополых пар появилась возможность иметь детей по большей части отрицательное (39 %). Положительно к этой практике относятся 20 % респондентов, скорее положительно 13 %, скорее отрицательно 14,5 %. Остальная часть опрошенных выбрала вариант «другое», указав, что их отношение – нейтральное. В графе, где можно было вписать свой вариант ответа, татарстанцы высказывали мнение о том, что это «*противоестественно*», «*рушит понятие брака и семьи*», что «*обеспокоены психологическим здоровьем рожденных в таких парах детей*», и тем как они будут воспитаны.

Относительно вопроса рождения детей одинокими мужчинами и женщинами при помощи искусственного оплодотворения сформировалось более лояльное мнение: доминирующее отношение (28 %) положительное, 34 % скорее положительное, 13 % скорее отрицательное и 10 % респондентов относятся отрицательно. Некоторые участники опроса использовали возможность вписать свой вариант ответа, причем высказывания респондентов были гендерно детерминированы: «*для женщин я отношусь положительно, для мужчин крайне негативно, отрицательно*», «*одиноким мужчинам не доверяю*». Было также несколько ответов представляющих нейтральную точку зрения («*это их выбор*»).

Позднее родительство (рождение детей после 45-50 лет), по результатам опроса, является приемлемой и принимаемой формой репродуктивного сценария. Положительно к этому относится 30 % респондентов, скорее положительно 27 %, скорее отрицательно 20 % и отрицательно 9 %. Затруднились ответить на вопрос 13% опрошенных. Ответы на открытые вопросы содержали разнообразные мнения о возможных трудностях как для родителей, так и для детей в такой ситуации: «*необходимо думать о детях, сколько будет лет родителям, когда они пойдут в школу*», «*большой риск патологий*», «*ребенка нужно не только родить, но и воспитать*», «*энергии, сил уже столько нет*», «*конфликт поколений*».

Ответы на вопрос об усыновлении как имитации репродуктивного поведения показывают расхождения во мнениях респондентов. Готовность усыновить ребенка есть у 15%, скорее готовы – 32 %, скорее нет – 22% и не готовы – 7,5%. Говоря о том, почему не пошли бы на такой шаг, респонденты отмечали, что «*партнер не готов на это решиться*», «*не смогли бы полюбить как своего*», «*что понятие гены никто не отменял*», «*сомнительная наследственность ребенка*».

Так как репродуктивное поведение – это и отказ от рождений, то косвенно были затронуты вопросы контрацепции и абортов как видов управлением репродуктивным поведением. По результатам анкетирования, самый популярный способ предохранения от нежелательной беременности – презерватив (33 %), затем идет способ прерванного полового акта (29%), гормональные средства (противозачаточные таблетки, пластыри, инъекции) – 7 %, календарный метод (5 %), внутриматочные средства (4,5 %), сексуальное воздержание (4 %). Не предохраняются никаким из существующих способов 18 % опрошенных. Из этого следует вывод, что лишь малая часть респондентов использует современные методы контрацепции с высокой степенью эффективности. На вопрос о том, «делали ли Вы аборт?» ответили «да» 26 % женщин, «нет» – 73 %, остальные затруднились с ответом.

Таким образом, анализ полученных результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что индивиды

такие более толерантными, свободными, предпочитают контролировать свое репродуктивное поведение. В современном обществе наблюдается трансформация гендерных отношений. Если раньше репродуктивное поведение обозначалось рамками семьи, то сегодня оно постепенно выходит за ее границы. К примеру, молодая девушка до 35 лет идет в клинику и рождает для себя ребенка при помощи донорской спермы; или однополые пары могут иметь ребенка, выношенного суррогатной мамой; или взрослые люди в браке сознательно принимают решение о жизни без детей.

В связи с этим важно рассмотрение репродуктивного поведения именно через призму социального аспекта. Сегодня репродуктивное поведение к физиологии имеет не столь прямое отношение: желание и личный жизненный сценарий первичен, а физиология вторична. Раньше социальные практики подстраивались под физиологию, а сегодня они трансформируются под личный сценарий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисов В.А., Демография и социальная психология. М., 1970. С. 8.
2. Гидденс Э., Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005.
3. Керимова Л.М., Керимов Т.Х., Теория структуризации Э. Гидденса: методологические аспекты // Социологические исследования. 1997. № 3. С.45.
4. Данные Федеральной службы государственной статистики о суммарном коэффициенте рождаемости URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (10.06.2021)

Информация об авторе

Галиева Эвелина Равилевна, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций
E-mail: evelinanalim@mail.ru

Galieva E.R.

TRADITIONAL AND MODERN REPRODUCTIVE BEHAVIOR MODELS

Abstract. This article describes the analysis of the results of a research on reproductive scenarios in the Republic of Tatarstan. The problem is the contradiction between the existing reproductive strategy and the reproductive practices. Reproductive behavior is viewed through the prism of the social aspect.

The mass survey (N = 1200) demonstrates how modern reproductive models are implemented on a mass scale, what is the relation to new reproductive scenarios.

Keywords: reproductive behavior, reproductive practices, reproductive scenarios, children, child planning.

Literature

1. Borisov VA, Demography and social psychology. M., 1970.S. 8.
2. Giddens E., Organization of society: Essay on the theory of structuration. M. : Academic Project, 2005.
3. Kerimova L.M., Kerimov T.Kh., The theory of structuration by E. Giddens: methodological aspects // Sociological research. 1997. No. 3. P.45.
4. Data of the Federal State Statistics Service on the total fertility rate URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (10.06.2021)

Author

Evelina Ravilevna Galieva, PhD student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications.
E-mail: evelinanalim@mail.ru

ОНЛАЙН - ТЕСТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО ТЕСТА ПО БИОХИМИИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ)

Аннотация. В статье рассматривается проблема внедрения тестирования как наиболее популярного и распространённого способа контроля знаний студентов в рамках дистанционного образования, на которое вынуждено были переведены студенты и преподаватели российских вузов в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19. С точки зрения авторов, переход на дистанционные формы обучения выявил многие существенные проблемы тренда на цифровизацию образовательного процесса. В ходе проведенного исследования установлено, что широко используемые в цифровом обучении методы контроля знания не могут эффективно применяться в процессе обучения и контроля для некоторых специальностей. Авторы выделяют особенности, проблемы и несовершенства системы тестирования, с которыми сталкиваются студенты и преподаватели. Авторы утверждают, что для таких областей в системе образования, как медицина, биология, биохимия, где огромную роль играет практическая составляющая полученных знаний, система тестирования не может служить эффективным инструментом проверки полученных знаний.

Ключевые слова: цифровизация, высшее образование онлайн-образование, онлайн-тестирование.

Цифровизация современного общества отражается во всех сферах жизни, в том числе и в реализации образовательных процессов в системе высшего образования. Последние годы все чаще поднимается вопрос увеличения доли цифровых технологий в процессе обучения и внедрения дистанционных форм обучения в системе высшего образования. Процесс цифровизации применительно к высшему образованию разворачивается в двух основных направлениях: это разработка новых образовательных продуктов с применением цифровых технологий и перенос в цифровой мир уже существующих инструментов и механизмов высшего образования (не только обучающие, но и административные) [1]. Пандемия COVID-19 ускорила цифровизацию во втором направлении, сделав переход существующего образовательного процесса в цифровое пространство почти мгновенным. Как отмечает Щелкунов М.Д. «Пандемия невиданно ускорила этот процесс,

не оставив образованию никаких альтернатив, кроме цифровой. В мобилизационном режиме вузам пришлось форсировать дигитализацию своей деятельности» [2]. Конечно, о полной и финальной цифровизации высшего образования в условиях пандемии говорить не приходится, переход к дистанционным формам является вынужденной мерой в этих условиях, поэтому такую форму цифровизации следует рассматривать не как переход к новым цифровым технологиям обучения, а как «цифровую миграцию». Ситуация, в которой оказались не только мировые, но и российские вузы в период пандемии, продемонстрировала как сильные, так и слабые стороны процесса цифровизации в системе образования. Так, например, опрос университетских работников, столкнувшихся с вынужденной цифровой миграцией, показывает их серьезную озабоченность и тревогу относительно собственной профессиональной роли и личной жизни, что резюмируется исследователями в

следующей характеристике: «Мы находим историю профессиональной дисфункции и нарушения, неравенства, эксплуатации и пренебрежения; злоупотребления и утраты уверенности, доверия; бесправия, вытеснения и маргинализации; испытания изодранной в клочья самооценки; уязвимости и беспомощности; и об утрате сильно очерченного прошлого, замененного мнимыми махинациями цифровой антиутопии и угрозой профессионального забвения» [3].

Одной из проблем, которую обострил вынужденный переход к цифровым дистанционным формам обучения, стало применение тестов в качестве основных форм контроля знаний у студентов. Несмотря на то, что противоречивость использования тестовых заданий в процессе обучения исследуется достаточно давно [4], вынужденные дистанционные формы вновь актуализируют проблему применения тестовых заданий в высшей школе. Традиционное тестирование в педагогике по мнению Аванесова В.С. «представляет собой стандартизованный метод диагностики уровня и структуры подготовленности», и «главная цель применения традиционных тестов – установить отношение порядка устанавливаемых между испытуемыми по уровню проявляемых при тестировании знаний» [5,6]. Среди положительных аспектов применения тестирования в образовательной среде Казиев В.М. отмечает их «строгость», «объективность», «технологичность», «применимость к всем группам испытуемых», «интегрируемость», «междисциплинарность» [7]. С одной стороны, тест представляет собой достаточно удобный и простой инструмент измерения компетентности студента, с другой имеет определенный диапазон применения [7], и сам формат тестирования (вне зависимости от вида: с множественным выбором или с конструируемым ответом) выработывает определенную стратегию решения проблем, которая может накладывать существенные ограничения на профессиональные навыки студентов: «Степень и тип поведения при разработке стратегии, которыми пользовались студенты, не сильно различались в зависимости от формата. Наиболее распространенной стратегией была алгоритмическая» [8].

Дисциплина «Биохимия» является базовой для большинства естественно-научных, и в особенности медицинских специальностей. Такой переход от традиционных форм проверки знаний к онлайн-тестированию во многом обусловлен, набирающей обороты тенденцией на массовое внедрение технологий дистанционного обучения в образовательный процесс в ВУЗах, а также дистанционным характером проводимых занятий в условиях пандемии, которая затронула весь весенне-летний семестр 2020 года. Пандемия во многом ускорила процесс «оцифровки» высшего образования. Усвоение таких алгорит-

мических моделей поведения при решении сложных, нестандартных задач может стать критическим недостатком для медико-биологических специальностей. Новые технологии и способы контроля не просто изменяют способ обучения, но формируют навыки и способности обучающихся. Определенные формы контроля тренируют и развивают специфические навыки решения задач, поэтому цифровизация и тестирование не просто меняют сами процессы внутри университета, но и те навыки и способы мышления, которые выпускники уносят с собой во внешний мир. Очевидно, что цифровизация накладывает отпечаток на то, каким образом студенты думают и решают проблемы: «...цифровые инструменты и платформы меняют то, как сегодня учащиеся думают и ведут себя ...» [9]. Поэтому выбор тестовых заданий в качестве инструмента контроля знаний студентов непосредственно может влиять на их уровень компетенции. Таким образом, сложившиеся факторы пандемии и цифровой миграции вновь ставят проблему тестовых заданий, как приемлемого и адекватного способа проверки знаний студентов.

Необходимо отметить, что медико-биологические направления относятся к той области системы высшего образования, где такие слабые стороны тестирования как: невозможность отследить мотивы выбора того или иного ответа и причины пробелов в знаниях; невозможность детального и глубокого погружения в содержание предмета из-за обширного охвата тем, включенных в тестирование [10]; «угадывание» ответа или «попадание» в ответ, в связи с частым прохождением одного и того же теста или повторяющимися вопросами [11] накладывают ограничения на применение тестирования, как единственного способа оценки знаний. Целью данной работы является анализ онлайн - тестирования студентов (экзаменационный вид контроля) по дисциплине «Биохимия», как способ оценки полученных ими компетенций, а также перспективы использования данного вида оценки знаний для естественно-научных направлений подготовки.

Результаты данной статьи основаны на кейс-стади экзаменационного тестирования по предмету «Биохимия» среди 269 студентов. Тест по базовой дисциплине «Биохимия» был создан и включал 50 вопросов. Тестирование было проведено на платформе Microsoft Forms в рамках работы в системе Microsoft Teams. Условия программы позволили сформировать «порядок» вопросов случайным образом, что снижает вероятность списывания среди тестируемых. Эксперимент проходил в два этапа. На первом этапе в качестве контроля эффективности экзаменационного теста, нами было проведено случайное угадывание ответов на вопросы теста. Второй этап исследования включал в себя непосредственно прохождение экзаменационного теста студентами. Получение результаты были проанализи-

рованы с использованием Н-критерия Краскела-Уоллиса и U-критерия Манна — Уитни.

В качестве контроля в данном эксперименте послужила случайная выборка. Результаты, полученные в ходе эксперимента в виде случайного угадывания ответов на вопросы теста, показали, что случайное угадывание правильных ответов для первой группы студентов имеет следующие параметры распределения: медиана 23.3 с размахом от 13.3 до 35. Случайное угадывание верных ответов для второй группы студентов имеет медиану 22 и размах от 8 до 37. При проведении рандомного теста было показано, что случайные результаты не совпадают с полученными. Важно отметить, что случайное угадывание в нашем случае никаким образом не выявляет «специальные» знания в области биохимии. Таким образом хоть сколько-нибудь успешное прохождение теста не может являться достаточным основанием для оценки понимания и усвоения материала. Интерпретация рандомного теста может выявить «ошибочность» вопросов теста, его качество, слабые стороны в формулировке и интерпретации, а также уменьшить логические ошибки возникающие в процессе создания тестовых заданий.

Для проведения экзаменационного теста были сформированы две группы студентов, которые решали тест в определенный промежуток времени. Тестирование было проведено на платформе Microsoft Forms, в рамках работы в системе Microsoft Teams. Тест отработывался на двух группах студентов в разные даты. Для каждой группы выставлялся определенный вариант теста. Вопросы, включенные в варианты теста, отражали основной объем курса по дисциплине «Биохимия» и обладали достаточной вариативностью. Условия сдачи теста для первой группы предполагали решение вопросов теста в течении 30 минут. Для второй группы время прохождения теста было сокращено на 15 минут. Решение сократить время сдачи теста для второй группы, было продиктовано исключением возможности воспользоваться поиском ответов в системе Интернет. Корректировка времени сдачи теста для второй группы дала результаты, которые заметно отличаются от таковых для первой группы. На основании Н-критерия Краскела-Уоллиса функции распределения суммарной оценки за тестирование схожи, что позволило сгруппировать два набора данных. Распределение первой группы можно описать через медиану, равную 41.7, с размахом от 31.7 до 46.7, в то время как вторая группа испытуемых демонстрирует медиану, равную 38.0 и размах от 17.7 до 46.0. Парное сравнение двух групп, проведенное с использованием непараметрического критерия значимости Манна-Уитни позволяет заключить, что распределения отличаются. Это может говорить о том, что компьютерное тестирование в условиях дистанционного обучения не способно адекватно отразить

уровень профессиональной компетентности студентов по предмету «Биохимия». Отличие распределений двух групп может свидетельствовать о том, что вынужденное сокращение времени прохождения теста во избежание списывания может существенно влиять на распределение оценок.

Предпринята попытка более детального анализа ответов студентов на вопросы теста. Выявлено, что на некоторые вопросы теста респонденты отвечали правильно только в 4 % случаев; отмечены также вопросы, правильные ответы на которые респонденты давали в 80% случаев. Таким образом, данные, полученные в ходе исследования, показывают, что не все студенты способны однозначно и убедительно справиться с тестом, а также сами тесты не могут в равной степени отразить уровень владения материалом среди студентов. Для полной картины анализа требуется повторения эксперимента в течении 2-3 лет.

Современный уровень цифровизации позволил достаточно быстро и относительно безболезненно перейти к дистанционным формам обучения. Цифровизация давно стала устойчивым трендом в области высшего образования. Она развивается в двух направлениях: разработка новых технологий обучения и цифровизация имеющихся. В условиях пандемии процесс цифровизации, который длился последовательно и постепенно, приобрел скачкообразный характер. Весь процесс обучения вынужденно перешел в цифровой мир. Новые условия цифровой миграции заставили заново обратить внимание педагогов и исследователей на проблему тестов, как инструмента контроля знания. При дистанционном обучении у преподавателей иногда не было адекватных альтернатив тестированию для проведения промежуточной аттестации студентов.

Проведенное исследование при тестировании студентов по предмету «Биохимия» имело своей целью проверить адекватность тестов в качестве способа определения уровня знаний. Первый этап рандомного тестирования показал распределения оценок в двух группах в случае, когда ответы выбираются не на основе имеющихся знаний, а случайным образом. Зафиксированные распределения оценок рандомного тестирования позволяют утверждать, что при проведении реального тестирования, студенты будут принимать решения, исходя из имеющихся знаний по предмету. Второй этап исследования заключался в проведении реального тестирования, в котором принимало участие две группы студентов. Первая группа студентов имела вдвое больше времени для прохождения теста, чем вторая (30 и 15 минут соответственно). На основании непараметрического критерия значимости Манна-Уитни, можно сделать вывод, что распределения оценок в двух группах отличаются. Иными словами, первая группа, имевшая больше времени для прохождения теста, показала результат выше,

чем группа, время которой было сокращено в попытке предотвращения списывания.

Таким образом, вынужденная цифровизация и переход к дистанционным формам обучения и контроля с одной стороны требует специальных мер, предотвращающих списывание (с помощью Интернета), а с другой – эти меры влияют на оценку знания студентов. Очевидно, что нельзя сказать, что первая группа лучше усвоила материал, чем вторая, поскольку более низкий результат в этой группе можно объяснить меньшим временем на обдумывание ответов. Однако очевидно также, что особенности организации тестирования в цифровом дистанционном формате влияют на результат тестирования.

Система онлайн-тестирования, как инструмент оценки знаний и подготовленности студентов, используется в педагогической среде на протяжении долгого времени. Несмотря на свои положительные стороны, она также имеет ряд ограничений. В условиях дистанционного обучения, онлайн-тестирование становится чуть ли не един-

ственно возможным (по соотношению трудозатратности, охвату экзаменуемых, и времени на проверку заданий), а поэтому самым распространенным средством оценки знаний студентов. Но правомерность применения тестирования, как единственного способа проверки знаний студентов, на некоторых направлениях подготовки ставится под сомнение. Для естественнонаучных направлений, таких как биология, химия, биохимия, медицина, где важно оценить не только багаж теоретических знаний, но и умение практического применения знаний, тестирование не может являться объективным механизмом оценки усвоенного материала. При все более распространяющемся тренде на дистанционное обучение и цифровой формат образовательных программ, который был особенно активно запущен из-за распространения коронавирусной инфекции весной 2020 года, необходимо искать альтернативные варианты онлайн-тестированию, как механизму оценки знаний, среди студентов медико-биологических направлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Danylo Fedirko 8 Top Trends Of Digital Transformation In Higher Education 2019 URL:<https://elearningindustry.com/digital-transformation-in-higher-education-8-top-trends> (дата обращения 02.08.2020)
2. Щелкунов М.Д. Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего// Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2 URL: <http://www.vestnykeps.ru/0220/43.pdf> (дата обращения 11.07.2020)
3. Watermeyer, R., Crick, T., Knight, C. et al. COVID-19 and digital disruption in UK universities: afflictions and affordances of emergency online migration. High Educ (2020). <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00561-y>
4. Green B. F. (1997). A primer of testing (1981). In J. M. Notterman (Ed.), The evolution of psychology: Fifty years of the American Psychologist (p. 193–212). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10254-014>
5. Аванесов В. С. Основы научной организации педагогического контроля в высшей школе. Школа. – М., 1989. – 167 с.
6. Аванесов В.С. Теория и практика педагогических измерений (материалы публикаций). – ЦТ и МКО УГТУ-УПИ, 2005 г. – 98 с.
7. Казиев В.М. Введение в практическое тестирование. – М.: Национальный открытый Университет ИНТУИТ, 2016. – 98 с.
8. Barnett-Foster, D., Nagy, P. Undergraduate student response strategies to test questions of varying format. High Educ 32, 177–198 (1996). <https://doi.org/10.1007/BF00138395> (дата обращения: 03.08.2020).
9. Saykili, Abdullah. (2019). Higher Education in The Digital Age: The Impact of Digital Connective Technologies. Journal of Educational Technology and Online Learning (p.1-15). https://www.researchgate.net/publication/330770798_Higher_Education_in_The_Digital_Age_The_Impact_of_Digital_Connective_Technologies (дата обращения: 03.08.2020)
10. Желнин М. Э., Кудинов В. А., Белоус Е. С. Преимущества и недостатки тестирования в сравнении с другими методами контроля знаний // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. №1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-testirovaniya-v-sravnenii-s-drugimi-metodami-kontrolya-znaniy> (дата обращения: 03.08.2020).
11. Перова Ю. П., Технологии тестирования в дистанционном обучении// Доклады ТУСУР. 2015. №1 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-testirovaniya-v-distantsionnom-obuchenii> (дата обращения: 03.08.2020)

Информация об авторах

Ганеева Лилия Ахатовна, кандидат биологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт фундаментальной медицины и биологии, Высшая школа биологии, Центр биологии и педагогического образования, кафедра биохимии, биотехнологии и фармакологии.

E-mail: kolbatonalilya@mail.ru

Изотова Екатерина Дмитриевна, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт фундаментальной медицины и биологии, Высшая школа биологии, Центр биологии и педагогического образования, кафедра биохимии, биотехнологии и фармакологии.

E-mail: izotova.e.d@gmail.com

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии

E-mail: meflova@gmail.com.

Сафонов Александр Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии.

E-mail: chelovek-3000@yandex.ru.

Маяковская Анастасия Владимировна, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: anastasya99999@mail.ru

Ефлова Дарья Сергеевна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ganeeva L.A., Izotova E.D., Eflova M.Y., Safonov A.S., Mayakovskaya A.V., Eflova D.S.

ONLINE TESTING AS A TOOL FOR ASSESSING STUDENTS' KNOWLEDGE (ON THE EXAMPLE OF AN EXAMINATION TEST IN BIOCHEMISTRY AMONG STUDENTS OF NATURAL SCIENCE SPECIALTIES)

Abstract. The article discusses the problem of introducing testing as the most popular and widespread method of monitoring students' knowledge within the framework of distance education, to which students and teachers of Russian universities were forced to transfer during the spread of the coronavirus infection COVID-19. From the point of view of the authors, the transition to distance learning has revealed many significant problems of the trend towards digitalization of the educational process. In the course of the research, it was found that knowledge control methods widely used in digital learning cannot be effectively applied in the learning and control process for some specialties. The authors highlight the features, problems and imperfections of the testing system faced by students and teachers. The authors argue that for such areas in the education system as medicine, biology, biochemistry, where the practical component of the acquired knowledge plays a huge role, the testing system cannot serve as an effective tool for testing the acquired knowledge.

Keywords: digitalization, higher education, online education, online testing.

Literature

1. Danylo Fedirko 8 Top Trends Of Digital Transformation In Higher Education 2019 URL: <https://elearningindustry.com/digital-transformation-in-higher-education-8-top-trends> (date of treatment 08/02/2020)
2. Shchelkunov M.D. Society in a pandemic: a rehearsal of the digital future // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2020. No. 2 URL: <http://www.vestnykeps.ru/0220/43.pdf> (date of treatment 07/11/2020)
3. Watermeyer, R., Crick, T., Knight, C. et al. COVID-19 and digital disruption in UK universities: afflictions and affordances of emergency online migration. High Educ (2020). <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00561-y>
4. Green B. F. (1997). A primer of testing (1981). In J. M. Notterman (Ed.), The evolution of psychology: Fifty years of the American Psychologist (p. 193-212). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10254-014>
5. Avanesov VS Fundamentals of the scientific organization of pedagogical control in higher education. School. – M., 1989. – 167 p.
6. Avanesov V.S. Theory and practice of pedagogical measurements (materials of publications). – Central Television and MCO USTU-UPI, 2005. – 98 p.
7. Kaziev V.M. An introduction to hands-on testing. – M.: National Open University INTUIT, 2016. – 98 p.
8. Barnett-Foster, D., Nagy, P. Undergraduate student response strategies to test questions of varying format. High Educ 32, 177-198 (1996). <https://doi.org/10.1007/BF00138395> (date accessed: 03.08).
9. Saykili, Abdullah. (2019). Higher Education in The Digital Age: The Impact of Digital Connective Technologies. Journal of Educational Technology and Online Learning (p. 1-15). https://www.researchgate.net/publication/330770798_Higher_Education_in_The_Digital_Age_The_Impact_of_Digital_Connective_Technologies (date accessed: 03.08.)

10. Zhelnin ME, Kudinov VA, Belous ES Advantages and disadvantages of testing in comparison with other methods of knowledge control // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2012. No. 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-testirovaniya-v-sravnenii-s-drugimi-metodami-kontrolya-znaniy> (date of access: 03.08.)

11. Perova Yu. P., Testing technologies in distance learning // Reports of TUSUR. 2015. No. 1 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-testirovaniya-v-distantsionnom-obuchenii> (date accessed: 03.08.)

Authors

Ganeeva Lilia Akhatovna, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Fundamental Medicine and Biology, Higher School of Biology, Center for Biology and Pedagogical Education, Department of Biochemistry, Biotechnology and Pharmacology.

E-mail: kolbatonalilya@mail.ru

Izotova Ekaterina Dmitrievna, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Fundamental Medicine and Biology, Graduate School of Biology, Center for Biology and Pedagogical Education, Department of Biochemistry, Biotechnology and Pharmacology.

E-mail: izotova.e.d@gmail.com

Eflova Maria Yurievna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology

E-mail: meflova@gmail.com.

Safonov Aleksandr Sergeevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy.

E-mail: chelovek-3000@yandex.ru.

Mayakovskaya Anastasia Vladimirovna, Assistant, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: anastasya99999@mail.ru

Eflova Daria Sergeevna, student, Kazan (Volga Region) Federal University.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДОВ – МИЛЛИОННИКОВ ДЛЯ ИХ ЖИТЕЛЕЙ: ОЦЕНКА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Одним из приоритетных направлений развития городов для его жителей является повышение его привлекательности. Это возможно осуществить через формирование комфортной городской среды. В статье исследованы содержание категории «привлекательность территории» и параметры ее определяющие. На основе интегрального индекса рассчитан индекс привлекательности городов – миллионников современной России, выявлены их сильные и слабые стороны. На основе проведенного анализа разработаны предложения по повышению привлекательности анализируемых городов – миллионников.

Ключевые слова: город, привлекательность территории, комфортность города, управление городом.

В условиях глобализации экономики усиливается конкуренция между городами за качественные человеческие ресурсы, так как наиболее профессиональные кадры покидают менее развитые города, устремляясь туда, где больше возможностей для самореализации. Таким образом, наблюдается активная миграция населения между городами.

Проблемой исследования городов занимались и продолжают заниматься многие ученые. Среди классиков социологии города можно выделить Л. Вирта, который подтверждает в своих трудах положение М. Вебера о том, что «возрастание численности населения предполагает изменение характера социальных связей», что естественно начинает отражаться на жизни города и выстраивании новых моделей взаимодействия. [1]. Он также обращает внимание на то, что интересы, образ жизни и образ мыслей человека в современном городе зависят от рода его занятий и конкретной специализации. Таким образом, город может стать привлекательным, если у горожан есть возможность для удовлетворения потребностей в профессиональной реализации.

Особо актуально сегодня звучит теория креативного класса Р. Флориды, который считает, что города становятся

магнитом притяжения творческих людей. «Это те, кто занят в научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания» [2]. Опираясь на данную теорию, можно сделать вывод о том, что города должны предоставлять разнообразные возможности для проявления творчества и самореализации своих жителей, таким образом повышая свою конкурентоспособность.

Кроме того, проблемы кризисов городов и возможности поиска их роста, повышения их комфортности раскрываются в трудах Дж. Джейкобс, ставшей классиком современного урбанизма. В своей книге «The death and life of great American cities» (1961) она «выделяет четыре базовых условия для генерации разнообразия и активной социальной жизни в городах», которые способны сделать город более удобным и привлекательным для жизни [3].

Направления проектирования городской среды выделяются и в популярной работе Ч. Монтомери «Счастливый город». Грамотная планировка, продуманная организация общественного пространства позволяет делать жителей городов более счастливыми. В то же время исследователь

подчеркивает, что счастье не должно трактоваться в чисто гедонистическом ключе, а состоит в том, чтобы «каждый день вставать со своей постели и усердно работать для достижения своих целей» [4]. И город должен предложить эти условия для его созидания.

Современный горожанин становится все более требователен к городской среде. При выборе места для жизнедеятельности люди обращают внимание не только на наличие жилья, рабочих вакансий, но и в целом на уровень и качество жизни в городе. Одной из важных составляющих качества городской среды является комфортность проживания на определенной территории. Это емкое понятие, включающее в себя развитость инфраструктуры, наличие парковых зон, удобство расположения социально-культурных, спортивных объектов, а также магазинов, аптек и других объектов. Кроме этого, люди оценивают экологическую обстановку в городе – качество воздуха, воды, отсутствие загрязняющих веществ и т. д., так как это все отражается на здоровье населения. Таким образом, становится очевидным, что там, где муниципальные власти обеспечат наиболее выигрышные условия для жизни своих граждан, эта территория и будет привлекательнее и конкурентоспособнее [5], [6].

На сегодняшний день повышение «привлекательности города» для его жителей рассматривается как одна из важных управленческих задач муниципальной власти: обеспечить наиболее качественные условия для жизни. Эта цель отражена во многих стратегических документах и муниципальных программах благоустройства городов. Таким образом, важно проводить мониторинг по оценке уровня привлекательности территории горожанами, выявлять слабые стороны городов для разработки оперативных управленческих решений по их совершенствованию.

В нашем исследовании для проведения анализа были выбраны пять городов – миллионников современной России, которые являются основными конкурентами друг для друга, это – Казань, Екатеринбург, Пермь, Нижний Новгород и Самара.

Проведем расчет интегрального индекса привлекательности рассматриваемых городов – миллионников за 2019 год. Для этого необходимо вычислить субиндексы по каждому блоку показателей, определяющих в целом уровень привлекательности города.

Выделим шесть ключевых субиндексов и критерии их составляющие.

1. Субиндекс «Характеристика населения как индикатор качества жизни в городе» включает в себя:

- средняя продолжительность жизни, который показывает среднее количество лет предстоящей жизни человека;
- миграционный прирост, показывающий как прирост, так и убыль населения;

- число умерших на 1000 человек населения;
- число родившихся на 1000 человек населения;
- плотность населения – число жителей на 1 квадратный километр территории, то есть степень населенности конкретной территории.

2. Субиндекс «Экономическая сфера» состоит из следующих показателей:

- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, так как данный показатель выступает одним из наиболее значимых индикаторов при оценке качества жизни населения;
- количество вакансий и уровень зарегистрированной безработицы, так как рынок труда, с нашей точки зрения, играет немаловажную роль при выборе места жительства;
- оборот розничной торговли, отражающий совокупность всех денежных средств, вырученных от продажи товаров населению для личного потребления или использования;
- инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения показывает привлекательность городов – миллионников для инвесторов;
- число предприятий и организаций, действующих на определенной территории;
- обеспеченность легковыми автомобилями на тысячу жителей.

3. Субиндекс «Комфортность проживания в городе» проявляется в скорости передвижения по городу, поэтому был выбран такой важный показатель, как индекс среднего балла пробок за сутки в городе.

4. Субиндекс «Экология в городе» – это совокупный показатель, состоящий из:

- индекса качества воздуха (AQI), который может принимать значения от 0 до 500, при этом, чем выше значение данного показателя, тем выше уровень загрязнения воздуха;
- площади озелененных территорий – садово-парковые комплексы, искусственно созданные на определенной территории (парки, скверы, бульвары и др.);
- среднего норматива накопления твердых коммунальных отходов (ТКО) на 1 человека в год.

5. Субиндекс «Инфраструктура» включает следующие показатели:

- количество учебных заведений (университеты, институты, академии, духовные учебные заведения, училища, колледжи);
- количество школ;
- количество детских садов;
- число мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми;
- количество Wi-Fi точек;
- количество медицинских организаций, которые составляют число больничных организаций и число амбулаторно – поликлинических организаций;

- количество кинотеатров;
- количество бассейнов;
- количество фитнес-клубов;
- количество торгово-развлекательных центров;
- количество аквапарков;
- количество коворкингов.

6. Субиндекс «Стоимость жизни в городе и доступность благ для жителей» включает следующие параметры:

- общая площадь жилых помещений, приходящейся в среднем на одного городского жителя;
- доступность жилья;
- доступность аренды жилья;
- доступность платы за ЖКУ;
- доступность оказания медицинских услуг в частных учреждениях;
- доступность услуг частного детского сада;
- доступность обучения в ВУЗах;
- доступность проездного билета на 1 месяц;
- доступность посещения досуговых учреждений (средняя стоимость билета в кино, средняя стоимость билета в театр, средняя стоимость месячного абонемента в бассейн, средняя стоимость месячного абонемента в фитнес-клуб). [7]

Для расчета индексов доступности тех или иных стоимостных показателей была взята стоимость определенной услуги за 1 месяц или 1 год и делилась на среднемесячную или среднегодовую начисленную заработную плату соответственно. [8]

Для расчета субиндексов воспользуемся формулами

1) метод прямой связи рассчитывается по формуле (1):

$$\frac{X_i - X_{min}}{X_{max} - X_{min}} \quad (1)$$

2) метод обратной связи рассчитывается по формуле (2):

$$\frac{X_{max} - X_i}{X_{max} - X_{min}} \quad (2)$$

где x_i – показатель соответствующего города по определенному критерию,

min – минимальный показатель среди анализируемых городов по критерию,

max – максимальный показатель среди анализируемых городов по критерию.

В результате расчетов получаем индексы в диапазоне от 0 до 1, где максимальному значению присуждается «1», а минимальному – «0». Далее в рамках каждого блока показателей рассчитывается субиндекс как среднее арифметическое значение индексированных показателей. Соответственно аналогично высчитывается интегральный индекс привлекательности по каждому городу-миллионнику по всем 5 блокам показателей.

Таким образом, приведем итоговые рассчитанные интегральные индексы привлекательности по каждому выбранному городу. На рисунке 1 представлены итоговые расчеты. Безусловным лидером по сводному индексу является Казань, ее общий индекс привлекательности составил 0,59 в 2019 году (См. рис. 1).

Анализируя полученные субиндексы в городе Казани, мы видим, что наименьший показатель наблюдается в блоке «Комфортность проживания в городе» (0,44), что обусловлено наличием пробок в городе. Кроме того, в Казани отмечается и такая проблема, как неблагоприятная экологическая обстановка (См. рис. 2).

Немного отстают от Казани по индексу привлекательности Екатеринбург – 0,57 и Нижний Новгород – 0,55. (См. рис. 1).

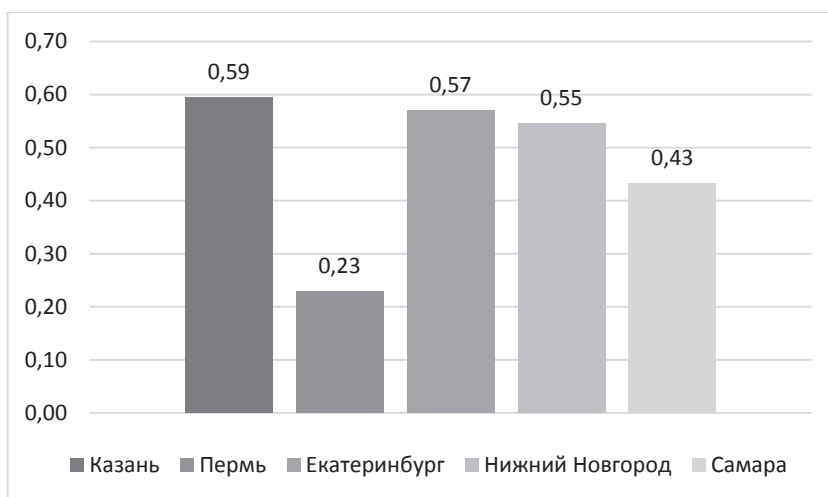

Рисунок 1. Интегральный индекс привлекательности городов – миллионников за 2019 год

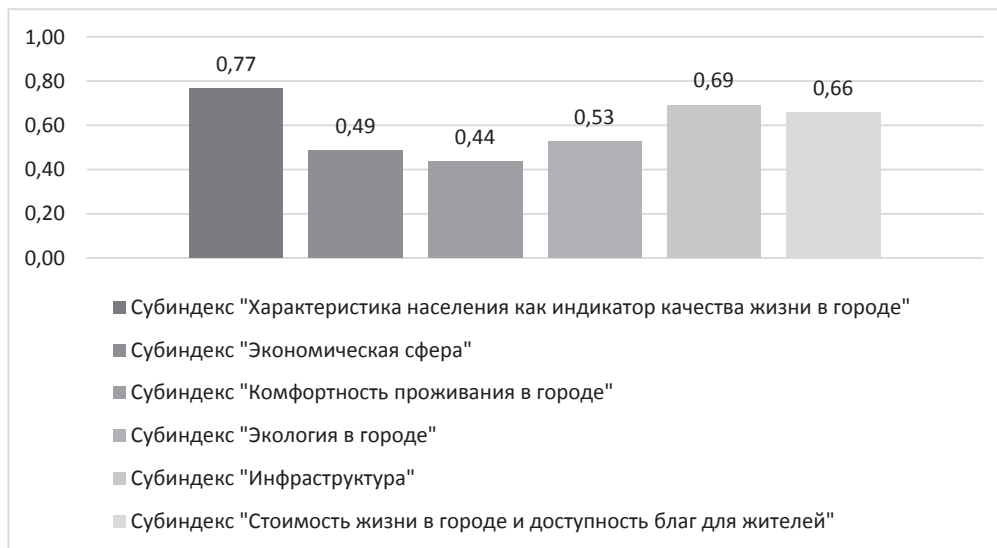

Рисунок 2. Субиндексы интегрального индекса привлекательности города Казань за 2019 год

В Екатеринбурге наиболее остро стоит проблема, связанная с экологической обстановкой (0,27) в 2019 году. (См. рис. 3).

Из рисунка мы видим, что в Екатеринбурге также остро стоит проблема пробок на дорогах (См. рис. 3). В городе существует проблема безработицы и отмечаются одни из самых высоких цен на жилищно-коммунальные услуги (таблица 1).

Таблица 1

Показатели города Екатеринбурга в 2019 году

Показатель	Значение
Индекс уровня зарегистрированной безработицы	0,53 [7x8]
Расходы среднестатистической семьи на ЖКУ в месяц	4524 рублей [8x9]

В Нижнем Новгороде наблюдаются большое количество умерших на 1000 человек населения и низкая средняя продолжительность жизни по сравнению с другими анализируемыми городами (См. Таблица 2). Кроме того, в Нижнем Новгороде отмечается относительно низкий оборот розничной торговли в 2019 году (См. Таблица 2) и недостаточно развитая инфраструктура (0,41) (См. рис. 4).

Таблица 2

Показатели города Нижний Новгород в 2019 году

Показатель	Значение
Индекс числа умерших на 1000 человек населения	0,00 [7x8]
Средняя продолжительность жизни	72,32 года [8x9]
Индекс оборота розничной торговли	0,50 [7x8]

Рассмотрим положение в городе Нижний Новгород. (См. рис. 4).

Рисунок 3. Субиндексы интегрального индекса привлекательности города Екатеринбург за 2019 год

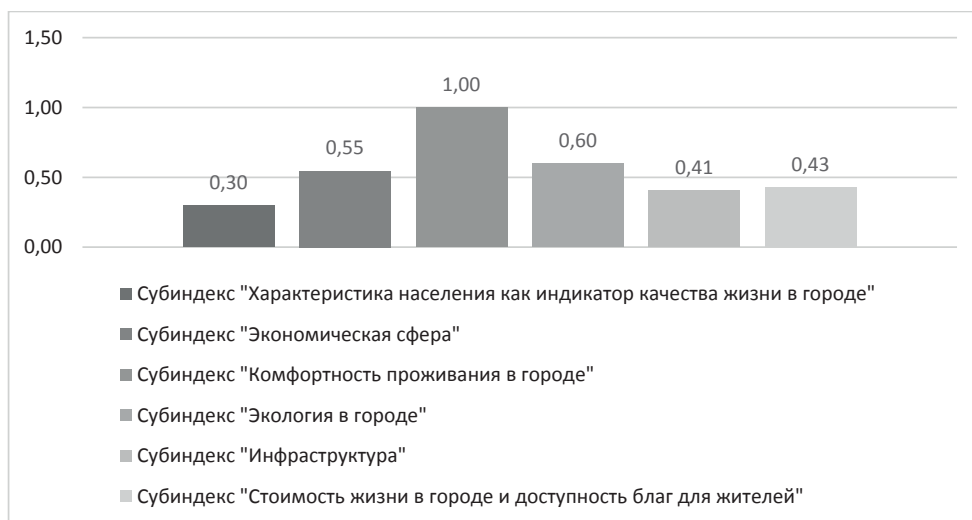

Рисунок 4. Субиндексы интегрального индекса привлекательности города Нижний Новгород за 2019 год

Рисунок 5. Субиндексы интегрального индекса привлекательности города Самара за 2019 год

Что касается Самары, то в этом городе сводный индекс привлекательности составил 0,43 в 2019 году (См. рис. 1).

В городе тоже существуют проблемы: как и в Нижнем Новгороде наблюдается большое количество умерших на 1000 человек и низкая средняя продолжительность жизни (См. Таблица 3).

В экономической сфере Самары отмечается низкий оборот розничной торговли, а также наблюдается малое число предприятий и организаций в 2019 году. [9] Комфортность проживания в городе снижается за счет наличия пробок на дорогах и за счет высоких цен за жилищно-коммунальные услуги. В Самаре наблюдается низкая развитость инфраструктуры за счет малого количества детских садов (См. Таблица 3).

Таблица 3

Показатели города Самара в 2019 году

Показатель	Значение
Индекс числа умерших на 1000 человек населения	0,00 [7x8]
Средняя продолжительность жизни	72,77 лет [9x7]
Индекс оборота розничной торговли	0,33 [7x8]
Индекс числа предприятий и организаций	0,25 [7x8]
Расходы средне-статистической семьи на ЖКУ в месяц	4722 рублей [8x9]

Следующий анализируемый город – это Пермь, в ней обстоят дела хуже всего по сравнению с другими городами – миллионниками, ее сводный индекс привлекательности составил всего 0,23 (См. рис. 1).

В Перми отмечается самая низкая средняя продолжительность жизни (См. Таблица 4).

Анализируя экономическую обстановку в городе, можно выделить следующие слабые её моменты. Во-первых, зафиксирован высокий уровень зарегистрированной безработицы, во-вторых, существует достаточно низкий оборот розничной торговли, в-третьих, наблюдается малое число предприятий и организаций [10] (См. Таблица 4). Кроме того, в Перми существуют экологические проблемы, а также проблемы пробок на дорогах и низкая развитость инфраструктуры (См. рис. 6).

Таблица 4
Показатели города Перми в 2019 году

Показатель	Значение
Средняя продолжительность жизни	71,32 года [10x11]
Индекс уровня зарегистрированной безработицы	0,00 [7x8]
Индекс числа предприятий и организаций	0,00 [7x8]
Индекс оборота розничной торговли	0,00 [7x8]

Подводя итоги, можно выделить общие проблемы для всех городов – миллионников. Одна из них – это сложная экологическая обстановка на урбанизированных территориях. Для ее решения важно провести ряд мероприятий, связанных с расширением зеленых зон, перевод автотранспортных средств на экологически чистые виды моторного топлива, чтобы снизить выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, а также важно привлекать горожан на совместные мероприятия по уборке улиц и поддержания чистоты в городе.

Вторая общая проблема во всех городах связана с пробками на дорогах. Опираясь на опыт европейских

городов, можно предложить такие меры, как улучшение качества общественного транспорта, разработка эффективной транспортной системы, увеличение штрафов за нарушения, увеличение цен на парковочные места в центре города.

Проблему, связанную с безработицей в Екатеринбурге и Нижнем Новгороде, можно решить отчасти с помощью создания дополнительных рабочих мест по благоустройству городской среды, а также за счет реализации специальных муниципальных программ по повышению квалификации или переквалификации работников.

Проблему высоких расходов на жилищно-коммунальные услуги в Екатеринбурге и Нижнем Новгороде целесообразно решать путем внедрения инновационных технологий по обогреву помещений и активному использованию теплоизоляционных и энергосберегающих установок.

Для повышения оборота розничной торговли в Нижнем Новгороде, Самаре и Перми можно предложить провести мониторинг состояния потребительского рынка в данных городах, разработать льготные муниципальные программы аренды или лизинга необходимых логистических средств и другого оборудования для активизации розничной торговли.

Для повышения привлекательности Нижнего Новгорода, Самары и Перми важно обратить внимание на их инфраструктуру. Целесообразно провести ее ремонт, а также обеспечить строительство новых торгово-развлекательных центров и спортивных учреждений в Нижнем Новгороде, образовательных учреждений в Самаре и досуговых и образовательных учреждений в Перми.

Таким образом, предлагаемые рекомендации позволят повысить комфортность проживания городов – миллионников и сделать их более привлекательными и конкурентоспособными.

Рисунок 6. Субиндексы интегрального индекса привлекательности в городе Пермь за 2019 год

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно- информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; [пер. с англ. – В.Г. Николаев; отв. ред. Л.В. Гирко]. М.: ИНИОН, 2005. – 244 с.
2. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее [Электронный ресурс] // М., 2005. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=542385&p=1> (дата обращения: 14.06.2021).
3. Jacobs, J. The death and life of great American cities. – New York – 1961. – 472 p.
4. Монтгомери Ч. Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь. / [пер. с англ. – Ю. Константинова; науч. редактор Л. Гордон]. М: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 365 с.
5. Глебова И. С. Анализ комфортности проживания в крупнейшем городе и возможности ее повышения (на примере г. Казани) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – №.4. – С. 198–210
6. Глебова И. С. Оценка комфортности и привлекательности жизнедеятельности в городе (на примере г. Казани) // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №5. – С. 380–386.
7. Регионы России. Основные социально – экономические показатели городов [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14t/Main.htm (дата обращения: 14.06.2021).
8. Рейтинг регионов по доле расходов населения на ЖКУ [Электронный ресурс] // РИА рейтинг. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20200915/630180046.html> (дата обращения: 14.06.2021).
9. Продолжительность жизни самарцев [Электронный ресурс] // Новости Самары. – URL: https://www.samru.ru/society/novosti_samara/121924.html (дата обращения: 14.06.2021).
10. Средняя продолжительность жизни в Пермском крае [Электронный ресурс] // GOGOV – госуслуги, документы, отзывы. – URL: <https://gogov.ru/life-expectancy/prm> (дата обращения: 14.06.2021).

Информация об авторах

Глебова Ирина Станиславовна, кандидат экономических наук, доцент Институт управления, экономики и финансов КФУ, зав. кафедрой государственного и муниципального управления

E-mail: Gle-irina@yandex.ru

Кучукбаева Алсу Ильфизовна, студент, Институт управления, экономики и финансов КФУ, направление подготовки – государственное и муниципальное управление.

E-mail: alcy0912@yandex.ru

Glebova I.S., Kuchukbaeva A.I.

ATTRACTIVENESS OF MILLION – PLUS CITIES FOR THEIR RESIDENTS: ASSESSMENT AND OPPORTUNITIES FOR ITS DEVELOPMENT

Abstract. One of the priority directions of urban development for its residents is to increase the attractiveness of life in the city through the formation of a comfortable urban environment. The article examines the content of the category "attractiveness of the territory" and its defining parameters. On the basis of the integral index, the index of attractiveness of cities with millions of inhabitants of modern Russia is calculated and a comparative analysis of the data obtained is carried out. Recommendations for increasing the attractiveness of the analyzed cities with millions of inhabitants are given.

Keywords: attractiveness of the territory, comfort of the city, city management.

Literature

1. Wirth L. Selected Works on Sociology. Collection of translations / RAS INION. Center for Social Science Information Research. Department of Sociology and Social Psychology; [lane. from English – V.G. Nikolaev; otv. ed. L.V. Girko]. М.: INION, 2005. – 244 p.
2. Florida R. Creative class: people who change the future [Electronic resource] // М., 2005. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=542385&p=1> (date accessed: 14.06.2021)
3. Jacobs, J. The death and life of great American cities. – New York – 1961. – 472 p.
4. Montgomery C. Happy City. How urban planning is changing our lives. / [lane. from English – Yu. Konstantinov; scientific editor L. Gordon]. М: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. – 365

5. Glebova I. S. Analysis of the comfort of living in the largest city and the possibility of its increase (on the example of Kazan) // Scientific notes of Kazan University. Series Humanities. – 2011. – No. 4. – S. 198 – 210
6. Glebova IS Assessment of comfort and attractiveness of life in the city (for example, Kazan) // Modern problems of science and education. – 2013. – No. 5. – S. 380 – 386.
7. Regions of Russia. Basic socio – economic indicators of cities [Electronic resource] // Federal State Statistics Service. – Access mode: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14t/Main.htm (date of the application: 14.06.2021).
8. Rating of regions according to the share of the population's expenditures on housing and communal services [Electronic resource] // RIA rating. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20200915/630180046.html> (date of the application: 14.06.2021).
9. Life expectancy of Samara residents [Electronic resource] // News of Samara. – URL: https://www.samru.ru/society/novosti_samara/121924.html (date of the application : 14.06.2021).
10. Average life expectancy in the Perm region [Electronic resource] // GOGOV – government services, documents, reviews. URL: <https://gogov.ru/life-expectancy/prm> (date of the application: 14.06.2021).

Authors

Glebova Irina Stanislavovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan Federal University, Head. Department of State and Municipal Administration

E-mail: Gle-irina@yandex.ru

Kuchukbaeva Alsu Ilfizovna, student, Institute of Management, Economics and Finance of KFU, direction of training – state and municipal administration.

E-mail: alcy0912@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ КАЗАНЦЕВ В ПЕРИОД НАЧАЛА ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Во втором квартале 2020 года население российских городов ощутило первые последствия пандемии COVID-19. Изменения произошли прежде всего в образе жизни, что повлекло за собой значительную трансформацию социальных настроений горожан. В статье анализируются социальные настроения казанцев и их оценки новых рисков в самом начале периода пандемии и начавшегося локдауна. Авторами, на основе анализа результатов эмпирического исследования (n = 600 человек), предпринята первая попытка осмыслить влияние пандемии коронавируса на различные стороны жизни жителей города, оценить восприятие горожанами происходящих изменений и их ожидания возможных последствий введения противозидемических мер. Авторы констатируют повышение уровня тревожности у населения, снижение индекса социальных настроений, пессимизм в оценке своего материального положения в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией и введения властями ограничительных мер.

Ключевые слова: городское население, социальные настроения, социальные ожидания, пандемия.

Пандемия COVID-19, охватившая практически все страны мира, стала очередным глобальным вызовом как для человечества в целом, так и для отдельных сообществ. Меры по сдерживанию пандемии, коснувшиеся практически всех россиян (заккрытие границ, карантинные меры, ограничение перемещений как внутри страны, так и внутри населенных пунктов, введение санитарно-гигиенических правил, перевод части трудящихся и учащихся на удаленную работу и учебу и др.), нарушили устоявшийся образ жизни большинства членов общества и внесли значительные изменения в функционирование экономической системы. Успех в борьбе с коронавирусом зависит не только от эффективности противозидемических мероприятий и дисциплины соблюдения мер профилактики, но и от солидарности, сплоченности, взаимоподдержки населения, доверия социальных субъектов друг к другу и государству. Страх лишиться близких, заразиться самому, потеря чувства социальной защищенности, вызванная кризисными явлениями в экономике, определяет повышение уровня тревожности населения и отражается на социальных настроениях, которые в свою очередь являются показателем готовности членов общества противостоять нависшей опасности.

В целом мы придерживались широкого, рамочного подхода к дефиниции социальных настроений, обоснованного Ж.Т. Тощенко, как «целостной формы жизнеощущения, доминантной формы реального функционирования общественного сознания и поведения, отражающей уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивида, социальных групп, населения, различных организаций и институтов социальных установок, социальных целей и интересов» [1, с. 22]. Необходимо учитывать, что социальное настроение группы «прямо или косвенно влияет на степень устойчивости общества, уровень его толерантности/конфликтности», кроме того, оно имеет тенденцию быстро меняться под влиянием событий внешней социальной среды, нередко ярко эмоционально окрашено и психологически нагружено [2, с. 375]. Оно может быть негативным (пессимизм, апатия и др.) и позитивным (оптимизм, активизм и др.). Негативные социальные настроения способны дестабилизировать общество, сделать его конфликтогенным, а составляющие его социальные группы – разобщенными, дезинтегрированными. В условиях борьбы россиян с общим невидимым «врагом» – коронавирусом – подобная ситуация крайне

нежелательна, так как обрекает общество на неудачу в этой борьбе, и может сказаться на выживании нации. Поэтому ставится задача мониторинга социальных настроений и ожиданий различных социальных групп российского общества и прогнозирования их социального поведения в ситуации борьбы с пандемией COVID-19.

Цель статьи – выявить специфику социальных настроений и ожиданий казанцев в контексте ситуации пандемии коронавируса, поскольку они обобщают восприятие этой ситуации индивидами, фиксируют их ожидания, страхи и отражают их мнения о методах борьбы с пандемией и последствиях их применения для жителей города.

Для достижения поставленной цели мы далее обратимся к результатам эмпирического социологического исследования, реализованного авторами с использованием методов формальной логики и анализа документов на этапах разработки исследовательского инструментария и анализа собранных с его помощью данных, а также с использованием метода опроса. Социологический опрос в форме стандартизированного анкетирования по онлайн-анкете (в Google Forms) был осуществлен среди совершеннолетних жителей города Казани во втором квартале 2020 года – во время первой волны пандемии COVID-19. Объем выборочной совокупности опроса составил 600 единиц. Отбор единиц наблюдения в выборку производился в два этапа: в ходе районирования генеральной совокупности на первом и ее пропорционального квотирования по признакам пола и возраста в рамках каждой из выделенных страт (районов города) на втором. По проведению опроса данные анкет были перенесены в электронный массив данных, дальнейшая обработка которого, включая процедуры контроля и ремонта выборки, обобщение содержания ответов на открытые вопросы анкеты, построение линейных частотных распределений по всем содержательным вопросам, построение таблиц их сопряженности с вопросами социально-демографического блока, расчет коэффициента χ^2 и индекса социальных настроений (далее – ИСН), были произведены в программах Excel (Microsoft 365) и IBM SPSS Statistics 26.

Расчет ИСН был произведен в соответствии с методикой Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (в основе которой лежит методика Левада-Центра) в два этапа. Сначала в ходе определения разности долей позитивных и негативных оценок респондентов по 10 вопросам-индикаторам и ее суммирования с дополнительными 100 баллами (позволяющими избежать отрицательных значений) были сформированы частные индексы (индекс личного положения, индекс текущего положения города, индекс ожиданий и индекс оценок деятельности государственной власти). Далее, путем нахождения среднего арифметического значе-

ний частных индексов, был сформирован интегральный индекс, характеризующий множество условий и перспектив жизни на территории, включая ее социальное, экономическое и политическое измерения, а также указывающий на проблемные области развития. Алгоритм интерпретации значений индекса был использован следующий: значение меньше 100 говорит о преобладании негативных оценок над позитивными, равное 100 – об их равном количестве, больше 100 – о преобладании позитивных оценок над негативными [3].

Как показали результаты нашего исследования, распространение пандемии COVID-19 и введение комплекса противоэпидемических мер, ограничивающих население в привычных способах проведения рабочего/учебного и досугового времени, определили рост уровня социальной неопределенности для жителей Казани. Так, около половины респондентов нашего опроса отнесли пандемию и связанные с ней ограничения к числу наиболее острых проблем города (44,2 %) наравне с углубившимся в контексте последних событий экономическим кризисом (55,7 %) и его важнейшими индикаторами (инфляция – 69,3 %, низкие выплаты – 67 %, безработица – 45,8 %), а также признали за ней очень большое влияние на все внутригородские процессы (56 %).

В первую очередь, было отмечено усиление тревожности среди казанцев, причем если ухудшение эпидемиологической обстановки повлекло за собой распространение страха за индивидуальное и общественное здоровье («боюсь за здоровье родных и близких») – 54,8 %, «боюсь заразиться коронавирусом» – 48 %, «боюсь, что система здравоохранения не справится» – 28,2 %, «боюсь массовой эпидемии в городе, республике и стране» – 26,5 %, то активизация мер антиковидной политики – страхов за свое финансовое благополучие («боюсь, что не смогу обеспечить себя (свою семью)») – 27,7 %, «боюсь остаться без заработка (прибыли)» – 26,8 %, «боюсь, что не смогу платить кредиты» – 24,8 %, «боюсь потерять работу (бизнес)» – 18,8 %) и свою уже привычную свободу («боюсь невозможности свободно передвигаться по городу» – 20,3 %, «боюсь смены привычного ритма жизни») – 19,8 %) (См. Рисунок 1).

Уже в начальный период распространения пандемии можно было говорить о значимых социально-экономических переменах для жителей Казани. Среди важнейших последствий пандемии для горожан – ухудшение финансового положения из-за введения локдауна и других ограничительных мер. Снижение доходов отметили 44,2 % респондентов; ожидаемо чаще всего на финансовые трудности жаловались те, кто временно не работает в период пандемии (100 %), а также 55 % респондентов с детьми. Финансовые трудности затронули в первую очередь городские слои бедных: среди тех, у кого денег не хватает даже на покупку

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос (многовариантный) «Что в сложившейся ситуации беспокоит Вас больше всего?», %

продуктов, 52,8 % опрошенных констатировали уменьшение уровня доходов, еще 21,3 % остались без дохода совсем. Но в полной мере население Казани еще не ощутило в начальный период пандемии финансовых трудностей, об этом говорит тот факт, что по мнению 43,5 % респондентов уровень их дохода не изменился.

Еще одно значимое последствие пандемии – рост безработицы. На момент опроса для большей части респондентов в экономическом отношении пока ничего кардинально не изменилось: 34 % казанцев работали как обычно на своем рабочем месте (в офисе, медицинском учреждении, на заводе, на дому и т.д.). Еще 15 % указали, что пока работают, но дома – дистанционно/удаленно. Однако четвертая часть опрошенных уже испытала на себе последствия введения противоэпидемических мер. Вынужденно экономически пострадали от них 25,8 % респондентов; из них 13,7 % указали, что временно не рабо-

тают, 6,6 % опрошенных казанцев отправили в вынужденный отпуск, 5 % были уволены. Отметим, что четвертая часть участников опроса – экономически неактивное население (учащиеся, неработающие пенсионеры, женщины в декретном отпуске и др.).

Достаточное количество сбережений на случай длительной самоизоляции имели лишь 2,7 % респондентов; для 9 % опрошенных длительность этого периода не имела значения, так как респондент/члены его семьи продолжали работать и получать заработную плату, но 43,2 % казанцев опасались затяжного вынужденного отпуска, так как живут от зарплаты до зарплаты. При этом 39,3 % респондентов считали, что смогут продержаться с имеющимися сбережениями меньше месяца; еще 25,8 % смогут прожить около 3 месяцев. Именно поэтому значительная часть жителей города опасалась резкого падения уровня жизни своей семьи в недалеком будущем.

Усиление страхов, переживания по поводу рисков вкупе с экономическими потерями населения могут привести к маргинализации наиболее уязвимых городских социальных слоев, росту оппортунистических настроений, поляризации общественного мнения, излишней эмоциональности его выражения и, как следствие, к непредсказуемости в поведении людей.

Боязнь дальнейшего обострения эпидемиологической обстановки в сочетании с тревогой по поводу социально-экономического эффекта от стабилизирующих ее мер, тем временем, нашла свое отражение в противоречивости оценки казанцами степеней оправданности и достаточности введенных ограничений. Треть наших респондентов (34,3 %) посчитали, что введенные в Казани ограничительные противозидемические меры необходимы для борьбы с пандемией COVID-19 и могут остановить распространение коронавируса, однако близкая доля опрошенных (27,2 %) также заявили об их чрезмерной жесткости, не добавляющей проводимой антиковидной политике эффективности, но создающей дополнительные

трудности для горожан в этот непростой период. Кроме того, пятая часть респондентов (19,7 %), напротив, указали на недостаточную строгость введенных ограничений, препятствующую достижению максимального успеха в борьбе с пандемией и ее последствиями (См. Рисунок 2), что было в большей степени характерно для обладателей высшего образования (21,8 %; в том числе и особенно – для обладателей ученой степени, 30,3 %). Казанцы, не имеющие высшего образования, со своей стороны, чаще настаивали на достаточности мер (среднее общее образование – 39,3 %, среднее специальное образование – 48,5 %), причем эти различия в распределении признаков оказались статистически значимыми ($\chi^2 = 50,962$ при $p = 0,000$). Также значимы и интересны следующие различия в группах по роду деятельности ($\chi^2 = 79,063$ при $p = 0,000$): на достаточности введенных ограничений преимущественно останавливались казанские пенсионеры (60,1 %), реже всего поддерживающие идею о смягчении режима (18,8 %), снискавшую, тем временем, наибольшую популярность среди неработающих казанцев (36,6 %), которых ограничения свободы

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько, на Ваш взгляд, введенные в Казани ограничительные противозидемические меры сегодня оправданы и достаточны?», %

досуга не устраивает сильнее всего. Саму необходимость борьбы с пандемией и ее последствиями поставили под сомнение чуть более десятой части опрошенных нами казанцев (12,7 %), среди которых большинство также не работают (19,7 %).

Несмотря на описанные различия восприятия казанцами сложившейся ситуации и используемых властью средств ее разрешения, абсолютное большинство опрошенных горожан (92,4 %) в той или иной степени придерживались предписанных и рекомендованных в условиях первой волны пандемии COVID-19 мер предосторожности (См. Рисунок 3). Все меры, в частности, соблюдали 36,7 % респондентов, отметивших для себя особую опасность заражения коронавирусом и всерьез обеспокоенных данной перспективой. Еще 55,7 % опрошенных нами казанцев придерживались предписанных и рекомендованных мер частично, в том числе 33,5 % – в силу внешних обстоятельств, не имея возможности соблюдать некоторые из мер, а 22,2 % – не считая нужным или не желая их соблюдать. Примечательно, что среди первых оказалось

больше учащихся и работающих (48,5 % и 37,1 % соответственно), а среди вторых – не работающих (26,8 %). Кроме этого, неработающие казанцы чаще, чем представители других групп по роду деятельности, отвечали, что не соблюдают никаких мер предосторожности (11,2 %; в целом по выборке их доля равна 6 %). Склонность же соблюдать все предписанные и рекомендованные меры больше всего характеризовала пенсионеров (52,2 %), причем различия в данном случае также статистически значимы ($\chi^2 = 46,466$ при $p = 0,001$). В целом, среди жителей города, в той или иной степени соблюдавших предписанные и рекомендованные меры предосторожности было больше женщин и людей в возрасте от 60 лет (пенсионеров), обладателей высшего образования и работающих граждан. Не соблюдали эти меры преимущественно мужчины и люди в возрасте 30–49 лет, обладатели среднего образования и неработающие граждане.

Что же касается конкретных способов самозащиты в условиях пандемии, реализуемых казанцами, то наибольшее распространение среди них получили практики

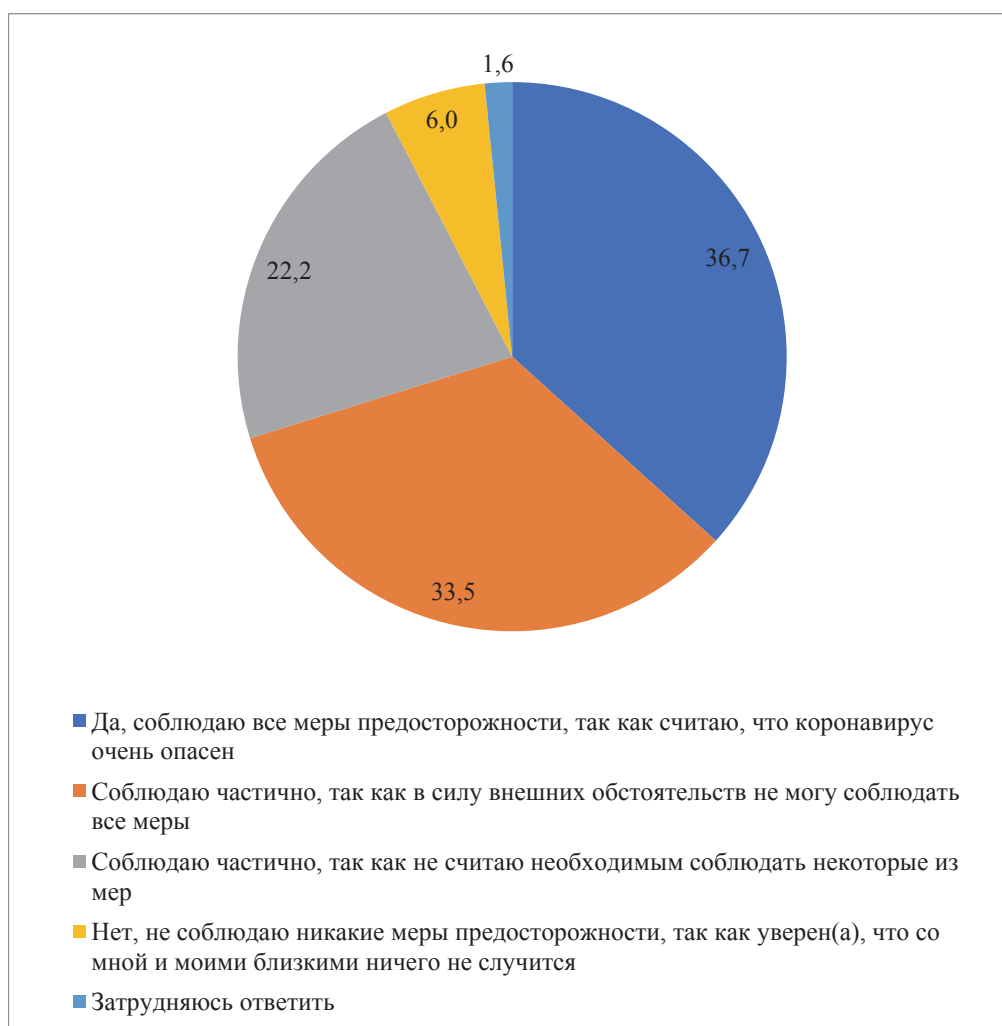

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Придерживаетесь ли Вы предписанных и рекомендованных в условиях пандемии коронавируса мер предосторожности?», %

ношения средств защиты органов дыхания (одноразовых и многоразовых масок) (76,8 %) и социального дистанцирования (выдержка расстояния в 1,5-2 метра) (55,1 %) в общественных местах, что во многом определено введением соответствующих предписаний. Несколько реже казанцы отвечали, что следуют базовым рекомендациям по поддержанию личной гигиены, индивидуального и общественного здоровья («часто мою и/или обрабатываю антисептиком руки» – 58,7 %, «не трогаю невымытыми руками глаза, нос и рот» – 41,1 %, «веду здоровый образ жизни и укрепляю иммунитет: правильно питаюсь, делаю зарядку, пью витамины и т.д.» – 32,3 %, «при кашле и чихании прикрываю рот и нос платком, салфеткой или сгибом локтя» – 31,4 %) и по обеспечению самоизоляции («нахожусь на самоизоляции дома (на даче) и выхожу только в случае крайней необходимости (в ближайший магазин и аптеку, отделение банка и т.д.)» – 34,9 %, «сократил до минимума контакты с пожилыми родственниками» – 33,5 %). Меньше всего отклика среди опрошенных встретили рекомендации по поддержанию чистоты и безопасности окружающих вещей («по приходе домой дезинфицирую одежду, гаджеты, банковские карты, покупки и т.д.» – 27,1 %, «дома периодически дезинфицирую поверхности столов, дверных ручек, стульев и т.д. специальными средствами» – 16,3 %).

Сложившуюся в Казани во время первой волны пандемии COVID-19 ситуацию важно рассматривать в общероссийском контексте как конкретизацию в регионах произошедших в стране изменений. Так, реализованные в начале пандемии (второй квартал 2020 года) специалистами Высшей школы экономики и Социологического антикризисного центра исследования также выявили рост уровня социальной неопределенности среди россиян. Большинство из них (37,4 %) признались, что видят в пандемии значительную угрозу и боятся, в первую очередь, связанного с ней спада экономики страны (60 %) и ухудшения здоровья (заражения коронавирусом) их родных и близких (52 %), а также в меньшей степени – изменений в привычном образе жизни (34 %), массовых смертей среди населения (34 %) и своего заражения (29 %) [4, с. 7; 5]. В этой связи, работа на дому оказалась не самой популярной среди россиян мерой предосторожности в условиях пандемии (16 %). Напротив, широкое распространение получили такие меры, как частое проведение досуга дома (67 %), частое мытье рук (56 %), редкое посещение магазинов (45 %) и ресторанов (43 %), избегание общественного транспорта и социальное дистанцирование (по 36 %) [4, с. 10–11].

Распространение пандемии COVID-19, введение ограничительных противоэпидемических мер, изменения социально-экономического положения граждан и связанные с ними страхи нашли свое отражение в значении ИСН рос-

сиян, которое, в соответствии с замерами Левада-Центра, в 2020 году оказалось равным 79,3 (среднее значение) [6]. Близким значением по итогам замеров Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан были охарактеризованы также социальные настроения казанцев. ИСН казанцев во время первой волны пандемии был равен 81,5, что так же, как и в целом по России, означает преобладание среди населения негативных оценок условий и перспектив жизни на территории, в отношении последних из которых наши респонденты оказались настроены наиболее пессимистично (частный индекс ожиданий = 76,8). Таким образом, пандемией и ее последствиями были вызваны самые значимые за все время мониторинга сдвиги социальных настроений казанцев; ранее значение ИСН не опускалось ниже 109,3 (в 2012 году, до приуроченного к Универсиаде 2013 года комплекса изменений городского пространства) [7]. О подобных сдвигах в целом по России, однако, говорить в настоящее время нельзя, поскольку различия значений ИСН 2020-го и нескольких предшествующих годов незначительны [6].

Подведем итоги:

1. Изменения в мироощущении казанцев не затронули базовые ценности – по-прежнему, наиболее значимы для казанцев семья, ее материальное благополучие и здоровье (своих близких и личное). Перемены коснулись восприятия возможностей их защиты в будущем и оценки рисков.

2. В начальный период пандемии у казанцев наблюдался достаточно высокий уровень тревожности и страхов, связанных прежде всего с возможностью заразиться коронавирусом и не справиться с экономическими последствиями локдауна и введения других противоэпидемических мер.

3. Общий фон социальных настроений казанцев – рост чувства неуверенности в завтрашнем дне, связанный прежде всего с состоянием экономического и финансового положения семей респондентов. ИСН показывает преобладание у горожан негативных оценок условий и перспектив жизни.

4. Несмотря на то что половина жителей города соблюдала все предписанные меры предосторожности, у части горожан возникают протестные критические настроения, которые носят характер пассивного осуждения излишне строгих ограничительных противоэпидемических правил поведения.

5. Общая тональность социальных ожиданий – скептическое отношение к возможностям государства и прежде всего системы здравоохранения быстро мобилизоваться и справиться с последствиями пандемии коронавируса в короткие сроки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21–34.
2. Сивевич З.В. Социальные настроения молодых петербуржцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13. Вып. 4. – С. 374–392. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.402>.
3. Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Социальные настроения россиян: методология интегральных оценок и эмпирические исследования // Россия и современный мир. – 2013. – № 3 (80). – С. 58–71.
4. «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 336 с.
5. Сводка # 1 [Электронный ресурс] // Социологический антикризисный центр. – 2020. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1cd65QMLuhlf-d-FiKD_UGcg9RMX2ngtk5/view (дата обращения: 20.06.2021).
6. Социально-экономические индикаторы [Электронный ресурс] // Левада-Центр. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikator/sotsialno-ekonomicheskie-indikator/> (дата обращения: 20.06.2021).
7. Дёмкина Е.П. Исследования социальных настроений жителей г. Казани: интегральный подход // Гуманитарный научный вестник. – 2019. – № 5. – С. 1–8.

Информация об авторах.

Лилия Георгиевна Егорова, кандидат социологических наук, доцент, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций кафедра общей и этнической социологии,

E-mail: lge1964@yandex.ru

Валерия Олеговна Корунова, аспирант, научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, отдел качественных исследований.

E-mail: Valeriya.Korunova@tatar.ru

Алиса Фиргатовна Шакирова, научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, отдел качественных исследований.

E-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru

Egorova L.G., Korunova V.O., Shakirova A.F.

SOCIAL MOODS OF KAZAN RESIDENTS DURING THE BEGINNING OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. In the second quarter of 2020, the population of Russian cities felt the first effects of the COVID-19 pandemic. Changes occurred primarily in the way of life, which led to a significant transformation of the social moods of citizens. The article analyzes the social moods of Kazan residents and their assessments of new risks at the very beginning of the pandemic period and the beginning of lockdown. The authors, based on the analysis of the results of an empirical study (n = 600 people), made the first attempt to understand the impact of the coronavirus pandemic on various aspects of the lives of city residents, to assess the perception of citizens of the changes taking place and their expectations of the possible consequences of the introduction of anti-epidemic measures. The authors note an increase in the level of anxiety in the population, a decrease in the index of social moods, pessimism in assessing their financial situation in the fight against coronavirus infection and the introduction of restrictive measures by the authorities.

Keywords: urban population, social moods, social expectations, pandemic.

Literature

1. Toshchenko Zh.T. Social mood – a phenomenon of modern sociological theory and practice // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1998. – No. 1. – Pp. 21–34.
2. Sivevich Z.V. Social moods of young Petersburgers // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociology. – 2020. – Vol. 13. Issue 4. – Pp. 374–392. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.402>
3. Ermolaeva P.O., Noskova E.P. Social moods of Russians: methodology of integral assessments and empirical research // Russia and the modern world. – 2013. – No. 3 (80). – Pp. 58–71.

4. "Black swan" in a white mask. Analytical report of the Higher School of Economics on the anniversary of the COVID-19 pandemic / ed. by S.M. Plaksin, A.B. Zhulin, S.A. Farizova; Nats. research. Higher School of Economics, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. – 336 p.

5. Summary # 1 [Electronic resource] // Sociological anti-crisis center. – 2020. – Access mode: https://drive.google.com/file/d/1cd65QMLuhfd-FIKD_UGcg9RMX2ngtk5/view (accessed 20.06.2021).

6. Socio-economic indicators [Electronic resource] // Levada-Center. – Access mode: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory> accessed 20.06.2021).

7. Demkina E.P. Studies of social moods of Kazan residents: an integral approach // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2019. – No. 5. – Pp. 1–8.

Authors

Lilia Georgievna Egorova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology,

E-mail: lge1964@yandex.ru

Valeria Olegovna Korunova, postgraduate student, researcher, Center for Advanced Economic Research, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Department of Qualitative Research.

E-mail: Valeriya.Korunova@tatar.ru

Alisa Firgatovna Shakirova, Research Fellow, Center for Advanced Economic Research, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Department of Qualitative Research. E-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ

Аннотация. В системе социокультурных параметров, оказывающих влияние на состояние межэтнических отношений, миграционные процессы играют существенную роль. От того, каким образом местное население относится к трудовым мигрантам, как выстраивает взаимоотношения с ними, во многом зависит как общий уровень этноконфессиональной стабильности в регионе, так и степень инклюзии/экслюзии самих мигрантов в принимающее их сообщество. Молодежь является социальной группой, проявляющей готовность к обсуждению и анализу социальных проблем, уверенно и открыто высказывающей собственную точку зрения. Поэтому отношение молодежи к мигрантам во многом отражает общественную ситуацию в целом. В статье представлены материалы массового репрезентативного опроса молодежи Республики Татарстан (n=2828 чел.) по проблемам межэтнических отношений и, в том числе, отношения к трудовым мигрантам.

Ключевые слова: Мигрант, миграция, экслюзия, молодежь, межэтнические отношения

В условиях современных реалий, определяемых мировой эпидемиологической нестабильностью в связи с продолжающимися периодическими всплесками заболеваемости коронавирусной инфекцией в разных точках планеты и вводимыми в этой связи режимами ограничений, экономики стран находятся в поисках возможностей сохранения траектории развития. В этой связи, решение проблем, особенно социально-экономического характера, обусловленных сложившейся ситуацией, требует оперативной идентификации пандемических рисков, их научного анализа с целью установления объективной и реальной оценки возможностей в плановом порядке реализовывать целевые программы развития, ориентированные на стабильный и социально значимый результат.

В настоящее время влияние последствий коронакризиса ощутили на себе все сферы общественной жизни российского социума, с позиций новых обстоятельств и приоритетов всячески стремящиеся к принятию своевременных мер реагирования на возникающие вызовы времени. В данных обстоятельствах оперативное, своевременное решение социально-экономических проблем в практиче-

ском плане означает сохранение страны в работоспособном состоянии.

Так, например, период карантинных мер, обострил ситуацию с трудовой миграцией, резко сократив миграционный приток в регионы России. Между тем, мобильность рабочей силы является важным условием функционирования экономических процессов, а миграция работников выступает важным источником рабочей силы в ряде отраслей экономики, обеспечивая экономический рост и благосостояние в принимающих странах [1]. Однако по данным СМИ, на сегодняшний день в экономике страны ощущается нехватка мигрантов. России не хватает зарубежной рабочей силы для реализации «амбициозных планов» в различных сферах экономики, в частности, в строительстве и сельском хозяйстве. По оценке экспертов, прямо сейчас стране нужен один миллион трудовых мигрантов [2]. Факт существенного сокращения числа мигрантов подтверждают и данные Министерства внутренних дел, которые констатируют, что к концу 2020 года трудовую деятельность в России осуществляли 1,798 млн иностранных граждан. В 2019-м году они были многочисленнее более,

чем на треть – 2,353 млн человек [3]. Безусловно, решение возникшей проблемы восполнения трудового потенциала страны и ее регионов требует, в том числе, и социально ориентированных решений в этой области, что в данном случае невозможно без опоры на научное знание – социологической поддержки, изучения любых социумных процессов на основе анализа больших массивов социологических данных. Поэтому именно научной значимостью и практической целесообразностью было обусловлено внимание авторов статьи к изучению различных аспектов проблемы миграции.

Источником социологической информации стали результаты исследования «Молодежь о национальных отношениях в стране», проведенного в ноябре 2020 года в ходе реализации Программы фундаментальных и прикладных научных исследований Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», непосредственными участниками которого стали авторы статьи. В центре внимания исследователей находилась молодежь в возрасте от 14 до 35 лет и оцениваемое ею состояние межэтнических отношений в Республике Татарстан. Молодежь была выбрана в качестве источника информации как социальная группа, открытая к обсуждению и анализу социальных проблем, готовая уверенно и открыто высказывать собственную точку зрения по обсуждаемым вопросам, имеющая стремление к участию в решении актуальных современных проблем и которая по своему социальному значению в будущем страны призвана обеспечивать и реализовывать стратегии инновационного развития, занимая активную жизненную позицию.

Поскольку в системе социокультурных параметров, оказывающих влияние на состояние межэтнических отношений, миграционные процессы играют существенную роль, анализ отдельных вопросов анкеты был интересен именно в контексте изучаемых аспектов предметной области. Для получения репрезентативной социологической информации была использована выборка объемом 2828 человек. Для профиля он-лайн респондентов, участвующих в опросе было характерно наличие представителей различных этносов, проживающих на территории республики, одного возрастного диапазона, среди которых, 33,1 % – мужчин, 66,9 % – женщин; проживающих в г. Казани – 35,6 %, в городах республики – 64,4 %. В качестве инструмента исследования был использован он-лайн опрос, что в полной мере позволило осуществить диалог с молодым поколением в соответствии с современными требованиями этой социальной группы, предпочитающей коммуникации в цифровом пространстве интернет-среды. Использование исследовательского приема по проведению

он-лайн опроса среди молодежи было вполне оправдано как с точки зрения исследовательского замысла в условиях пандемии коронавирусной инфекции, так и прогнозируемой позитивной ответной реакции респондентов на участие в опросе. Архитектура анкеты была представлена двумя блоками вопросов, в одном из которых респондентам предлагалось при ответе на поставленный вопрос выбрать одно из предложенных высказываний, в наибольшей степени соответствующее его мнению по данной проблеме, в другом блоке были использованы вопросы с так называемыми интервальными шкалами, когда респондент определяет отношение к тому или иному вопросу путем указания в шкале того числового значения, который соответствует его точке зрения. В нашем случае была использована 10-балльная шкала.

Социологический анализ данных проведенного исследования показал следующее.

Молодежь Татарстана демонстрирует достаточный уровень толерантности в вопросах межэтнических отношений, чтобы на территории республики была сформирована благоприятная, социально-психологическая среда, способная обеспечить успешное выполнение мигрантами профессиональных задач в соответствии с потребностями региональной экономики. Поэтому и доминирующими вариантами ответов в вопросе, предлагающем респонденту определить степень согласия или несогласия с предложенными вариантами высказываний, были те, которые утверждали, что не считают, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории – 65,9 % из числа опрошенных, так же как и 13,5 % респондентов, готовых скорее разделить данную точку зрения; не считают, что на их земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только их народу – 55,8 % и соответственно – 14,4 %, кто более склонен полагать именно так. Отсутствует и смещение точек зрения респондентов в сторону негативных высказываний относительно людей других национальностей. Преобладание подобных мнений позволяет говорить о преимуществах традиций татарстанцев по сохранению лучших традиций и практик бесконфликтного существования в едином территориальном пространстве представителей различных этнических групп, поддержания поликультурной толерантности, многоконфессиональной гармонии и межнационального согласия. Среда такого качества способна поднять уровень привлекательности республики для мигрантов из других стран и российских регионов, обеспечить их социальное благополучие, исключив возможность возникновения ситуации, при которой происходит игнорирование представителями принимающего сообщества сложностей существования данной социальной общности и даже лишение их полностью или частично

социальных, экономических, политических и культурных прав и возможностей. В противном случае, неизбежным результатом такого социального исключения может стать состояние социальной изоляции – социальной эксклюзии [4, с.12], исключения из нормальных общественных и социальных отношений, увеличивающих вероятность маргинализации членов социальной общности.

Как известно, становление теории социальной эксклюзии стало следствием необходимости объяснения проблем бедности и маргинализации, актуализировавшихся в западноевропейских странах в конце XIX – первой половине XX века. Предметом изучения социальных ученых стали индивиды и группы, «выпадающие» из социального мейнстрима. Анализ практик социального исключения был заложен еще в работах М. Вебера (концепции культурных изменений) [5], Л. Витгенштейна [6] и М. Хайдеггера [7] (концепции практик). Непосредственно теория начала формироваться в Европе в ответ на кризис государства всеобщего благосостояния и страх перед дезинтеграцией общества, вызванный социально-экономическими кризисами. В основе теории социальной эксклюзии лежит деление общества на «инсайдеров» и «аутсайдеров», учитывается не только «вертикальное» структурирование общества, но и «горизонтальные» различия. С ее помощью описываются различные категории людей, которые так или иначе исключены из занятости на основе системы социального обеспечения. Несколько позднее данная теория использовалась для объяснения и анализа различных видов социального неблагополучия, связанных с социальными проблемами, в первую очередь, обусловленными экономическими кризисами, длительной безработицей, растущей неустойчивостью социальных отношений, в том числе среди членов семьи. Социальное исключение рассматривалось как результат разрыва социальных и символических связей между отдельными лицами и обществом и неспособностью государства к установлению солидарности, которую описывал ранее в своих произведениях Э. Дюркгейм. Исключение определяется как разрыв социальных, культурных, моральных связей между индивидом, группой и обществом. Интеграция в общество предполагается путем ассимиляции в доминирующую культуру [4].

Под категорию исключенных могут попасть и мигранты, становясь носителями социальной эксклюзии [8]. Не случайно поэтому в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, отражена задача по созданию благоприятных условий для социально-экономической и социокультурной интеграции вынужденных мигрантов, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина [1].

Что касается мнений опрошенной молодежи, то доля тех, кто более склонен полагать, что приезжающие в регион

мигранты должны иметь те же права, что и местные жители, в соответствии с вариантами ответов представлена следующим образом: скорее согласен – 32,4 % респондентов, в целом согласен – 20,0 % и полностью согласен – 18,8 %. Незначительная часть респондентов придерживалась другой точки зрения по данному вопросу и была полностью не согласна с тем, чтобы приезжие и местные жители обладали одинаковыми правами – 5,9 %, в целом, предлагаемую позицию не разделяли 6,1% опрошенных, а 16,8% были готовы скорее не согласиться с такой постановкой вопроса. Как видим, при всем имеющемся разбросе мнений, очевидно, что большая часть представителей молодого поколения, участвующих в опросе – 71,2 % (против 28,8 %) лишены каких-либо стремлений к ограничению в правах людей, приезжающих в республику.

Татарстан, с его полиэтноконфессиональным составом населения, уникальным опытом многовекового совместного проживания представителей различных этносов, носителей разных культур, один из регионов-лидеров по социально-экономическому развитию, привлекателен для миграционных намерений выходцев из других российских регионов и, особенно, – из ближнего зарубежья. Этому способствуют объективно-экономические условия и традиции этноконфессиональной толерантности [9, с.132]. Данный вывод подтверждается и мнениями респондентов в вопросе, где предлагалось выбрать максимально допустимый для них ответ в суждении: *Для меня лично возможно и желательно принять представителя другого народа как близкого родственника, соседа, коллеги по работе и т.п.* Доля тех, кто не хотел бы общаться, видеть в своей стране представителей других народов (согласно возможным вариантам ответов в он-лайн-анкете – белорусов, казахов, узбеков, таджиков, украинцев, армян и др.) колеблется в интервале от 1,2 % до 12,4 % от числа опрошенных, что явно не является большинством в количестве ответивших. Более того, молодежь республики допускает возможность и даже, в определенной степени, желание видеть представителей других народов как граждан России: разброс числовых показателей, определивших предпочтения респондентов в выборе представителей того или иного народа в качестве будущих российских граждан, находится в интервале от 9,8 % до 19,9 %. Возможными для респондентов являются и факты принятия представителей других народов в качестве жителей своего региона (разброс мнений от 5,9 % ответивших на вопрос, до 15,2 %). Наиболее высокий процент предпочтения получили таджики – 15,2 %, народы Кавказа – 13,5 %, узбеки – 13,4 %, казахи – 11,8 % (далее указаны армяне – 12 %, белорусы – 8,1 %). Такая процентно-числовая последовательность объясняется наличием в конфессиональной модели населения республики значительной доли представителей мусульманского вероисповедания, а так-

же объективными условиями, определяемыми этнической структурой населения республики [10, с.228], что в свою очередь, являются дополнительным, стимулирующим фактором притока мигрантов [9, с.132] – представителей указанных народов.

Согласно данным исследования, в сознании молодежи прослеживается наличие этнической толерантности в области межличностных отношений. Поэтому стабильно желание представителей молодого поколения татарстанцев иметь друзей среди представителей других народов. И такой свой выбор респонденты продемонстрировали, уточняя в ответе, представителя какого именно народа они хотели бы видеть в качестве своего друга. В диапазоне ответов в порядке убывания от 36,4 % до 24,4 % были отмечены представители разных народов. Данная тенденция четко прослеживалась и даже усиливалась в ответах на другой вопрос, когда большая часть респондентов отмечала желание иметь среди друзей людей разных национальностей. Степень согласия с высказыванием: *Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей*, в цифровом выражении выглядела следующим образом: полностью согласны - 30,9 %, в целом согласны – 19,9 %, скорее согласны -33,5 %. Существовали и другие мнения, направленные в сторону нежелания видеть в кругу своего дружеского общения людей разных национальностей, среди них тех, кто полностью не согласен с такой ситуацией – 3,3 %, в целом не согласны – 2,9 %, скорее не согласны – 9,3 %. Судя по ответам респондентов, большинство (84,3 %) склонны рассматривать дружеские межличностные отношения сквозь призму открытости к толерантному восприятию межкультурного взаимодействия разных народов. Несомненно, следствием такой позиции будет не только укрепление межэтнических отношений, но и формирование модели поведения с поиском возможных точек соприкосновения и совпадения интересов и ценностей.

Одновременно, обращает на себя внимание то факт, что молодежь в меньшей степени готова рассматривать представителей других народов в качестве коллег по работе, здесь выбор варьируется в числовом отрезке от 9,3 % до 2,7 %. В широком спектре мнений респондентов присутствовали следующие: *Они отнимают рабочие места у местного населения и Мне не нравится, что они контролируют определенные сферы бизнеса*, хотя наблюдалось небольшое их количество, соответственно 9,2 % и 6 % из числа опрошенных. При этом, респонденты указывали данные факты даже как причины возникновения у них раздражения, неприязни к представителям некоторых народов. Вероятно, такую ситуацию во мнениях респондентов следует объяснить характерным для настоящего времени, сформированным в условиях рыночной экономики типом социальных отношений, который предполагает ориентацию на конку-

ренцию и индивидуализм. Отсюда и качественное изменение жизненных целей, установки на восприятие представителя другого народа как соперника в сфере реализации профессиональных амбиций.

В ответе на вопрос о степени выраженности конкуренции в бизнесе, в служебной карьере по национальному признаку на территории проживания в соответствии с 10-балльной шкалой, наибольшая концентрация ответов респондентов наблюдалась на цифре 5 предложенной шкалы, что составило 20 % от числа ответивших, в районе минимального значения — 13,4 % (цифра 1 на шкале) и на показателе 3 – 10,8 %. Отсутствие стремления величин к максимальным значениям шкалы указывает на то, что молодежь, в основном, не видит опасности бизнесу и карьере, со стороны влияния на них фактора, связанного с национальной принадлежностью.

Наибольшее количество ответивших предпочло бы иметь в рабочем коллективе представителей немецкого народа (9,3 %). Стремление видеть рядом с собой сотрудников, демонстрирующих индивидуальную ответственность и результат, определили выбор респондентов, как например, в данном случае, представителей именно немецкого народа в качестве коллег по работе, специфика психологии, национальные традиции и черты характера которого, в частности, педантичность, обеспечивающая высокое качество выполнения работы, делают их наиболее ценными в глазах сотрудников. Действительно, обогащение рациональными элементами трудовой деятельности представителей других народов, представляется положительным опытом для молодежи в современной практике организации труда.

В контексте исследуемой проблемы анализ миграционной культуры, предполагает, в том числе, изучение установок молодежи, проживающей на территории прибытия, в отношении мигрантов с позиции их социокультурного взаимодействия. В этой связи, вопросы адаптации и аккультурации в условиях новой среды требуют повышенного внимания и практического решения в соответствии с задачей, определенной в рамках Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года по «созданию условий для адаптации и интеграции мигрантов, включая их обучение русскому языку, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения путем формирования соответствующей инфраструктуры в странах их происхождения и в регионах Российской Федерации» [1].

Попадая в новую обстановку, мигранты сталкиваются с необходимостью усвоения иных норм, правил, культурных традиций, испытывая порой глубокие стрессы. Отсутствие опыта общения в иноязычной среде, ощущаемое иногда поражение в правах, страх перед налаживанием нового

быта, также формируют зоны повышенной конфликтности, делают их склонными к делинквентному и девиантному поведению. В обстановке наполненности жизни людей борьбой за приспособление к новым условиям жизни и связанным с этим гнетущим напряжением, тревожностью, отсутствием уверенности в завтрашнем дне, формируется психологический дискомфорт, не всегда способствующий налаживанию эффективной коммуникации с представителями принимающего сообщества, интегративному с ними взаимодействию. Иногда это находит отражение в таких формах поведения, которые вызывают раздражение, неприязнь по отношению к представителям некоторых народов и, как можно предположить, адресованные, в том числе, людям, прибывшим на данную территорию. Особенности такого поведения молодежь – участники опроса связывают с тем, что, по их мнению, мигранты, как правило, не обладают элементарной культурой и не умеют себя вести (так считает 32,2 %), ведут себя развязано, как хозяева, не соблюдают обычаи нашей страны (28,2 %). Не стоит забывать, что подобное поведение, описанное респондентами, может представлять собой своеобразную реакцию мигрантов на незнакомую среду со всеми крайностями и проявлениями, свойственными начальному этапу адаптации в новой социокультурной среде. Часть респондентов полагает, что к мигрантам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение. Разную степень согласия с такой постановкой вопроса в анкете соответствен-

но высказали 33,8 % (скорее согласен), 14,4 % (в целом согласен) и 14,1 % (полностью согласен). В соотношении тех, кто придерживается данной точки зрения и стремится к объяснению поведения мигрантов в русле аспектов культуры поведения, и тех, кто не разделяет подобное мнение (полностью не согласны – 10,0 %, в целом не согласны – 8,4 %, скорее не согласны – 19,2 %) в целом, наблюдался перевес мнений (62,3 % против 37,6 %) сторонников позиции, что коррекция поведенческих стереотипов и реальных действий будет способствовать улучшению качества межкультурного общения.

Как представляется, только достаточный уровень культуры взаимодействующих сторон, понимание и осознание принимающим сообществом всего комплекса трудностей, с которыми приходится сталкиваться мигрантам, поможет минимизировать время процесса адаптации к условиям новой социокультурной среды, исключить конфликтность, убрать недоверие со стороны местного населения.

В современных условиях, реализация стратегии привлечения мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития страны, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции [11] и недопущения социальной исключенности, позволит задействовать весь их профессиональный и социокультурный потенциал для решения задач, стоящих перед страной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения 12.06.21).
2. Почему России не хватает трудовых мигрантов. URL: <https://iz.ru/1150910/mariia-nemtceva/obratnaia-otsylka-pochemu-rossii-ne-khvataet-trudovykh-migrantov> (дата обращения 12.06.2021).
3. Мигрантов нам не хватает. URL: <https://expert.ru/2021/04/9/migrantov-nam-i-ne-khvatayet/> (дата обращения 14.06.2021).
4. Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. – Саранск, 2015. – 41с.
5. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
6. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 67-120.
7. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.
8. Муйзиник Н.В. Социальная эксклюзия как угроза гармоничному обществу. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-eksklyuziya-kak-ugroza-garmonichnomu-obschestvu> (дата обращения 12.06.2021).
9. Исламшина Т.Г., Ахметгалиева А.Р., Нагматуллина Л.К. Этноконфессиональный фактор миграционного движения населения в Республике Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – №3. – С.131-135.
10. Нагматуллина Л.К., Максимова О.А. Межэтнические браки в оценках молодежи Татарстана: тренды и региональная специфика // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – №4. – С.227-230.
11. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. - URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 14.06.21).

Информация об авторах

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: mmmmm16@yandex.ru

Максимова Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: olga_max@list.ru

Нагматулина Людмила Константиновна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, кафедра социологии, политологии и менеджмента.

E-mail: nagmlk@yandex.ru

Efova M.Yu., Maximova O.A., Nagmatullina L.K.

TATARSTAN YOUTH ATTITUDE TO LABOR MIGRANTS IN THE CONTEXT OF DISCOURSE OF SOCIAL EXCLUSION

Abstract. In the system of socio-cultural parameters that influence the state of interethnic relations, migration processes play an essential role. The way the local population treats labor migrants, how it builds relationships with them, largely depends on both the general level of ethno-confessional stability in the region and the degree of inclusion/exclusion of the migrants themselves into the host community. Youth is a social group that shows a willingness to discuss and analyze social problems, confidently and openly expressing their own point of view. Therefore, the attitude of young people towards migrants largely reflects the social situation as a whole. The article presents the materials of a mass representative survey of young people in the Republic of Tatarstan (n = 2828 people) on the problems of interethnic relations, including attitudes towards labor migrants.

Keywords: Migrant, migration, exclusion, youth, interethnic relations

Literature

1. The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (date of treatment 06/12/21).
2. Why Russia does not have enough labor migrants. URL: <https://iz.ru/1150910/mariia-nemtceva/obratnaia-otsylka-pochemu-rossii-ne-khvataet-trudovykh-migrantov> (date of access 06/12/2021).
3. We do not have enough migrants. URL: <https://expert.ru/2021/04/9/migrantov-nam-i-ne-khvataet/> (date of treatment 06/14/2021).
4. Eflova M.Yu. Social exclusion of deprived groups (drug addicts and people living with HIV) in Russian society: institutionalization strategies and integration experience: Avtoref. diss. ... doct. sociol. sciences. - Saransk, 2015. -- 41p.
5. Weber M. Selected Works. - M.: Progress, 1990.
6. Wittgenstein L. About reliability // Questions of philosophy. - 1991. - No. 2. - S. 67-120.
7. Heidegger M. Time and Being. - M.: Republic, 1993.
8. Muiznik N.V. Social exclusion as a threat to a harmonious society. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-eksklyuziya-kak-ugroza-garmonichnomu-obschestvu> (date of access 06/12/2021).
9. Islamshina T.G., Akhmetgalieva A.R., Nagmatullina L.K. Ethno-confessional factor of the migration movement of the population in the Republic of Tatarstan // Bulletin of Economics, Law and Sociology. - 2017. - No. 3. - S. 131-135.
10. Nagmatullina L.K., Maksimova O.A. Interethnic marriages in the assessments of the youth of Tatarstan: trends and regional specificity // Bulletin of Economics, Law and Sociology. - 2020. - No. 4. - S.227-230.
11. The concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025 - URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (date of treatment 06/14/21).

Authors

Eflova Maria Yurievna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: mmmmm16@yandex.ru

Maksimova Olga Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: olga_max@list.ru

Nagmatullina Lyudmila Konstantinovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan National Research Technical University named after V.I. A.N. Tupolev-KAI, Department of Sociology, Political Science and Management.

E-mail: nagmlk@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЦИЕНТОВ С ПЕРВИЧНЫМИ ИММУНОДЕФИЦИТАМИ С СОЦИАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. В данной статье авторами исследованы основные проблемы лиц, имеющих первичные иммунодефициты в условиях современной социализации и адаптации. Указанная группа пациентов является достаточно закрытой, в связи с тем, что первичные иммунодефициты являются орфанными заболеваниями о них практически ничего не известно обывателю. Поэтому наряду с личностными проблемами пациенты с первичными иммунодефицитами испытывают непринятие социумом, нежелание представителей различных социальных институтов включаться в решение их жизненно важных проблем. Наряду с этим ощущается недостаточность теоретических и прикладных исследований данной проблематики. Результаты эмпирического исследования показывают, что большинство пациентов испытывают проблемы при взаимодействии с другими детьми и педагогами в системе образования и воспитания детей. И если на первых годах жизни основной проблемой представителей указанной группы является обеспечение стерильного климата в образовательном учреждении, отсутствие специализированных детских учреждений, отсутствие в детском саду специалистов-медиков, то уже начиная с младшей школы на первый план выходят такие как, неготовность персонала к работе с детьми, имеющими первичные иммунодефициты, нежелание понимать ученика с первичным иммунодефицитом со стороны учителей и отсутствие специалистов, способных оказать медицинскую помощь.

Ключевые слова: пациент, болезнь, социализация, социальные институты.

Трансформация социального пространства привела к формированию новых условий для сохранения здоровья общества в целом и каждого пациента в частности. Взаимодействия пациента не только в связке пациент-врач, но и пациент-социальные институты, требуют от него принятия и реализацию важных решений с целью сохранения здоровья и адекватной социализации. Особенно сложными видятся взаимодействия пациентов с первичными иммунодефицитами (врожденными ошибками иммунитета – ВОИ) с представителями различных социальных институтов. Период и размах реформирования государственного управления захватывает различные сферы жизни людей, в том числе систему образования, как социально важного субъекта предоставления государственных и муниципальных услуг.

Первичный иммунодефицит (ПИД) является наследственным заболеванием, в результате которого нарушается механизм иммунной защиты, что приводит к аутоиммунной патологии, пациент становится беззащитным к различным инфекциям [1].

Анализ современного состояния российских и зарубежных исследований по проблемам социализации в системе образования и воспитания детей, имеющих первичный иммунодефицит, позволяет сделать следующие выводы. В научных трудах осмыслены общие проблемы в социализации детей-пациентов с различными наследственными заболеваниями. Выявлено, что дети переживают специфическую адаптацию и приспособление к своей болезни, часто воспринимают свое состояние как «нормальное» или должное [2]. Наличие у детей орфанных за-

болеваний обуславливает требования к условиям, необходимым для социализации этой категории граждан.

Российские исследователи акцентируют внимание на условиях, необходимых для социализации детей-инвалидов по следующим направлениям. Это применение эффективных моделей и проектов для проведения социальной реабилитации детей с наследственными заболеваниями [3; 4]. К необходимым условиям для социализации детей с орфанными заболеваниями относится оказание социально-педагогических услуг [5]. Исследователи обосновывают необходимость в профессиональных компетенциях, которыми должны владеть педагоги для разработки и применения педагогических технологий для социализации детей с орфанными заболеваниями [6]. Именно наличие конкретных компетенций, в том числе по инклюзивному образованию, позволяет, по мнению некоторых исследователей, применять нужные воспитательные подходы для социализации этой категории детей [7]. Положительно оценивая усилия педагогического общества по развитию инклюзивного образования, тем не менее, исследователи критикуют деятельность многих детских воспитательных и образовательных организаций, не выполняющих миссию обучения и социализации по отношению к детям с ограниченными возможностями, включая детей с ПИД [8]. Хотя именно в этих организациях ребенок с наследственным заболеванием должен адаптироваться к дальнейшей общественной жизни [9].

Результаты нашего исследования (опрос, n=54) показывают какие трудности испытывают люди с ПИД в различных образовательных учреждениях. Для сравнительной оценки того, как часто члены семьи с ПИД сталкиваются с различными трудностями в образовательных учреждениях нами был рассчитан Индекс по методу среднего, который измерялся от 0 (не сталкивались с трудностями) до 1 (постоянно испытывали трудности).

Чаще всего трудности испытывают члены семьи с ПИД, посещающие муниципальные ясли и детские сады. Из тех чьи члены семьи с ПИД посещали ясли, 50 % указывали на то, что постоянно испытывали трудности. Ключевая причина – обеспечение стерильного климата в учреждении. Неред-

ко в ясли приводят болеющего или не выздоровевшего ребенка, который может заразить в первую очередь ребенка с ПИД. Так же члены семьи с ПИД, посещающие ясли, сталкиваются с отсутствием специальных детских учреждений и неготовностью персонала яслей работать с детьми, имеющими первичный иммунодефицит (рисунок 1).

Второе место по индексу частоты трудностей занимает муниципальный детский сад. Никогда не испытывали трудностей в детском саду только 16,7%. Ключевая причина трудностей для тех, кто посещал детский сад, та же, что и для яслей – обеспечение стерильного климата (72% от числа посещавших). Треть отметила отсутствие специализированных детских учреждений и неготовность персонала к работе с детьми с ПИД, отсутствие в детском саду специалистов-медиков. Другие авторы также выделяют такую проблему как психологическая неготовность специалистов системы образования работать с детьми, имеющими хронические заболевания [10].

Научное осмысление в необходимости конкретных воспитательных подходов, включая индивидуальный подход к детям, имеющим заболевания слуха, зрения, когнитивные изменения в здоровье, нарушения двигательного аппарата, позволило Г. В. Пачурину выделить восемь типов образовательных организаций, приемлемых в системе образования [11]. Однако в эту классификацию не включены школы, в которых могут обучаться дети с первичным иммунодефицитом, хотя у них есть особые потребности, обусловленные спецификой заболеваний. Как правило, к школе дети с ПИД уже несколько адаптировались, в результате вместо обеспечения стерильного климата становится более необходимым понимание ученика с ПИД со стороны учителей и наличие специалистов, способных оказать медицинскую помощь. Так же некоторым школьникам с ВОИ необходим гибкий график учебы (рисунок 2). Российскими исследователями проанализирована такая форма обучения как обучение на дому, и установлено, что не для всех детей и их семей возможна таковая форма из-за организационных причин [12].

Есть исследования, авторы которых предлагают адаптировать международный опыт для решения организаци-

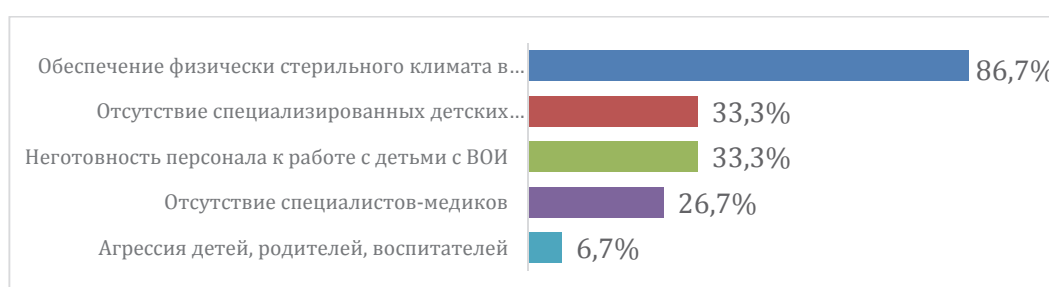

Рисунок 1. Основные причины трудностей для детей с ВОИ в яслях и детских садах (в % от числа ответивших)

Рисунок 2. Основные причины трудностей для детей с ВОИ в муниципальных школах (в % от числа ответивших)

онных проблем. В частности, для создания благоприятной среды в образовательных организациях, где можно минимизировать риски для обострения заболеваемости ребенка с заболеваниями, в том числе с первичным иммунодефицитом. С.В. Соловьевой предлагается изменять соотношение количества детей-инвалидов и относительно здоровых детей (в одном классе или кружке). Для таких действий достаточно принятия нормативного акта Министерства просвещения Российской Федерации [8].

Исследователями выявлено, что для социализации, в частности, для получения необходимых знаний и практических навыков, необходимо помимо общего, дополнительное образование. Оно значимо, т.к. именно здесь осуществляется процесс добровольного выбора ребенком соответствующего освоения различных знаний, ценностей культуры, что, безусловно, его развивает, а при хронической болезни удовлетворяются более высокие творческие или эстетические запросы [13].

Кружки и секции как форма дополнительной образовательной услуги занимает пятое место в рейтинге трудностей для детей с ПИД. Основные причины трудностей в кружках и секциях напоминают ситуацию в школе: почти половина опрошенных отметили неготовность руководителей кружков работать с детьми с ПИД, и почти половина – отсутствие специалистов-медиков. Треть информантов отметили необходимость обеспечения стерильного климата и по 18% – необходимость гибкого графика и наличие специального питания.

Санатории реже других учреждений вызывают трудности для детей с ПИД – ведь они специально предназначены для лечения и профилактики. Причины трудностей – обеспечение физически стерильного климата в учреждениях, неготовность персонала к работе с детьми с ВОИ и даже агрессия отдыхающих. По мнению некоторых исследователей, для социализации изучаемой категории детей недостаточно кратковременной волонтерской помощи или участия родителей [14].

Таким образом, нарушение своего статуса здоровья пациентами с ПИД воспринимается как социальная норма. В отношении больных с хроническими и инвалидизирующими заболеваниями предусматривается государственная система льгот и гарантий. Реализуются программы медико-социальной реабилитации и абилитации в отношении пациентов, признанных инвалидами, однако, результаты исследований показывают недостаточность мероприятий, направленных на социализацию пациентов с орфанными заболеваниями, особенно остро эта проблема проявляется в отношении лиц с первичными иммунодефицитами. Исследуемая группа пациентов требует других подходов в реализации идей инклюзивного образования.

Материалы статьи подготовлены авторами при поддержке гранта РФФИ № 18-29-14059.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцева Е. В., Запарий В. В. Современное состояние вопроса диагностики и лечения первичных иммунодефицитов // *Современные проблемы науки и образования*. 2020. – №. 5. – С.139. DOI: 10.17513/spno.30067.
2. Полетаева О. О. Психологические аспекты муковисцидоза // *Сибирское медицинское обозрение*. 2019. – №. 6 (120). – С. 54-61. DOI: 10.20333/2500136-2019-6-54-61.
3. Старшинова А. В. Социально-проектная деятельность в медицинском учреждении по социальной реабилитации детей с тяжелыми нарушениями здоровья // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2018.– № 13(4(182)). – С. 153–164.
4. Воронов К. А. Модель работы с детьми-инвалидами: социологические параметры // *Дискурс*. 2018. – Т. 7. – №. 21. – С. 97–109.
5. Низова Л. М., Андреева Е. А. Социальные измерения реабилитации детей-инвалидов в обществе на региональном уровне // *Детская реабилитация*. 2020. – №2(1) – С. 30–37. DOI: 10.36711/2686-7656-2020-2-1-30-37.
6. Челнокова Т.А. Педагогические технологии в системе инклюзивного образования // *Преемственная система инклюзивного образования: профессиональные компетенции педагогов (Россия): сб. науч. тр. Казань, 2017. – С. 34–36.*
7. Акулинина И. В., Бочкарева А.А., Смоленская А.А. Организация инклюзивного пространства – воспитательный аспект // *Преемственная система инклюзивного образования: профессиональные компетенции педагогов (Россия): сб. науч. тр. Казань, 2017. – С. 47-49.*
8. Соловьева С. В. Развитие инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья в системе общего образования: анализ управленческих практик // *Вопросы управления*. 2019. – № 4 (59). – С. 277–289.
9. Зайцева Е.В., Болков М.А., Воронина Л.И. Вопросы социализации пациентов с ПИД. // *Российский иммунологический журнал*. 2019. – №22(2-2). – С. 1028-1031. DOI: 10.31857/S102872210006483-6.
10. Сайгина Ю. Б. Первые шаги на пути к социальной адаптации // *Современные тенденции научных исследований. Роль научных исследований в инновационном развитии*. 2018. – С. 84–90.
11. Пачурин Г.В., Шевченко С.М., Горшкова Т.А., Романова М.В. Обучение детей с ограниченными возможностями здоровья: проблемы, современное состояние // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2014. – № 8-3. – С. 146–152.
12. Маляр К.В., Москвичева М. Г. Исследование социальных аспектов в детской паллиативной медицине // *Паллиативная медицина и реабилитация*. 2017. – №. 2. – С. 9–12.
13. Паршина В. И. Формы организованного досуга школьников // *Концепт*. 2014. – №. 12. – С. 1–9.
14. Зарниченко Н.В. Роль дополнительного образования в социальной адаптации детей с особыми образовательными потребностями // *Вестник ГОУДПО ТО «ИПК и ППРО ТО»*. Тульское образовательное пространство. 2018. – №. 4. – С. 17–20.

Информация об авторах

Зайцева Екатерина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина, институт экономики и управления, кафедра теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления

E-mail: kati_a_zai@mail.ru

Воронина Людмила Ивановна, кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина, институт экономики и управления, кафедра теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления

E-mail: voronina_612@outlook.com

Zaitseva E.V., Voronina L.I.

PROBLEMS OF INTERACTION OF PATIENTS WITH PRIMARY IMMUNODEFICIENCIES AND SOCIAL INSTITUTIONS OF EDUCATION

Abstract. In this article, the authors investigated the main problems of persons with primary immunodeficiencies in the context of modern socialization and adaptation. The specified group of patients is rather closed, due to the fact that primary immunodeficiencies are orphan diseases about them practically nothing is known to the layman. Therefore, along with personal problems, patients with primary immunodeficiencies experience rejection by society, reluctance of representatives of various social institutions to be involved in solving their vital problems. Along with this, there is a lack of theoretical and applied research

on this issue. Empirical research shows that most patients experience problems interacting with other children and educators in the education and upbringing system. And if in the first years of life the main problem of representatives of this group is to ensure a sterile climate in an educational institution, the absence of specialized children's institutions, the absence of medical specialists in the kindergarten, then starting from elementary school, such as the unpreparedness of staff to work with children with primary immunodeficiency, unwillingness to understand a student with primary immunodeficiency on the part of teachers and the lack of specialists who are able to provide medical care.

Keywords: patient, illness, socialization, social institutions.

Literature

1. Zaitseva EV, Zapary VV Current state of the issue of diagnosis and treatment of primary immunodeficiency // Modern problems of science and education. 2020. – No. 5. – С.139 DOI: 10.17513 / spno.30067.
2. Poletaeva OO Psychological aspects of cystic fibrosis // Siberian medical review. 2019. – No. 6 (120). – S. 54-61. DOI: 10.20333 / 2500136-2019-6-54-61.
3. Starshinova AV Social-project activity in a medical institution for the social rehabilitation of children with severe health problems // News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2018.– No. 13 (4 (182)). – P. 153–164.
4. Voronov KA Model of work with disabled children: sociological parameters // Discourse. 2018. – Т. 7. – No. 21. – S. 97-109.
5. Nizova LM, Andreeva EA Social dimensions of rehabilitation of disabled children in society at the regional level // Children's rehabilitation. 2020. – №2 (1) – pp. 30–37. DOI: 10.36711 / 2686-7656-2020-2-1-30-37.
6. Chelnokova T.A. Pedagogical technologies in the system of inclusive education // Successive system of inclusive education: professional competence of teachers (Russia): collection of articles. scientific. tr. Kazan, 2017. – P. 34–36.
7. Akulinina I. V., Bochkareva L. A., Smolenskaya A. A. Organization of inclusive space – educational aspect // Successive system of inclusive education: professional competence of teachers (Russia): collection of articles. scientific. tr. Kazan. 2017. – S. 47–49.
8. Solovyova SV Development of inclusive education for children with disabilities in the general education system: analysis of management practices // Management issues. 2019. – No. 4 (59). – S. 277–289.
9. Zaitseva E.V., Bolkov M.A., Voronina L.I. Issues of socialization of patients with PID. // Russian Journal of Immunology. 2019. – No. 22 (2-2). – S. 1028-1031 DOI: 10.31857 / S102872210006483-6.
10. Saygina Yu. B. First steps towards social adaptation // Modern trends in scientific research. The role of scientific research in innovative development. 2018. – S. 84–90.
11. Pachurin G.V., Shevchenko S.M., Gorshkova T.A., Romanova M.V. Teaching children with disabilities: problems, current state // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2014. – No. 8-3. – S. 146–152.
12. Malyar KV, Moskvicheva MG Research of social aspects in pediatric palliative medicine // Palliative medicine and rehabilitation. 2017. – No. 2. – P. 9–12.
13. Parshina VI Forms of organized leisure for schoolchildren // Concept. 2014. – No. 12. – P. 1–9.
14. Zarnichenko N.V. The role of additional education in the social adaptation of children with special educational needs // Bulletin of GOUDPO TO "IPK and PPRO TO". Tula educational space. 2018. – No. 4. – P. 17–20.

Authors

Zaitseva Ekaterina Vasilievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President B.N. Yeltsin, Institute of Economics and Management, Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration

E-mail: katiya_zai@mail.ru

Voronina Lyudmila Ivanovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President B.N. Yeltsin, Institute of Economics and Management, Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration

E-mail: voronina_612@outlook.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (по итогам мониторинга «Российское студенчество о Великой отечественной войне»)

Аннотация. В статье представлены результаты опроса студентов Республики Татарстан, проводимого в рамках мониторинга Российского общества социологов «Российское студенчество о Великой отечественной войне», предполагающего анализ характера становления исторической памяти современного студенчества. Представление об общем прошлом позволяет сформировать значимые с позиции самоидентификации культурные символы. Обращение к истории, к Великой Отечественной войне в восприятии современной молодежи, позволяет понять, как молодежь оценивает настоящее и каковы ее представления о будущем.

Ключевые слова: российское общество, Республика Татарстан, молодежь, студенты, патриотизм, социальная память, социализация, гражданская идентичность, Великая Отечественная война.

Современный мир, в условиях которого происходит социализация молодежи, приобретает принципиально новую социокультурную динамику. Новое тысячелетие актуализирует необходимость внимания к патриотическому воспитанию молодежи. Отношение современной молодежи к Великой Отечественной войне является одним из показателей связи поколений. Экскурс в историю в контексте социальной памяти направлен на воспроизведение в сознании современной молодежи образа прошлого и восприятие на его основе настоящего. Именно это свойство социальной памяти делает ее механизмом интеграции общества и социализации в нем молодежи [1]. В фокусе внимания нашего исследования – студенческая молодежь Республики Татарстан, ее историческая память и патриотические установки.

Молодежь – является самой динамичной группой общества, «индикатором» происходящих социальных изменений, отличительной чертой которой является продолжающееся самоопределение и самоидентификация. Социализация и полноценное включение молодежи в общественные отношения как процесс формирования миро-

воззрения, ценностных ориентаций и гражданских позиций неразрывно связаны с образом прошлого и его принятием [2]. Образ прошлого – представление об исторических событиях, смене эпох, трансформации обществ – предстает в виде сложной системы символов, формирующей смысловую основу национальной, этнической и гражданской идентичности. Социальная память является средством укрепления ценностей сообщества и усиления его патриотического настроя, что особенно значимо в процессе социализации молодежи [3]. Воспроизведение исторического прошлого, его сохранение в памяти сменяющихся друг друга поколений, обогащение образами современности, обеспечивают их преемственность на новом уровне социокультурного развития.

В советском государстве патриотизм был одним из ключевых компонентов идеологии, обеспечивавший его существование и развитие. В советский период наибольшее внимание уделялось представлению о патриотизме именно как любви к Родине и готовности жертвовать ради неё своими благами и, при необходимости, – жизнью. Советская власть создавала государственно-ориентиро-

ванную структуру патриотического воспитания, которая была встроена в широкую идеологическую систему социалистического общества и охватывала все без исключения слои населения страны. Патриотизм понимался на уровне коллективной идентичности, того, «что составляет "общественное я" коллектива, позволяет разным индивидуумам осознать и ощутить взаимосвязь и общую принадлежность к конкретному общественному организму» [4]. В этом контексте необычными выглядели взгляды людей, в которых представления о патриотизме отклонялись от общепринятых: «Прости мне, родина, что я не соловей...» – строки известного татарского поэта Хасана Туфана, созвучные лермонтовским «Люблю отчизну я, но странною любовью...». На протяжении всей своей жизни практически каждый советский человек был включён в несколько институциональных форм патриотической деятельности. В годы Великой Отечественной войны в полной мере проявились героизм и патриотизм молодежи и комсомольцев советской страны. В контексте отечественной истории представляется значимым сохранение в социальной памяти молодого поколения образа прошлого, в том числе связанного с военными событиями 75-летней давности.

В фокусе внимания мониторинга Российского общества социологов «Российское студенчество о Великой отечественной войне» – российские студенты; люди, находящиеся на этапе определения жизненных ценностей и стратегий, которые в ближайшей перспективе станут определять вектор общественного развития страны. Общий объем выборки составил 14626 студентов из 80 вузов и 50 городов России и стран бывшего Советского Союза. Студенческая молодежь Республики Татарстан в рамках данного исследования представлена студентами казанских вузов (n=338 чел.).

Нынешнее поколение студентов – четвертое послевоенное, в большинстве своем это праправнуки участников ВОВ. Среди родственников студентов есть участники ВОВ: у 70 % студентов – это прадеды, у 28 % – прабабушки, у 16% – дедушки, у 9% – бабушки. Значительное превышение численности прародителей в числе участников войны над дедушками и бабушками говорит о молодости нынешних потомков, обусловившей их своеобразное восприятие минувших событий. При этом у 40 % респондентов есть погибшие на войне родственники, 23,5 % ничего об этом не знают. Всего у 6,3 % респондентов живы родственники – участники ВОВ. У части студентов живы родственники, трудившиеся в тылу во время ВОВ (23,5 %). Реликвии военных лет хранятся у 42 % родительских семей студентов. В числе реликвий военных лет студенты указывают награды (27 %), фотографии (24 %), письма (12 %), документы (11 %), военные билеты (9 %), вещи военных лет (7 %), грамоты, благодарности, статьи из газет (7 %), воспоминания/дневники (2,5 %).

Информацию о ВОВ студенты черпают из разных источников. Собеседниками оказываются чаще всего старшие родственники: дедушки, бабушки, прадедушки (22 %), а также ветераны войны или тыла (5 %). Каждый пятый студент говорит о войне с преподавателями, остальные – с друзьями (16 %) и с родителями (13 %). В качестве источников информации о войне выступают школьные уроки, учебники, художественная литература, форумы в Интернете, научные исследования, мемуары полководцев. Значительную информацию о ВОВ дают фильмы, как советские, так и российские, как документальные, так и художественные. Советские художественные фильмы в качестве источников информации указали 13% студентов, документальные – 7 %, современные художественные фильмы – 7% студентов, современные документальные – 5,4%. Студенты однозначно предпочитают для просмотра советские фильмы о войне: художественные – 30 % зрителей и документальные – 12 % зрителей, российские фильмы уступают по зрелищности советским (соответственно 18 % и 10 %).

Неоднозначную интерпретацию у студентов вызвали вопросы, касающиеся патриотизма: наблюдается противоречие между абстрактными представлениями о патриотизме и реальными действиями, которые могут быть индикаторами патриотизма. Вопрос о патриотической самоидентификации получил наибольшее число неопределенных ответов: 44 % студентов согласились с позицией скорее да, чем нет, 18% – скорее нет, чем да. Только 22 % студентов считают себя патриотами, 7 % – не считают себя патриотами. Остальные затруднились ответить на этот вопрос. При этом каждый пятый респондент считает патриотизм устаревшим понятием в эпоху открытых границ и выбирает позицию *родина там, где тебе комфортно*.

Содержательная «наполненность» патриотизма, в соответствии с мнениями студентов, выглядит следующим образом: *уважать и знать историю России (60 %), испытывать чувство ответственности за происходящее в стране (56 %), испытывать гордость за свою страну (48 %), уважительно относиться к участникам ВОВ (41 %)*. Поведенческие компоненты патриотизма представлены более скромно: *принимать участие в общественной и политической жизни страны (35 %), быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны (28 %), не уклоняться от службы в армии (13 %)*. Однако абстрактные суждения о патриотизме корректируются с помощью вопросов проективного характера о добровольцах на возможной войне: сколько их могло быть сегодня по сравнению с прошлым временем? Модальным является ответ: «Меньше» – 58 %, столько же – 11 %, больше – 10 %. Предполагаемое поведение друзей: лишь 16 % пошли бы добровольцами на фронт, 27 % будут ждать повестки из военкомата; остальные постараются «откосить» от армии: уехать из страны (25 %), найти рабо-

ту, с которой не берут в армию (15 %) и др. Наблюдается явное расхождение между декларативными заявлениями о преданности родине и возможными планируемыми действиями избегания опасности, вплоть до бегства из страны. В соответствии с опросом ФОМ «Патриотизм: динамика мнений» 2017 года [5], молодежь оказалась самым редким носителем патриотизма, в то время как молодежь всегда была авангардом общества в борьбе за социальные и политические преобразования.

Отличительной чертой студенческой молодежи РТ, как и молодежи в целом, является продолжающееся самоопределение и самоидентификация. Это наглядно отражается во взглядах, демонстрирующих противоречивость и неопределённость социальных установок молодежи, социализация которой происходит в условиях системных противоречий в воспроизводстве общественных ценностей. В постсоветский период институциональные формы патриотического воспитания были практически разрушены наряду с идеологической системой. Нынешнее молодое поколение живет в ином политическом и социально-экономическом пространстве, нежели советские люди. Одновременно с трансформацией базовых принципов общественного бытия кардинальным образом изменились ценностные основания жизнедеятельности общества, его экзистенциальные компоненты. В результате отсутствия целенаправленной последовательной политики памяти в условиях глобализации и распространения ИКТ, на фоне противоречивых международных и российских социальных практик, специфическим образом трансформируется общественное сознание россиян, что приводит к депатриотизации части населения, особенно молодежи.

В менталитете студенческой молодежи Великая Отечественная война – далекое прошлое, поэтому неудивительно, что 11 % опрошенных, по их самооценке, не знают ничего о войне и не интересуются ею. При жизни участников войны многие факторы мешали воспроизведению и сохранению памяти о военных событиях. В массовом сознании слабо сформирован интерес к родословной, генеалогическому древу. Еще одной, весьма значимой причиной можно считать отсутствие в российском обществе традиции сбора воспоминаний рядовых участников значимых социальных событий, в том числе о Второй мировой войне, как это было, например, в польской социологии. Поэтому только 28 % респондентов уверенно ответили, что у них достаточно знаний о ВОВ. Остальные считают, что знаний недостаточно, но им и этого хватает. Война за давностью события части студентов не интересна: 8 % студентов согласились с этим мнением, каждый четвертый – не очень согласен. Война – это время напряжения человеческих сил, примеры отваги, героизма, самопожертвования, которые

не всегда могут быть образцом и примером в повседневной мирной жизни.

Отношение молодежи к Великой Отечественной войне носит противоречивый характер, и это отразилось в ответах на вопросы о том, какие чувства и мысли вызывает у студентов юбилейная дата – 75-летие Победы. Почти половина студентов считают, что *подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к родине будут примером для новых поколений*. Однако зафиксировано и противоположное суждение: *героизм и самопожертвование во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи*. Для большинства студентов (71 %) этот день олицетворяет сложное чувство, сочетающее в себе и радость от великой победы и скорбь по безвременно погибшим воинам, это – цена завоеванного мирного времени: *«День памяти о родных, прошедших войну»* (42 %) и *«Праздник со слезами на глазах»* (29 %). Для 13 % студентов основное чувство, испытываемое в День Победы, – это чувство *гордости за СССР*, которое оказывается значимым компонентом исторической памяти поколения, родившегося уже после распада Советского Союза. Таким образом, Великая Отечественная для студенчества РТ – не есть лишь полузабытое прошлое, это актуальное явление исторической памяти, выполняющее транзитивную функцию – передачи ныне живущим поколениям существенных смыслов прошлого.

Память о войне в сознании новых поколений с течением времени все более стирается, ее заслоняют иные события и проблемы. Вместе с тем позитивную реакцию у половины респондентов вызывает акция «Бессмертный полк», при этом молодежь подчеркивает *важность личного, семейного момента в этой истории и в тоже время хорошую форму воспитания патриотизма*. Более того, студенты – сторонники расширения этой акции, распространение её *на труженников тыла в годы ВОВ (31%) и участников локальных войн, конфликтов (12 %)*. Однако наблюдается и настороженное отношение к этой акции со стороны значительной группы студентов (40 %), опасющихся превращения ее в *официоз, обязательку*. Подобное отношение студентов бывает оправданным, поскольку действительно порой наблюдаются трансформация инициативы «снизу» в формализованное мероприятие.

Проблематичным представляется ожидание «взвешенных» ответов студентов на вопросы, связанные с пересмотром итогов Второй мировой войны, с ролью отдельных государств в этой войне, с отношением к памятникам времен войны. На эти вопросы трудно ответить и взрослым людям, даже «детям войны», поскольку события военных лет носят неоднозначный характер, единства мнений порой нет и у специалистов историков, политологов, занимающихся тематикой ВОВ.

О реакции казанских студентов на множество мнений о ВОВ можно судить по следующим ответам: позиция «спорно, но обсуждаемо», разделяемая частью студентов, коснулась ряда мнений: о виновности в войне Германии и СССР (44 %); оправдание помощи фашистам со стороны «лесных братьев», бандеровцев борьбой против сталинизма, за независимость Украины, стран Балтии (50 %); освобождение Прибалтики, стран Европы в 1944-1945 г. было оккупацией (56 %).

Оценка студентами вклада в победу над фашизмом в терминах «значительный / незначительный» однозначна: 98 % считают значительным вклад СССР в победу над фашизмом. Однако студенты отдают должное и участию в войне союзников – США и Англии: значительным их вклад в победу считают 43 % и 45 % студентов соответственно.

О сохранности памятников времен ВОВ в их городе, регионе: две трети студентов считают, что эти памятники преимущественно в хорошем состоянии, остальные полагают, что в плохом. По поводу внимания, которое уделяет правительство России сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружеников тыла времен ВОВ, мнения студентов разделились: внимания достаточно, считают 41 % студентов, внимания недостаточно – 27 % студентов, затруднились ответить – 27 % студентов, 5 % ответили, что им все равно.

Мнения студентов о сносе памятников советским воинам в странах Запада носят неоднозначный характер. Среди различных мнений доминирует суждение о том, что эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают нужным (46 %). При этом 14 % студентов отмечают, что за последние годы открыты архивы, стали известны многие

факты, которые заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и послевоенное время, что это расплата за ошибки СССР в послевоенное время (12 %). Обнаружилась и группа нетерпимых к этому факту студентов: 17 % предлагают сокращать сотрудничество с этими странами. Снос памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это борьба с наследием СССР – с этим суждением согласны 27 % студентов. Таким образом, отношение молодежи к Великой Отечественной войне носит противоречивый характер.

В сознании молодежи утверждаются новые представления о самосохранении, самореализации, самоутверждении, в основе которых – антиномия коллективного и индивидуального, разрешаемая в процессе их диалектического взаимодействия, означающего признание тезиса «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Общественная практика все чаще демонстрирует неприятие существующей политики и оппортунистические модели поведения, такие, как отказ от службы в армии, эмиграционные настроения, отчуждение от системы властных и социальных структур государства и другие. В то же время в условиях самоопределения и выбора вектора развития именно социальная память может стать ключевым источником представлений о необходимости «возрождения» традиций, отношения к той или иной социальной группе, к собственной идентичности. Формирование конструктивного патриотизма в на основе принципов политики памяти, эффективных социально-экономических и политических преобразований, является необходимым фактором успешной социализации молодежи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Историческая память и национальная парадигма / Ab imperio. – 2004. – № 3. – С. 71–90.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Современная молодежь: тенденции социализации // Мониторинг. 2009. №6 (94). – С. 5–36.
3. Миронова Н. П. Этническое самосознание современной студенческой молодежи г. Сыктывкара в контексте исторической памяти поколений // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2012. №1 (9). – С. 125–129.
4. Коллективная идентичность. URL: <http://politike.ru/termin/kollektivnaja-identichnost.html> (01.06.2018).
5. Патриотизм: динамика мнений. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13261> (дата обращения: 23.03.2017).

Информация об авторе

Ишкинеева Фарида Фалесовна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций

E-mail: farida1967@mail.ru

Ishkineeva F.F.

**HISTORICAL MEMORY AND PATRIOTIC ATTITUDES OF THE STUDENT YOUTH OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN
(based on the results of the monitoring "Russian students about the Great Patriotic War")**

Abstract. The article presents the results of a survey of students of the Republic of Tatarstan, conducted as part of the monitoring of the Russian Society of Sociologists "Russian students about the Great Patriotic War", which involves the analysis of the nature of the formation of the historical memory of modern students. The idea of a common past allows us to form cultural symbols that are significant from the point of view of self-identification. Turning to history, to the Great Patriotic War in the perception of modern youth, allows us to understand how young people assess the present and what their ideas about the future are.

Keywords: Russian society, the Republic of Tatarstan, youth, students, patriotism, social memory, socialization, civil identity, the Great Patriotic War

Literature

1. Zerubawel J. Dynamics of collective memory // Historical memory and national paradigm / Ab imperio. – 2004. – No. 3. – S. 71–90.
2. Gorshkov MK, Sheregi FE Modern youth: tendencies of socialization // Monitoring. 2009. No. 6 (94). – S. 5–36.
3. Mironova NP Ethnic identity of modern student youth in Syktyvkar in the context of the historical memory of generations // Izvestiya Komi Science Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 1 (9). – S. 125–129.
4. Collective identity. URL: <http://politike.ru/termin/kollektivnaja-identichnost.html> (01.06.2018).
5. Patriotism: the dynamics of opinions. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13261> (date of access: 23.03.2017).

Author

Ishkineeva Farida Falesovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications

E-mail: farida1967@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СОХРАНЕНИЮ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. Статья посвящена решению проблемы формирования семейной исторической памяти молодежи. Предметом анализа выступают мероприятия государственной политики в области формирования семейной исторической памяти молодежи. В статье, на основе обобщения результатов нескольких социологических исследований, показаны реальные способы и возможные формы участия государства в укреплении института семьи, и в частности, сохранении семейной исторической памяти. В результате проведенного социологического исследования были выявлены особенности семейной исторической памяти, а также важные направления политики государства по её формированию у молодого поколения россиян. Автор особое внимание уделяет необходимости закрепления за государством первоочередных, концептуальных мер по разработке единого, системообразующего механизма сохранения и воспроизводства семейной исторической памяти.

Ключевые слова: семейная историческая память, формирование семейной исторической памяти, молодёжь, государство.

Усиление геополитических процессов и ситуация в мире заставляют сегодня государство и его структуры обращать особое внимание на политику памяти. В последнее десятилетие, в российском обществе, историческая память стала выступать одним из главных факторов и условием единения народа. На разных уровнях государственной власти и отдельным социальным институтам российского общества поставлена задача – определить концептуальные основы и социальный механизм сохранения исторической памяти, особенно, исторической памяти молодого поколения. Например, Министерство просвещения России обратилось к образовательным организациям высшего образования разработать программу исторического просвещения и разработать меры по сохранению исторического наследия и традиций народов России, популяризации российской истории, в том числе за рубежом.

Особую актуальность в контексте реализации государственной политики приобретает семейная историческая память молодежи, которая по отношению к исторической памяти народа несёт в себе предопределяющее, первоочередное значение. Воспроизводство исторической памяти народа обусловлено степенью ее актуализации через

память семейную. На наш взгляд, граждане страны станут любить и уважать своё государство, знать его историю и быть патриотом только тогда, когда каждый будет знать и чтить свой род, память своей семьи и передавать другим поколениям.

Не вдаваясь в глубокий теоретико-методологический анализ сущности и соотношения понятий «родовая память», «семейная память», «семейная историческая память», «историческая память народа», остановимся только на определении семейной исторической памяти. Семейная историческая память – это комплекс знаний, представлений и переживаний о прошлом своего рода, семьи на разных этапах жизненного пути ее поколений, проявляющийся в контексте исторических событий и важных вех истории страны [1]. Образно семейную историческую память можно представить в виде косички, переплетающихся двух волокон, где одно из них — это исторические события страны, а другое – жизненные пути поколений семьи. О важных проявлениях исторической памяти молодежи, и семейной исторической памяти в частности, можно судить по эмпирическим показателям, полученных в результате социологических исследований, проводимых преподавателями

кафедры социологии, политологии и экономики, сотрудниками учебной научной исследовательской лаборатории «Социология народного образования» Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ). Обобщая анализ данных социологических исследований, выделим следующие особенности семейной исторической памяти. Семейная историческая память: ориентирована на сохранение главных фамильных ценностей; сохраняет практики выживания кровнородственных общностей в кризисные периоды радикальных социальных изменений; обеспечивает преемственность поколений; занимает особое место в системе воспроизводства функций исторической памяти и придает исторической памяти народа характер жизненной силы, актуализирует её; является необходимой программой передачи жизненного опыта личности и исторического опыта следующим поколениям [1].

В формировании семейной исторической памяти участвуют самые важные социальные институты, такие как семья, школа, однако ключевую роль в этом процессе играет государство. Разрабатывая соответствующие нормативно-правовые акты, оно тем самым закладывает содержательную базу для всех структур и институтов, участвующих в формировании семейной исторической памяти. Нормативно-правовые акты это главные направляющие всего механизма формирования исторической памяти народа на общегосударственном уровне. В качестве примера, приведём результаты анализа нормативно-правовых актов, полученных в ходе социологического исследования, которое проводилось УНИЛ «Социология народного образования» ФГБОУ ВО «АлтГПУ» в мае-июне 2019 года. Основным методом исследования стал контент-анализ содержания ряда нормативно-правовых актов, а также информации политико-правового характера представленной в открытом доступе на официальных сайтах органов государственной власти Российской Федерации.

Анализ нормативно-правовых актов показал, что историческая память о Великой Отечественной войне превратилась в особый объект охраны. На сегодняшний день насчитывается несколько десятков таких нормативно-правовых актов, которые заложили важную для российской семьи, и прежде всего молодого поколения, традицию – помнить своих предков и всех граждан страны, кто внёс неоценимый вклад в победу над фашизмом. В результате появления таких нормативно-правовых актов, а также по инициативе Президента РФ были созданы информационные сервисы с электронными базами данных - «Память народа», «Мемориал», «Солдат.ru», «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Они приобрели большую популярность среди школьников и студентов в работе по поиску информации о своих прадедах, участниках Великой Отечественной войны 1941-1945гг. Практика по поиску и сбору

необходимой информации об участниках войны объединила сегодня тысячи российских семей и превратилась в семейную традицию на общегосударственном уровне.

Формирование и сохранение системы семейных ценностей, исторического наследия, осуществляется также и в рамках разработки и реализации национальных проектов и федеральных целевых программ. Важно отметить, что процессы формирования семейной исторической памяти и поддержка государством семьи как социального института носят взаимообусловленный и взаимосвязанный характер. Например, в рамках проекта «Демография» реализуются такие программы как: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трёх лет», «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» [2]. Также, в рамках национального проекта «Образование» реализуются программы - «Поддержка семей, имеющих детей», «Новые возможности для каждого», «Социальная активность», «Социальные лифты для каждого» [2]. Однако, в ходе реализации национальных проектов нельзя не учитывать специфику социально-исторического опыта семей из разных этнических общностей. Анализ содержания семейной исторической памяти позволяет глубже изучить потребности и проблемы современной семьи, а также регионов, в которых они проживают. Это позволит более эффективно и правильно распределять ресурсы, запланированные государством в национальных проектах и федеральных программах.

Отдельным направлением государственного участия по сохранению семейной исторической памяти молодёжи является грантовая деятельность. Началом такой деятельности служит исполнение Указа Президента РФ «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества» (от 30 января 2019 года №30) [3]. Особенное значение для формирования семейной исторической памяти молодежи имеют такие направления конкурса Фонда президентских грантов как «Сохранение исторической памяти» и «Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства» [4]. Фонд президентских грантов стимулирует деятельность общественных организаций, для которых приоритетным является сохранение и развитие семьи, духовную основу которой составляет семейная историческая память.

Также успешной в этом направлении можно назвать работу Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), ФГБУ «Роспатриотцентр», ВОД «Волонтеры Победы», ООД «Поисковое движение России». Например, Федеральное агентство по делам молодежи поддержало в 2019 году 609 грантов от общественных организаций

и учреждений из разных регионов, заявленных на участие в конкурсе [5]. Кроме этого Федеральное агентство по делам молодёжи реализует такое направление как «Формирование у молодёжи традиционных семейных ценностей», с использованием разных форм работы с молодёжью по сохранению семейной исторической памяти: фестивали молодых семей, конкурсы социальных проектов в защиту семейных ценностей, открытые форумы молодых семей, дискуссии, праздники и т.д.

В контексте изучения процесса формирования семейной исторической памяти молодёжи, особенно следует отметить роль государства в области образования, в частности исторического образования. Прежде всего, речь идёт о разработке содержания разного уровня государственных образовательных стандартов. Здесь государство пытается создать механизм преемственности формируемого содержания исторической памяти, и семейной исторической памяти в частности. Так, в федеральном образовательном стандарте дошкольного образования ставится задача формирования уважительного отношения и чувства принадлежности к своей семье, углубление представления ребёнка о семье и её истории [6]. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования ориентирован уже на становление личностных характеристик выпускника: любящий свой край и свое Отечество, знающий русский и родной язык, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции; осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества [6]. Однако, при выстраивании содержательных линий исторического образования, следует иметь в виду, когда историческая память рассматривается на общегосударственном уровне, то имеется в виду - «реконструированная» историческая память, отражающая исторические материалы, выверенные исторической наукой, и не без учета особенностей внутри- и внешнеполитического курса

страны. «Живая», событийная память, запечатление событий на уровне эмоций не является основной функцией государства. В большей степени за её сохранение отвечает семья. Поэтому в сохранении семейной исторической памяти молодёжи, в процессе разработки государственных образовательных стандартов и определения содержания исторического образования необходимо сочетать историческую информацию, содержащую факты и события реконструированной (официального курса) и событийной («живой») истории. Нельзя допустить, чтобы «живая», событийная память меркла и растворялась во времени. «Живая» память в большей степени содержит ответы не на вопрос «Когда это было?», а на вопрос: «Как это было?». Это память, рассказанная в каждой семье очевидцами, участниками событий. При правильном сочетании «реконструированной» и «живой» памяти, которая фокусируются в семейной исторической памяти можно избежать или в лучшем случае сгладить острый вопрос о фальсификации и искажении исторической памяти народа. Он, к сожалению, всё чаще и чаще звучит в контексте политики памяти на межгосударственном уровне.

Таким образом, формирование семейной исторической памяти молодёжи носит институциональный характер. Этот процесс с учётом исторической эпохи не может рассматриваться без системообразующего участия государства. Разрабатывая нормативно-правовые акты, государство вырабатывает единую политику формирования исторической памяти молодёжи. Оно определяет рамки содержания семейной исторической памяти молодёжи, а также формы и способы её сохранения и воспроизводства на всех уровнях – федеральном, региональном, местном. Государство координирует работу всех государственных учреждений и институтов гражданского общества, обеспечивая тем самым единство в подходах к сохранению семейной исторической памяти молодёжи и укреплению семьи как социального института.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулиш В.В. Формирование семейной исторической памяти в школе : учебно-методическое пособие / В.В. Кулиш; науч. ред. Н.А. Матвеева. – Барнаул: АлтГПА, 2014. – 93 с.
2. Национальные проекты России. - URL: <https://национальныепроекты.рф> // (дата обращения 12.02.2021).
3. Указ Президента РФ от 30.01.2019 30 «О грантах Президента Российской Федерации, представляемых на развитие гражданского общества». - URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72060894/> (дата обращения 10.02.2021).
4. Фонд президентских грантов: официальный сайт. – Обновляется в течение суток. - URL: <https://президентскиегранты.рф/> (дата обращения 07.02.2021).
5. Росмолодёжь : официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. - URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения 24.04.2021).
6. Федеральные образовательные стандарты: официальный сайт Минпросвещения. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения 26.03.2021).

Информация об авторе

Кулиш Виталий Валерьевич, кандидат социологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» кафедра социологии, политологии и экономики.

E-mail: vitalii.kulich@mail.ru

Kulich V.V.

THE STATE POLICY OF PRESERVING THE FAMILY HISTORICAL MEMORY OF YOUNG PEOPLE

Abstract. The article is devoted to solving the problem of forming family historical memory of young people. The subject of the analysis is the state policy measures in the sphere of the formation of family historical memory of young people. The article, based on the generalization of the results of several sociological studies, shows the real methods and possible forms of state participation in the strengthening of the institution of the family, and particularly in preserving the family historical memory. As a result of the sociological research, the features of the family historical memory and important directions of the state policy in its formation among the young generation of Russian people were revealed. The author pays particular attention to the necessity to ensure the state prime conceptual measures to develop a common system-forming facility for preservation and reproduction of the family historical memory.

Keywords: the family historical memory, the formation of the family historical memory, young people, the State.

Literature

1. Kulish V.V. Formirovaniye semeynoy istoricheskoy pamyati v shkole [The Formation of the Family Historical Memory at School]. Ed. N.A. Matveyeva. Barnaul, Altai State Pedagogical University, 2014, 93 p.
2. National projects of Russia. – URL: <https://national.projects.rf> // (date of access 12.02.2021).
3. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 30.01.2019 "O grantakh Prezidenta Rossiyskoy Federatsii predstavlyayemykh na razvitiye grazhdanskogo obshchestva" [The Russian Federation Presidential Decree of 30 January 2019 "On Grants of the Russian Federation President Available for the Society Development"], available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/7206089/> / (accessed 10 February 2021).
4. Presidential Grants Fund: official site. – Updated within 24 hours. – URL: <https://presidential.grants.rf/> (date of access 07.02.2021).
5. Rosmolodezh [Young people of Russia], Moscow. Available at: <https://fadm.gov.ru/> (accessed 24 April.2021).
6. Federalnyye obrazovatelnyye standarty [Federal Educational standards], Moscow. Available at: <https://edu.gov.ru/national-project> (accessed 26 March.2021).

Author

Kulich Vitaly Valerievich, candidate of sociological sciences, associate professor of the Altai State Pedagogical University, Department of Sociology, Political Science and Economics.

E-mail: vitalii.kulich@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ РОЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Социальная память – понятие, которое используется для описания и анализа явлений, связанных с актуализацией образов прошлого в самых разных контекстах. Одним из них является формирование и поддержка различного рода идентичностей. Образы прошлого во многом лежат в основе формирования мировоззрения населения и в частности молодежи, как группы, находящейся в стадии активной социализации, становления и поиска своего места в обществе. Как формируются представления о прошлом, что в них присутствует, а что «забыто» – показатель не столько работы системы образования, сколько сложных социально-культурных процессов, как на уровне больших общественных институтов, так и на уровне межличностного взаимодействия индивидов. Объяснение и социологическая интерпретация феномена «памяти» в контексте социализации молодежи связана, прежде всего, с отбором наиболее эффективных теоретических подходов к анализу проблемы.

Ключевые слова: молодежь, социализация, идентичность, социальная память, социологическая теория.

Социализация молодежи и полноценное становление отдельного молодого человека как зрелого гражданина – сложный и системный процесс в котором представления о настоящем и будущем собственной страны во многом основаны на образе исторического прошлого, его оценках и принятии. Представления об истории собственного общества – это не столько набор определенных знаний, сколько часть картины мира человека. Выбор того, что считать победой, а что поражением, что стоит помнить, а что следует «забыть», является результатом социализации в сложной и динамичной системе культурных символов, где образы прошлого и различные его репрезентации отражают грани национальной, этнической и гражданской идентичности. Солидарность общества относительно представлений о прошлом укрепляет ценности группы, позволяет наладить связи между поколениями и поддерживать значимость идентичности группы, для такой социальной группы как молодежь это имеет особенное значение. Прошлое и обращение к нему в современном обществе – важная часть как публичной политики, так и сферы куль-

туры, что находит свое отражение в институциональных формах работы с молодежью, на уровне федеральных и региональных программ.

Влияние исторических представлений на жизнедеятельность современного общества и отдельных его групп изучается в рамках междисциплинарного исследовательского направления, которое получило название *memory studies*. В данном контексте представляется необходимой теоретическая интерпретация понятий, активно используемых теоретиками *memory studies*, таких как «социальная память», «забвение», «культурная память» и других, и исследование связи проблематики памяти с процессами социализации молодежи.

В целом, основной фокус исследований памяти в социологическом ключе сосредоточен на объяснении механизмов формирования различного рода идентичностей (гражданской, этнической, региональной и иных) на основании обращения к прошлому и его актуализации. Актуализацией может быть, как формирование общественного мнения относительно определенного исторического собы-

тия/эпохи/личности, так и формирование эмоционально и ценностно насыщенных образов, связанных с образами прошлого. При этом значимо, что актуализация всегда происходит с целью изменить что-либо в настоящем, например, повысить уровень патриотизма через обращение к образу предка, который вызывает безусловное уважение и которому хочется соответствовать, или чтобы снизить напряженность между социальными группами, указав на традиции добрых взаимоотношений укорененные в прошлом. Таким образом, прошлое становится основанием для оценки социальных отношений настоящего и источником побуждения к действиям формирования определенных оценок, ценностей, идентичностей.

Многие исследователи также акцентируют внимание на создании символических объектов («мест памяти») [1, с. 19] и на конкретное содержание исторических представлений различных групп и тех практик вспоминания (коммеморации), которые для них актуальны. Причем уровень этих практик может быть, как связанным с действиями формальных институтов, так и касаться непосредственной интеракции между людьми (примером практик первого рода могут быть школьные экскурсии, второго – передача образов прошлого в кругу семьи, например, при просмотре старых фото).

В целом, социальный аспект памяти рассматривается с различных методологических позиций. Фокус на определенной социальной группе (чаще всего сообществе, члены которого непосредственно взаимодействуют) характерен для функционалистов. Функционалисты в своих трудах обосновывают интегрирующую роль памяти – общие воспоминания придают коллективам необходимую устойчивость и представление о единстве. В качестве общих воспоминаний понимаются «коллективные представления» (яркие представители подхода – Э. Дюркгейм [2], М. Хальбвакс [3]).

Феноменологический подход (представлен в работах Э. Гуссерля [4], П. Рикера [5]), объясняет формирование исторических представлений на микроуровне: интеракции с другими людьми рожают общие воспоминания социального характера, при этом «общими» становятся и представления о группе в целом и её прошлом.

Следующий подход – культурно-семиотический, представители которого (например, Я. Ассман [6] и А. Ассман [7]) обращают внимание на то, как средства передачи памяти в обществе меняют характер ее содержания, скорость и масштаб распространения, а также силу влияния на отдельного индивида и (или) целые группы, особенно в эпоху бурного развития средств массовой коммуникации и информатизации. Социальную память рассматривают в нескольких измерениях: так, память, полученную на микроуровне, относят к «коммуникативной». К коммуника-

тивной памяти относится производство и воспроизводство образов прошлого в процессе межличностного взаимодействия (в семье, общении с друзьями, коллегами и т.д.). Однако представители направления анализируют в основном «культурную память» – ту, что закреплена в символических текстах, объектах и способах их «расшифровки», восприятия и актуализации членами общества. Примерами объектов культурой памяти могут быть фильмы, книги и статьи, музеи и отдельные выставки, песни, учебные программы, создающие и закрепляющие (часто институционально) те или иные репрезентации прошлого.

Связан с культурно-семиотическим подходом и подход структуралистов (например, К. Леви-Стросса [8], и Р. Барта [9]), однако фокус внимания в нем сосредоточен на поиске и описании устойчивых структур в обществе, одной из которых является социальная память во всем многообразии своего содержания (нарративах мифов, способах взаимодействия и актуализации прошлого и т.д.).

Дальнейшее развитие принципов структурализма при исследовании социальной памяти происходит в постструктуралистской методологии в работах таких авторов как Ж. Бодрийар [10], П. Нора [1] и П. Бурдьё [11] и в целом в конструктивистских исследованиях памяти. Конструктивистский дискурс обращает внимание на множественность и дискретность образов «прошлого». Образы прошлого динамичны, могут различаться даже внутри одной группы и закрепляются при помощи символических объектов и практик разного масштаба и форм (от больших институциональных форм, например, утверждения национального праздника, до локальных практик – например, конфликтов на бытовом уровне по поводу репрезентаций конкретных исторических событий).

Важно, что социальная память – это не только символические образы, но и конкретные группы, для которых они актуальны и значимы в рамках определенного территориального и временного пространства. Поэтому, для социологического анализа памяти особое значение имеют концепции «социального пространства». Память как социальное пространство наполнена результатами активности акторов разного масштаба (от институциональных, до отдельных лидеров мнений), что приводит к ее неоднородности и изменчивости. Для объяснения этих особенностей памяти как специфического пространства подходят концепции «социальных полей» П. Бурдьё [11, с.132] и «полей» памяти Дж. Олика [12, с. 50]. Другое свойство социальной памяти, связано с тем, что отсыл к прошлому всегда нацелен не только на простую констатацию исторического факта, но и на то, как на основании этого факта стоит воспринимать настоящее. Именно это свойство социальной памяти делает ее мощным механизмом интеграции общества и социализации в нем молодежи. Социальная

память может стать источником представлений о преемственности одних традиций или напротив отказа от каких-либо практик, основой для описания идентичности собственной группы, стать основанием решения как относиться к другим группам и в целом сформировать гармоничную и зрелую картину мира.

Социальная память позволяет отбирать образы прошлого и воспроизводить их, поддерживая определенный уровень социальной интеграции и обосновывая уникальную групповую идентичность [3]. Классическое конструктивистское объяснение формирования идентичности – это метафора «воображаемого сообщества» Б. Андерсона [13, с. 30]. «Воображение» сообщества указывает не на то, что оно не существует в реальности, а на то, что прежде всего для существования группы имеют значение представления членов группы о принадлежности к группе, о том, какова эта группа и где ее границы. Во многом, эти представления о группе формируются именно на основании социальной памяти. Несмотря на то, что Б. Андерсон описывал становление национальных и этнических идентичностей, подобная конструктивистская интерпретация идентичности с позиции самоопределения индивида (которое формируется обществом в процессе социализации) подходит и для объяснения становления идентичности молодежи и роли социальной памяти в нем.

Для представителей еще одного, эволюционистского, подхода понятие социальной памяти так же неоднородно. Так, в работах Э. Тоффлера это и определённые социальные институты (например, такие организации как музеи), и сложная система нарративов о прошлом (отобранные в «общую» память события), и практики по актуализации прошлого для воспроизводства существующих образцов поведения и восприятия [14, с. 36]. Яркая особенность современного информационного общества связана с тем, что бурное развитие информационной сферы позволило социальной памяти распространяться и трансформироваться гораздо обширнее, быстрее и активнее [14, с. 50]. Современная молодежь, таким образом, оказывается под воздействием огромного потока информации, связанной с интерпретациями прошлого как собственной страны, так и мира в целом, и зачастую эти репрезентации представляют собой не академические тексты, а продукты массовой культуры и контента, который предлагает сеть интернет.

Молодежь можно охарактеризовать отчасти маргинальным, переходным состоянием, её социализация и адаптация не завершены в полной мере, и при этом происходят в условиях колоссальной информационной нагрузки, в том числе связанной с хаотичными, зачастую противоречащими друг другу, репрезентациями прошлого. В таких условиях исследование исторических представ-

лений молодежи и их связи с гражданской идентичностью молодых россиян – актуальное поле для исследований.

Молодые люди сегодня находятся в потоке динамично меняющихся условий, потоков информации и ценностей (как перешедших от старшего поколения, так и возникших недавно). Эти значимые и быстрые трансформации приводят к так называемому «эффекту когорты», который описан Г. Шуманом и Ж. Скоттом: память в обществах, переживших серьезные социальные трансформации, будет кардинально различаться для представителей разных поколений, по причине того, что социальный и культурный контекст социализации менялся очень быстро [15, с. 51].

Российская молодежь не является исключением – ее социальная память также формируется в условиях быстрых социальных изменений. Исследования исторических представлений современной российской молодежи сосредоточены прежде всего на определении их символического содержания, таких как знания и оценки относительно исторических эпох, событий и отдельных личностей, источниках формирования представлений о прошлом, связи памяти и различных граней идентичности молодежи (гражданской, этнической, региональной) [16].

Исследования социальной памяти в академическом ключе начали активно развиваться в конце XX века, однако и сегодня *memory studies* сохраняют свою актуальность благодаря многообразию форм и проявлений социальной памяти и масштабам тех социальных эффектов, которые она создает. Именно значение прошлого (его образов и интерпретаций) для изменений в общественной, политической и культурной жизни настоящего и составляет предмет современного социологического подхода к анализу памяти. Объяснение того, что такое память в социальном, а не психологическом ключе связано, во-первых, с выявлением элементов социальной памяти, которые условно можно назвать символическими объектами, это могут быть, например, памятники, музеи, книги, песни, фильмы статьи и т.д. Образы прошлого могут быть закреплены как в материальных объектах (например, в архитектурном сооружении), так иметь и не объективированную форму (например, существовать в виде легенды).

Во-вторых, социальную память можно рассматривать как набор представлений, мнений и оценок относительно прошлого, которые распространены в тех или иных социальных группах. И, наконец, в-третьих, социальная память может рассматриваться как пространство специфических социальных практик по производству и распространению символических объектов, формированию мнений и оценок относительно прошлого и созданию связи образов прошлого и современных социальных явлений и процессов (это и легитимация политических решений, и прора-

ботка культурных травм, и формирование солидарности различных групп) [17]. Эти процессы происходят через множество каналов, таких как СМИ, искусство, образование, мероприятия различного уровня и т.д.

Память как мощный ресурс для создания и поддержки солидарности в группе, общности ценностей, представлений о границах идентичности и особенностях своей группы зачастую связана с отсылкой к образу предка группы. Формируя черты предка в социальной памяти, группа одновременно описывает и себя в настоящем, указывая на преемственность традиций (например, черта «национального характера») [18, с. 143]. При этом значимы не столько конкретные исторические факты, которые отбираются для актуализации, сколько их ценностно-эмоциональная окраска, способность вызвать сопереживание и чувство причастности, сформировать или изменить представления о настоящем своего общества и мира в целом [17, с. 46].

Способность социальной памяти формировать ценности и идентичности групп особенно сильное влияние

оказывает на те группы, которые находятся в процессе становления, в частности на молодежь. Социальная память позволяет членам общества сформировать определенную картину мира и давать оценку событиям настоящего в сфере политики, культуры, отношений между «своими» и «чужими» группами. Множественность образов прошлого и динамичность их изменений становится одним из факторов, которые приводят к формированию сложной и многогранной идентичности современной молодежи, поэтому наиболее эффективным подходом к изучению роли социальной памяти становится конструктивизм, который позволяет как анализировать многообразие нарративов социальной памяти, влияющих на становление молодых людей как зрелых членов общества, так и производить работу с социальной памятью как «пространством» – выбирать наиболее эффективные формы и каналы для программ развития гражданской идентичности молодежи, ее мировоззрения и культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
2. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. №2 – С. 141–167.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 07.06.2021).
4. Крюков А.А. Проблема времени и рефлексии у Гуссерля // HORIZON. Феноменологические исследования. 2013. №2. – С. 50–60.
5. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
6. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности (Перевод с немецкого М.М. Сокольской); М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 368 с.
7. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. – 328 с.
8. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. — М.: Наука, 1985. – 536 с.
9. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий/ под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. – М.: Новое изд-во, 2006. – 198 с.
10. Кимелев Ю. А. Жан Бодрийар. Иллюзия конца, или прекращение событий // Социологическое обозрение. 2001. №1. – С. 36–38.
11. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики/ Сост. и общ.пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. Ч. 1, СПб.: Алетейя, 2007. – 567 с.
12. Дж. Олик, Д. Хлевнюк, Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. №1. – С. 40–74.
13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // Перевод с английского В.Г. Николаева. Вступительная статья С.Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма» Издательство АСТ, 2004. – 140 с.
15. Шуман Г., Скотт Ж. 1992 Коллективная память поколений. – Социологические исследования № 2, 1992. – С. 47–60.
16. Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pamyat-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 29.05.2020).

17. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке/ Коллективная монография под ред. Н. Кочеляевой. – М.: Совпадение, 2012. – 157 с.

18. Вебер М. Отношения этнической общности.// Журнал социологии и социальной антропологии. Том 7, № 2. 2004. – 220 с.

Информация об авторе

Озерова Карина Адгамовна, кандидат социологических наук, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии

E-mail: Karina-usm@yandex.ru

Ozerova K.A.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ROLE OF SOCIAL MEMORY IN THE SOCIALIZATION OF YOUTH

Abstract. Social memory is a concept that is used to describe and analyze the phenomena associated with the actualization of images of the past in a variety of contexts. One of them is the formation and support of various kinds of identities. Images of the past are important for the socialization of young people. The way ideas about the past are formed, what is present in them, and what is "forgotten" is an indicator not so much of the work of the education system, but of complex socio-cultural processes at the micro and macro levels of social life. The sociological approach to the phenomenon of "memory" in the context of the socialization of young people is primarily connected with the constitutional understanding of the nature of social memory and identity.

Keywords: youth, socialization, identity, social memory, sociological theory.

Literature

1. Nora P. Problems of places of memory // Nora P., Osuf M., Puimège J. de, Vinok M. France-memory. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 1999. – S. 17–50.

2. Vasiliev A. Incarnate memory: commemorative ritual in the sociology of E. Durkheim // Sociological Review. 2014. No. 2 – P. 141–167.

3. Halbwax M. Collective and historical memory // Emergency reserve. 2005. No. 2–3 (40-41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (date of treatment 06/07/2021).

4. Kryukov A.A. The problem of time and reflection in Husserl // HORIZON. Phenomenological research. 2013. No. 2. – S. 50–60.

5. Riker P. Memory, history, oblivion / per. from French M.: Publishing house of humanitarian literature, 2004. – 728 p.

6. Assman J. Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity (Translated from German by MM Sokolskaya); M.: "Languages of Slavic culture", 2004. – 368 p.

7. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics / per. with him. M.: N.L.O., 2014. – 328 p.

8. Levi-Strauss, K. Structural anthropology / K. Levi-Strauss. – M.: Nauka, 1985. – 536 p.

9. Bart F. Ethnic groups and social boundaries: Social organization of cultural differences / ed. Fredrik Barth; per. from English Igor Pil'shchikov. – M.: New publishing house, 2006. – 198 p.

10. Kimelev Yu. A. Jean Baudrillard. The Illusion of the End, or the Cessation of Events // Sociological Review. 2001. No. 1. – S. 36–38.

11. Bourdieu P. Social space: fields and practices / Comp. and general per. with fr. and after. ON THE. Shmatko. Part 1, St. Petersburg. : Aleteya, 2007. – 567 p.

12. J. Olik, D. Khlevnyuk, Memory configurations: process-relational methodology illustrated by the example of Germany // Sociological Review. 2012. No. 1 – P. 40–74.

13. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism // Translated from English by V.G. Nikolaev. Introductory article by S. Bankovskaya. M.: "KANON-press-Ts", "Kuchkovo Pole", 2001. – 288 p.

14. Toffler E. The third wave. – M.: LLC "Firma" Publishing house ACT", 2004. – 140 p.

15. Schumann G., Scott J. 1992 Collective memory of generations. – Sociological research № 2, 1992. – P. 47–60.

16. Miklina L.I. Social memory of modern Russian youth // Power. 2015. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pamyat-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi> (date of access: 05/29/2020).

17. Cultural memory in the context of the formation of Russia's national identity in the XXI century / Collective monograph, ed. N. Kochelyaeva. – М .: Coincidence, 2012 . – 157 p.

18. Weber M. Relations of ethnic community. // Journal of Sociology and Social Anthropology. Volume 7, No. 2. 2004. – 220 p.

Author

Ozerova Karina Adgamovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology
E-mail: Karina-usm@yandex.ru

ОЦЕНКА ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ РИСКА РАЗВИТИЯ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Онкологическая заболеваемость растет с каждым годом, в том числе в основной группе трудоспособного населения страны, то есть среди молодежи. Уровень смертности от злокачественных новообразований стабильно занимает второе место среди основных причин смертности населения в России. Высокий уровень смертности связан с поздним обращением граждан за медицинской помощью, то есть на поздних стадиях заболеваемости. В связи с этим встает вопрос активации установок самосохранительного поведения населения, и, в особенности, молодежи относительно вопроса заболеваемости раком. Данная статья направлена на раскрытие основных практик самосохранительного поведения, а также анализ их взаимосвязи с профилактикой злокачественных новообразований. Продемонстрированы результаты массового опроса молодежи г.Казань относительно основных практик здорового образа жизни и профилактики заболеваний. Определены основные группы риска среди молодежи относительно уровня канцерофобии, основных составляющих здорового образа жизни, а также профилактического взаимодействия с институциональной средой в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: здоровье, социология здоровья и медицины, самосохранительное поведение, ценности и установки личности, здоровый образ жизни, онкология, профилактика рака, приверженность к лечению, профилактическое поведение.

Изучение здорового образа жизни и практик самосохранительного поведения является одним из основных направлений исследовательской работы в рамках социологии здоровья. На данный момент в научном дискурсе превалирует мнение о зависимости состояния здоровья населения от образа жизни, что обосновано обширной мировой статистикой [1; 2]. Молодое население выступает главным трудовым ресурсом любого государства, чем подчеркивается высокая значимость государственной политики в рамках реализации мероприятий в системе здравоохранения, направленных на сохранение здоровья нации и поддержке социального благополучия[3]. Количество пациентов с онкологическими заболеваниями в нашей стране растет с каждым годом. В общей структуре смертности России по основным классам на 2018 год злокачественные новообразования занимают 2 место [4]. Динамика заболеваемости злокачественными новообра-

зованиями является единственной стабильно позитивной в купе остальных социально значимых заболеваний, что связано с различными нозологиями возникновения [5].

С целью получения актуальных данных разнопланового характера по проявлению основных практик самосохранительного поведения, а также определения их взаимосвязи с профилактическими установками, был проведен массовый опрос молодежи г. Казань (авторское исследование проводилось в октябре-ноябре 2019 г.). Значимым для исследования являлось определение не только основных ценностей относительно здоровья индивидов, но и практики здорового образа жизни. Методом исследования являлось личное интервьюирование с использованием формализованной анкеты. Выборка квотированная, объем составил 400 респондентов, относящихся к различным половозрастным и социально-профессиональным группам. Объем выборки обеспечивает достаточно высокую репре-

зентативность данных при условии обеспечения доверительного интервала, не превышающего 6% статистически значимой ошибки. Квотная структура выборки соответствует распределению в генеральной совокупности по данным Татарстанстата на начало 2019 года.

Как показывают результаты исследований различных авторов, среди молодежи можно выделить положительную тенденцию относительно занятий спортивной активностью [6]. Почти треть опрошенных отмечают, что не занимаются спортом (26,8 %), около 10 % занимаются спортом реже одного раза в месяц. В то же время, 37,9 % респондентов занимаются спортом раз в неделю и чаще, что показывает весьма положительную динамику относительно других возрастных когорт [7]. Отказ от спортивной деятельности связан с занятостью молодежи в зависимости от возрастных когорт. Согласно результатам нашего исследования, в группе от 18 до 22 лет на отсутствие спортивных нагрузок указывают лишь 6,3 %, что может быть связано с наличием программ физической подготовки среди студентов. В группе от 23 до 26 лет доля не занимающихся спортом вырастает до 26,4 %, а в возрастных когортах, старше 27 лет, доля не занимающихся спортом составляет около трети респондентов и выше (36,9 % в группе от 27 до 30 лет, 28 % от 31 до 35 лет). Это может говорить о ценностной структуре данных когорт, противопоставленной основам самосохранительного поведения, особенно в группе от 31 до 35 лет, что также подтверждается наименьшей представленностью данной группы по показателю активной спортивной позиции (занимаются спортом раз в неделю и чаще 27,3 % от данной когорты, во всех остальных возрастных группах данный показатель превышает треть).

Одним из основных показателей сформированной системы самосохранительных установок является отношение к социально табуированным вредным привычкам, таким как употребление спиртных напитков, а также наркотических веществ и табакосодержащих продуктов.

Вопрос относительно отношения к наркотическим веществам вызывает традиционно негативные отклики, 64,4 % опрошенных выражают свое отношение к данной практике как «очень отрицательное», 13,7 % - как «скорее отрицательное, чем положительное». В то же время, настораживающим является достаточно высокий показатель нейтрального отношения к употреблению наркотических веществ, который составляет 17,7 % от общего числа опрошенных.

Нейтральная позиция является преобладающей в оценке практик употребления спиртных напитков (36,9 %), что подчеркивает их достаточно значительную распространенность среди молодого населения. Скорее положительное отношение к употреблению спиртных напитков отмечают 12,7 % опрошенных. Отрицательным является отношение

половины респондентов (49,1 %). Данные показатели говорят о складывании предрасположенности молодежи к использованию практик, связанных с употреблением спиртных напитков.

Отношение к курению у молодежи противоречиво и зависит от возраста. Отрицание актуальности данной привычки практически идентично показателю реального отказа от курения (75,8 % от общей выборки). Среди возрастных когорт наибольший уровень отказа от курения наблюдается в возрасте от 18 до 22 лет (92,1 % от когорты). В остальных возрастных категориях данный показатель составляет чуть больше 70 % (в группе респондентов в возрасте от 23 до 26 лет – 76,4 %, в группе от 31 до 35 лет – 73,8 %), меньше всего уровень отказа от курения среди респондентов в возрасте от 27 до 30 лет (69,7 %).

Одним из основных агентов социализации и формирования идентичности современного молодого поколения являются информационно-сетевые ресурсы [8]. Как показывают исследования, значимым тематическим трендом среди молодежи в социальных медиа на данный момент является тема здорового питания и бодибилдинга, сопряженных с диетами, в том числе и вегетарианскими [9;10]. По данным тематикам, как свидетельствуют результаты нашего опроса, происходит косвенное продвижение здорового образа жизни как одного из основных жизненных ориентиров, определяющих успешность в различных сферах деятельности индивидов. Отрицание влияния питания на состояние здоровья присутствует у 22 % опрошенных. Приверженность диетам не превышает в целом по выборке 20 %. Молодое поколение в большинстве осознает значимость правильного питания, причем в группах до 25 лет процент отказа от вредного питания составляет практически половину от опрошенных (49,1 %), в группах старше – снижается до 38,5 %. Установка на правильное питание является основополагающей в каркасе самосохранительного поведения современной молодежи, но ее низкая актуализация в привычках и реальном поведении говорит о превалировании пассивной позиции относительно основ здорового образа жизни.

Профилактическое посещение медицинских учреждений также является одной из составляющих самосохранительного поведения. Система профилактики и диспансеризации в нашей стране претерпевает в последние годы значительные изменения [11]. Отношение к системе здравоохранения зачастую определяет границы диагностических и медицинских возможностей медицины для индивидов. Однажды полученный негативный опыт может определять отношение к институциональной среде здравоохранения в целом, что ведет к стратегиям исключения при лечении, самолечению и полному недоверию экспертному мнению в форме отказа от лечения [12].

Среди опрошенных респондентов 12 % ни разу не проходили профилактические осмотры, чаще всего это молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Около половины респондентов проходят медосмотры ежегодно, 21 % обращаются в поликлинику в целях профилактики раз в 2-5 лет. Положительной является динамика более частого посещения медицинских учреждений в целях профилактики (раз в полгода и чаще). Так, более восприимчивыми к профилактическим мероприятиям являются группы, старше 25 лет, что можно связать с медицинскими осмотрами от работодателей и при трудоустройстве в том числе.

Напряженность относительно институционального взаимодействия с профилактической средой можно наблюдать при определении целей диспансеризации населения. Молодежь в равной степени склоняется к определению диспансеризации как полного скрининга заболеваемости пациентов и раннего определения наиболее опасных заболеваний, в том числе онкологических. Отрицание эффективности мероприятий по диспансеризации в различных когортах находится в пределах 10%. Важным для определения вектора динамики взаимодействия молодежи с системой здравоохранения является доверие медицинским институтам. Показательно восприятие диспансеризации населения как формального мероприятия без видимой эффективности и пользы для пациентов, причем процент недоверия растет с возрастом респондентов: возрастные группы до 25 лет отмечают формальность на уровне 13,2 %, группы, старше 25 лет – на уровне 19 %.

Недоверие медицинской составляющей самосохранительного поведения в дальнейшем транслируется на индивидуальные стратегии лечения и принятия заболеваний [12]. Особенно актуальным вопрос принятия решения и своевременного обращения в лечебно-профилактические учреждения является относительно социально значимых заболеваний.

Достаточно высокий уровень подверженности канцерофобии, по данным опроса, выказывает 44,1 % молодежи, причем уровень тревожности растет с возрастом. Примерно такая же доля респондентов (44,3 %) оценивает злокачественные новообразования (далее – ЗНО) как высоко опасные, но поддающиеся лечению. Всего 11,3 % опрошенных не отмечают выдающейся критичности заболевания относительно иных хронических и патологических изменений. Наиболее тревожной в плане подверженности канцерофобии является группа в возрасте от 27 до 30 лет, когда происходит выстраивание основополагающих жизненных ценностей в семейной и деловой сферах взаимодействия, то есть при актуализации терминальных ценностей и соответствующих стратегий.

По данным исследования ВЦИОМ, население довольно часто сталкивается с онкологическими заболеваниями:

как на собственном опыте (14 %), так и на опыте родных или близких друзей (61 %) [13]. Чаще всего люди сталкиваются с онкологией через заболевания близких. Примечательно то, что доля имеющих опыт переживания проблемы злокачественных образований, в 2,5 раза больше тех, кто не сталкивался с онкологическими диагнозами: 75 % против 30 % (закрытый вопрос, до двух ответов, % от всех опрошенных). По данным Минздрава РФ, на май 2019 года, на учете со злокачественными новообразованиями состоят 3,76 млн. человек – 2,6 % от населения России [14]. Достаточно высокий уровень взаимодействия населения с проблемой злокачественных образований свидетельствует об особой значимости обыденного взгляда на формирование картины заболевания в целом для всего населения. То есть, по этим данным можно утверждать, что общественный и социальный контекст проблемы онкологии конструируется по большей части не самими носителями опыта заболевания, а их «ближайшими другими», что несет значимые искажения картины.

Эти данные подтверждаются относительно низкой актуализацией проблемы канцерофобии в возрастной когорте от 18 до 22 лет, которая обладает меньшим жизненным опытом и более узким кругом социальных контактов относительно старших групп.

В рамках обращения к институциональной среде в сфере здравоохранения, среди населения широко распространен феномен отказа от взаимодействия в силу неэффективной организации услуг в медицине, которая отталкивает индивидов. По данным всероссийских опросов ФОМ и ВЦИОМ на 2019 год, 57 % населения доверяют врачам в больницах и поликлиниках страны, 34 % - не доверяют [14]. Чаще всего россияне обращаются за медицинской помощью по полису ОМС в государственные поликлиники, при этом среди опрошенной нами молодежи за прошедший год чаще всего по полису ОМС обращались за медпомощью молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (72 %). За счет молодого сегмента обеспечивается и уровень доверия частным медицинским учреждениям: доверяют им чаще, чем государственным 49 % против 37 % в старших возрастных когортах [15]. Таким образом, молодое население в целом доверяет системе здравоохранения. Уровень доверия сфере медицины находится на среднем уровне, стремящемся к высокому [16].

Возвращаясь к вопросу информационной политики относительно профилактики ЗНО, пассивное получение знаний от третьих лиц не является критерием самосохранительного поведения. Индивид должен сам заботиться о своем здоровье, то есть инициатива получения необходимой для сохранения здоровья информации должна исходить от самого человека. По результатам опроса, в данном аспекте сложилась двоякая картина: более половины ре-

спондентов (54,3 %) говорят о потребности получения необходимых знаний о профилактике онкологических заболеваний, треть (29 %) не хотели бы получить такие знания в виду отсутствия потребности в такой информации. Последняя группа вызывает наибольший интерес в рамках проведения информационно-профилактических мероприятий.

Основными источниками формирования доверия молодежи системе здравоохранения, помимо опыта родных и знакомых, выступают средства массовой информации, такие как Интернет и телевидение. Определенная степень доверия складывается также на основании информации, предоставляемой сайтами медучреждений, как в платном секторе здравоохранения, так и среди бесплатных государственных лечебных учреждений [17]. Данные опроса подтверждают выделенные тенденции. Наиболее приоритетными каналами получения информации по тематике ЗНО представители молодежи считают Интернет (54,4 %) как основной источник данных по любым вопросам, а также телевидение (47,3 %), как наиболее значимый канал информирования населения среди традиционных СМИ. Социальные сети сейчас выступают главным способом общения для молодого населения, зачастую замещающего личное взаимодействие. Доверие к данному каналу информирования о ЗНО отмечают 32,3 %. Опыт «ближайших друзей» в лице родных и знакомых является главным источником информации по ЗНО для 32,3 % опрошенных. Последними по значимости каналов получения информации идут формы обращения к экспертному мнению. Среди таких форм наиболее распространены информационные тематические брошюры в поликлинических учреждениях (15,5 %), рекомендации лечащего врача (13,1 %), а также специализированная литература по тематике в формате книг, журналов и статей (12,4 %). Можно констатировать, что образ онкологических заболеваний практически пол-

ностью складывается в рамках взаимодействия молодежи с различными каналами СМИ, причем экспертное мнение в формате такой информации не транслируется.

Можно заключить, что традиционные составляющие здорового образа жизни, а конкретно активность в виде занятий спортом, правильное питание и отказ от вредных привычек, среди молодежи претерпевают изменения в направлении отрицательной динамики, несмотря на достаточно высокие показатели практической приверженности. Большую роль в определении повестки онкологической заболеваемости населения как социальной проблемы играют «ближайшие друзья» пациентов. Их опыт взаимодействия с системой оказания медицинской помощи определяет уровень качества оказываемых услуг, несмотря на то, что они их и не получают. Стигматизация онкологии проявляется в установках (а скорее, их отсутствии) самосохранительного поведения в сфере злокачественных новообразований. Причем значительно изменить эти установки способна только критическая ситуация личного опыта переживания онкологии, так как работа по диагностике и предупреждению в институциональной сфере ведется, как ни парадоксально, непосредственно только с пациентами. Вопрос ранней диагностики онкологических заболеваний является решающим в картине развития. Отсутствие профилактических знаний и отказ от взаимодействия с системой здравоохранения приводят к тому, что индивиды поступают на лечение зачастую в incurable состоянии. Такие случаи являются весьма затратными при лечении или паллиативной поддержке. Запущенную картину злокачественных новообразований может исправить направленная информационная политика, работающая с основными группами риска, что весьма значимо среди молодежи как основного экономического потенциала нации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колосницына М.Г., Ситдилов М.Т. Макродетерминанты здорового образа жизни // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. №2. С. 27–37.
2. Лисицын Ю.П. Образ жизни как основа здоровья. Анализ факторов риска заболеваемости: проблемная статья // *Медицинская газета*. 2010. № 19. С. 12.
3. Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // *Социологические исследования*. 2015. №4. С. 120–129
4. Здравоохранение в России. 2019: Статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики. [WWW документ]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm (дата обращения: 12.03.2020).
5. Социально-значимые заболевания населения России в 2018 году. Статистические материалы // Министерство здравоохранения Российской Федерации, Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения. [Электронный ресурс]: текст. <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2018-god> (дата обращения: 12.12.2019).
6. Муртазина И.Р. Самосохранительное поведение, качество жизни и предпочитаемые копинг-стратегии мужчин и женщин в период ранней взрослости // *Пензенский психологический вестник*. 2018. №1(10). С. 89–110.

7. Россия – спортивная страна! // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 4101. 13 Ноября 2019. [WWW документ]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10001> (дата обращения: 10.01.2020).
8. Ларионова И.В., Максимова О.А. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 275–278.
9. Алимпиева А.В., Колбасина К.Ю. Динамика поведения молодежи в сфере здорового питания под воздействием средств массовой информации // Вестн. Балтийского федерал. ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2013. № 11. С. 57–64.
10. Бугрезова Е.Р. Роль социальных медиа в формировании практик заботы о здоровье среди российской молодежи // Экономическая социология. 2016. Т.17. №5. С. 103–123.
11. Организация процесса диспансеризации на принципах бережливого производства. Методические рекомендации // Министерство здравоохранения Российской Федерации. [Электронный ресурс]: текст. URL: <https://legalacts.ru/doc/organizatsija-protssesa-dispanserizatsii-na-printsipakh-berezhlivogo-proizvodstva-metodicheskie-rekomendatsii/> (дата обращения: 10.01.2020).
12. Аронсон П. Стратегии обращения за медицинской помощью и социальное неравенство в современной России // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: сб. ст.; под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2009. С. 155–178.
13. Рак: есть ли от него спасение и как с ним бороться? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3872. 7 Февраля 2019. [WWW документ]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9546> (дата обращения: 10.03.2020).
14. Здравоохранение в России. 2019: Статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики. [WWW документ]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm (дата обращения: 12.03.2020).
15. Доверие врачам и медучреждениям // Фонд общественного мнения. Здоровье и спорт. 16 Мая 2019. [WWW документ]. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14208> (дата обращения: 10.01.2020).
16. Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 4127. 11 Декабря 2019. [WWW документ]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10067> (дата обращения: 10.01.2020).
17. Саблуков А.В., Никулина И.И. Доверие молодежи системе здравоохранения // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. № 2 (800). С.277-288.

Информация об авторе

Орешникова Дарья Николаевна, аспирант, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, Институт инженерной экономики и предпринимательства, кафедра социологии, политологии и менеджмента.

E-mail: resist@list.ru

Oreshnicova D.N.

EVALUATION OF THE BASIC FACTORS FOR THE DEVELOPMENT OF CANCER WITHIN THE FRAMEWORK OF SELF-PRESERVING BEHAVIOR OF YOUTH

Abstract. Oncological morbidity is growing every year, including in the main group of the working population of the country, that is, among young people. The mortality rate from cancer stably takes the second place among the main causes of mortality in Russia. A high mortality rate is associated with the late appeal of citizens for medical care, that is, in the late stages of the disease. In this regard, the question arises of the activation of attitudes towards self-preserving behavior regarding the incidence of cancer. This article is aimed at revealing the basic practices of self-preserving behavior, as well as an analysis of their relationship with cancer prevention. The article demonstrates the results of a mass survey of youth in Kazan regarding the main practices of a healthy lifestyle and disease prevention. According to the study, the main risk groups among young people were identified regarding the level of carcinophobia, the main components of a healthy lifestyle, as well as preventive interaction with the institutional environment in the health sector.

Keywords: health, sociology of health and medicine, self-preserving behavior, individual values and attitudes, healthy lifestyle, cancer, cancer prevention, treatment adherence, preventive health behavior.

Literature

1. Kolosnitsyna M.G., Sitdikov M.T. Macrodeterminants of a healthy lifestyle // World Economy and International Relations. 2012. No. 2. S. 27-37.
2. Lisitsyn Yu.P. Lifestyle as the basis of health. Analysis of risk factors for morbidity: problem article // Medical newspaper. 2010. No. 19. P. 12.
3. Ermolaeva P.O., Noskova E.P. The main trends in the healthy lifestyle of Russians // Sociological studies. 2015. No. 4. S. 120-129
4. Healthcare in Russia. 2019: Statistical collection // Federal State Statistics Service. [WWW document]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm (date of access: 12.03.2020).
5. Socially significant diseases of the population of Russia in 2018. Statistical materials // Ministry of Health of the Russian Federation, Department of Monitoring, Analysis and Strategic Development of Health. [Electronic resource]: text. <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskij-sbornik-2018-god> (date accessed: 12.12.2019).
6. Murtazina I.R. Self-preservation behavior, quality of life and preferred coping strategies of men and women in early adulthood // Penza psychological bulletin. 2018. No. 1 (10). S. 89–110.
7. Russia is a sports country! // VTsIOM. Press Release No. 4101. 13 November 2019. [WWW document]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10001> (date accessed: 10/01/2020).
8. Larionova I.V., Maksimova O.A. Formation of the identity of the younger generation in the context of the influence of information-network technologies // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017. No. 4. S. 275–278.
9. Alimpieva A.V., Kolbasina K.Yu. Dynamics of youth behavior in the field of healthy nutrition under the influence of the mass media // Vestn. Baltic Federal. un-ta them. I. Kant. Ser. : Philology, pedagogy, psychology. 2013. No. 11. S. 57–64.
10. Bugrezova E.R. The role of social media in the formation of health care practices among Russian youth // Economic sociology. 2016.V.17. No. 5. S.103–123.
11. Organization of the prophylactic medical examination process on the principles of lean production. Methodical recommendations // Ministry of Health of the Russian Federation. [Electronic resource]: text. URL: <https://legalacts.ru/doc/organizatsija-protssessa-dispanserizatsii-na-printsipakh-berezhlivogo-proizvodstva-metodicheskie-rekomendatsii/> (date of access: 10.01).
12. Aronson P. Strategies for seeking medical care and social inequality in modern Russia // Health and trust: a gender approach to reproductive medicine: collection of articles. Art. ; ed. E. Zdravomyslova, A. Temkina. SPb. : Publishing house of European University, 2009. S. 155–178.
13. Cancer: is there salvation from it and how to deal with it? // VTsIOM. Press release # 3872. February 7, 2019. [WWW document]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9546> (date accessed: 03/10/2020).
14. Healthcare in Russia. 2019: Statistical collection // Federal State Statistics Service. [WWW document]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm (date of access: 12.03.2020).
15. Trust doctors and medical institutions // Public Opinion Foundation. Health and sports. 16 May 2019. [WWW document]. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14208> (date accessed: 10/01/2020).
16. The quality of medical services: a request for strict control // VTsIOM. Press release No. 4127. December 11, 2019. [WWW document]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10067> (date accessed: 10/01/2020).
17. Sablukov A.V., Nikulina I.I. Trust of young people in the healthcare system // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2018. No. 2 (800). S. 277–288.

Author

Oreshnikova Daria Nikolaevna, postgraduate student, Kazan National Research Technical University named after V.I. A.N. Tupolev-KAI, Institute of Engineering Economics and Entrepreneurship, Department of Sociology, Political Science and Management.

E-mail: resist@list.r

ОПЫТ ЛОКАЛЬНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАУКИ В МОНОПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ

Аннотация. Процесс институционализации науки проходил несколько важнейших трансформаций, оставивших след в мировом пространстве. Несмотря на усиливающийся процесс глобализации, существуют локальные особенности науки, которые характерны для той или иной территории. В статье акцентируется внимание на городах, известных своей монофункциональностью социально-экономического развития. Выделены особенности становления социального института науки в монопромышленном городе, которые повторяют контуры и очертания городских процессов. В монопромышленном городе формируются две самостоятельные системы науки: корпоративной (заводской) и университетской (академической). Текущее состояние научного сообщества и науки в городе можно охарактеризовать как транзитивное, где происходит сознательное проектирование будущего состояния общества субъектами процесса. В работе выявляются концепты «черный лебедь» и «антихрупкость» для локального научного сообщества.

Ключевые слова: монопромышленный город, наука, институционализация.

Начальный этап развития современной науки начинается в период с конца XVI века с наблюдений датского астронома Тихо Браге по начало XVIII века, когда был опубликован труд И. Ньютона «Оптика» [1, С. 202]. В данный период происходит зарождение важнейших институтов, которые сделали развитие науки как социального института возможным. На протяжении многих веков происходит тесная интеграция общества и науки, которые проходят комплексные трансформации с неравномерным развитием. На современном этапе развития, который больше всего известен как VUCA-мир (Volatility – непостоянство; Uncertainty – неопределенность; Complexity – сложность; Ambiguity – неоднозначность), более всего проявляются неподконтрольность и непредсказуемость социальных систем, которые требуют детального внимания. Наука как компонент социальной системы пытается найти точки равновесия и опоры, однако события типа «черный лебедь» (события, которые невозможно предсказать, но которые коренным образом меняют ход истории) вызывают все большее расслаивание и дезинтеграцию элементов социально-экономического развития, что провоцирует все большее количество глобальных вызовов, которые требуют немедленной реакции [2, С. 18].

Россия относится к так называемому четвертому кластеру стран – экспортеров талантов, где исторически силь-

ные системы среднего и высшего образования сочетаются с низкой эффективностью рынка труда (Исследователи ВСГ предполагают разбивку стран на четыре кластера по человекоцентричности: «инициативные и открытые», «закрытые и самодостаточные», «развитые и стабильные», «экспортеры талантов»). Низкая мобильность и запутанная и столь же непрозрачная конкуренция приводят к постоянной «утечке мозгов» и низкой мотивации работников, остающихся здесь [3].

Процесс институционализации науки на глобальном уровне представляет собой процесс организации науки в устойчивую социальную структуру. Анализируя исследования в области социологии науки, можно выделить некоторые ключевые особенности, которые характеризуют данный процесс:

1) создание различных организационных форм науки, ее внутренней дифференциации и специализации, благодаря чему она выполняет свои функции в обществе; 2) формирование системы ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых, обеспечивающих их интеграцию и кооперацию;

3) интеграция науки в культурную и социальную системы индустриального общества, которая при этом оставляет возможность относительной автономизации науки по отношению к обществу и государству [4].

Помимо глобального аспекта институционализации науки, некоторые исследователи выделяют региональный и локальный аспект, который выражен в территориальных границах. В контексте данной темы нами рассматривается опыт локальной институционализации науки в монопромышленном городе, который имеет свои уникальные особенности. Для процессов, происходящих в моногороде, в том числе и в отношении локальной науки, на наш взгляд, применима метафора «вавилонская башня» («долгострой»), которая, с одной стороны олицетворяет недостроенные здания в физическом виде, так и незавершенность социальных процессов, и процесс их стагнации на продолжительный период времени.

Исследовательский вопрос статьи: какие вызовы оказывают существенное влияние на локальный процесс институционализации науки в условиях современного монопромышленного города и какие сценарии наиболее характерны для таких городов с позиции развития науки? Имеющийся эмпирический материал позволил нам сравнить особенности конструирования социального института науки на локальном уровне в монопромышленном городе и выявить основные причины стагнации развития научных сообществ таких территорий.

Эмпирическое исследование основывается преимущественно на применении качественной стратегии. Трехслойная модель С. Мурунова [5], примененная в отношении города Набережные Челны, позволяет выделить ключевые особенности развития локального института науки с позиции влияния трех факторов: ландшафта, деятельности и опытов (культурных смыслов). Полуструктурированные нарративные интервью с исследователями направлены на выявление ключевых особенностей становления городского научного сообщества в VUCA-мире и причин его стагнации. Эмпирическая информация собиралась с 2019 по 2021 гг., за это время в рамках исследовательской работы были проведены 15 нарративных интервью с учеными в монопромышленном городе (Набережные Челны). Всего в исследовании приняли участие 10 кандидатов наук и 5 докторов наук. Сфера научных интересов: гуманитарные, технические, социальные и физико-математические науки. Все информанты имеют ученую степень и опыт работы по специальности, а также опыт исследовательской деятельности и публикаций в научных журналах.

В средствах массовой информации и на бытовом уровне часто употребляется термин «монопромышленный город» или «моногород», которых на данный момент в Российской Федерации насчитывается порядка 319 [6]. Принципиальным отличием монопромышленного города от любого другого типа современных городов является крайне недиверсифицированная структура экономики, в основе которой, как правило, лежит развитие одной крупной сфе-

ры производства или нескольких технологически и экономически неразрывно связанных видов деятельности [7]. На данный момент, большинство таких городов представляют собой территории постсоветского переосмысления и наследия, когда «сердцем» города было основополагающее предприятие. Акцентируя внимание на городе Набережные Челны как монопромышленном городе, необходимо обратить внимания на ряд особенностей, характерных для данной территории: сложность классификации с позиции возраста; неравномерность развития социальных систем; опыт «долгостроев»; противоречивость социально-экономического развития. Относительно хронологического аспекта территории существует несколько экспертных мнений, во-первых, город может быть отнесен к «относительно молодым городам» (термин Л. Муртазиной), так и к городам «переходного типа» [8, с. 9]. С точки зрения урбанистики, город представляет собой классический линейный город, «город-сад», основанный на конструктивистских идеях Ле Корбюзье (по первоначальному градостроительному плану Б. Рубаненко) [9, с. 42]. Опыт «долгостроев», который можно переосмыслить как «вавилонская башня». Дело в том, что в 1970-е годы в город ежегодно приезжали десятки тысяч людей, таким образом, что к 1980-му году численность населения достигла 300 тысяч человек (при 40 тысячах человек в 1970 году). Город и завод (ПАО «КАМАЗ») строились параллельно, что приводило к образованию долгостроев. Метафора «вавилонская башня» характеризует весь процесс стройки и происходящих процессов, т.к. в своем первоначальном виде замысел не был реализован. «Долгострой», как история, которая вплетена в локальную канву города, т.к. проявляются как на материальном уровне в виде недостроенных зданий, так и в виде незавершенных социальных процессов. «...С подобной историей город сталкивается еще с 70-х годов, когда начинала строиться знаменитая "Тюбетейка". Город остался на уровне машин, т.е. первоначально предполагалось построить как будто два уровня, не только эти коробки жилые и чисто утилитарные здания, а второй уровень – учреждения культуры, образования и науки. По замыслу Б. Рубаненко наука в Челнах быть должна. И должен был быть сильный образовательный кампус с мощной научной базой, и главное здание у него тоже должно было быть, а не здание бывшего общежития для иностранных специалистов, прозванного ласково "пространственно-временной континуум"» (муж., 37 лет, канд. филос. наук, Набережные Челны).

Наука как локальный социальный институт в городе Набережные Челны выстраивалась с момента появления первого учебного заведения в городе. Однако ее институционализацию необходимо рассматривать в двух векторах: академическом и заводском (корпоративном).

Как видно из рисунка 1, основной вектор развития города относится к промышленному, т.к. основой экономики становится изначально строительство, а затем выпуск автомобильной продукции (ландшафт и деятельность по Трехслойной модели). Строившееся градообразующее предприятие нуждалось в специализированной службе, которая будет фиксировать изменения в поведении работников предприятия и горожан (т.к. большая часть населения города являлась сотрудниками и строителями предприятия), поэтому в 1973-1974 гг. создается социологическая служба, проводившая фундаментальные социологические исследования и являвшаяся элементом общей социальной инженерии, программировавшей развитие города. «...Город был линейный, но мышление не было линейным. Развивался сценарий вопреки всему. Не среда помогала тебе создавать что-то, а ты сам, вопреки всему. Был новатором, экспериментатором. Такими были и все ученые, которые приехали сюда тогда...» (муж., 75 лет, канд. тех. наук, Набережные Челны). Вместе с тем, именно данная служба, наравне с создававшимися промышленными лабораториями на главном предприятии города, становится «ласточкой» начинающегося процесса институционализации науки [10]. Корпоративная наука, закладывающаяся на градообразующем предприятии, потребовала создания академической науки в городе, как дополнительной системы, обеспечивающей равновесие в научно-инновационном развитии. В 1980-м году появляется первый самостоятельный институт – Камский политехнический институт [11]. Размещается он также в недостроенном здании, которое перепрофилируют под главное здание института. «Находился он в здании общежития для иностранных специалистов. Часть здания оперативно отдали под институт, а в другой части жили мы, кто приехал сюда работать. Тогда КАМАЗ передавал нам технику с баланса на баланс, в придачу давали неликвиды. Таким образом, наша кафедра обзавелась столами и шкафами немецкого производства.

Крепкими оказались, до сих пор стоят. Автомеханическому факультету от научно-технического центра КАМАЗа достались образцы новых разработок автотехники, которые не пошли в серийный выпуск» (муж., 75 лет, док. хим. наук, Набережные Челны). Постепенно образуются технические научные школы, которых сейчас насчитывается порядка шести. Школы формировались практически с самого основания института, закладывались традиции,

поколения исследователей. В конце 1980-х годов появляется второй самостоятельный городской институт, ставший, в последствии, педагогическим университетом с образовавшимися там педагогическими научными школами.

Городское научное сообщество суммарно состоит из двух звеньев – академического и корпоративного (заводского), однако если в области технических наук можно отследить интеграцию обеих систем, то в отношении педагогических, историко-краеведческой и социально-гуманитарных научных школ заметно преобладание разрозненности и незавершенности процесса интеграции. «Социологи из города исчезли, раньше у них было представительство РОС, хотя и заводские социологи преобладали. Юристы раньше вели серьезные исследования, школа была своя, у философов тоже. А потом в 2010-х они все куда-то исчезли. Распалась философская школа, юристы еще есть и кафедры еще есть, но уже нельзя сказать, что школа еще существует, много кто ушел. Экономисты сильные были раньше, что в филиалах, что в основном вузе, серьезные исследования проводились. Не могу сказать, были ли школы, но зачатки к их созданию были, и серьезные, потом это все распалось. Это как в физике, период полураспада, вот и с наукой в городе тоже самое. Период полураспада...» (муж., 62 года, док. соц. наук, Набережные Челны).

Новые научные школы продолжали образовываться и в 1990-2000-е годы, предпринимались попытки создания отраслевых ассоциаций, вузами проводились крупные научные события и исследования. «Вавилонские башни» академической и корпоративной науки постепенно формировались, однако в 2010-е годы произошел ряд процессов, приведший к стагнации всей социальной системы науки – реорганизация учебных заведений, сильное снижение численности исследовательского состава, дезинтеграция и децентрализация, приведшие к стагнирующему положению «долгостроя». «Лоскутное одеяло в городе, лоскутное одеяло и в науке. И только сейчас, когда начинают достраивать и «собирать» то, что было задумано изначально в этой области, но уже в измененном виде... А пока что город у нас «без лица», т.к. историческая часть была значительно затоплена при строительстве ГЭС. Так и наука без лица, т.к. повторяет в значительной степени ландшафт города. А город – это люди...» (муж., 32 года, старший научный сотрудник, Набережные Челны). Возникает вопрос, что предстоит сделать в дальнейшем, чтобы «оживить» саму

Рисунок 1. Хронология первых этапов развития монопромышленного города Набережные Челны в советский период (1962–1980 гг.).

систему науки в городе? Нужна пересборка социального, очерчивание и восстановление границ группы [12]. Возникает необходимость пересмотра имеющегося опыта конструирования науки и выстраивание нового с учетом текущих реалий VUCA-мира [13]. «Вавилонская башня» городского научного сообщества также не сформирована до конца. Стагнация и деконструкция ряда научных школ, реконструкция технических базовых школ, конструирование возможных новых школ – процессы, происходящие в текущий момент времени. «Черным лебедем» для института науки стали процессы реинтеграции университетской (академической) науки и пересборка научных школ, а также постепенная сепарация города от предприятия, с которыми в той или иной степени столкнулось научное сообщество. У «черного лебедя» есть противоположный концепт – «антихрупкость». «Антихрупкость» – это, прежде всего, уменьшение потерь от потенциального неизвестного, а не увеличение приобретений от фактического известного [13]. «Антихрупкостью», т.е. трендом стабилизации, в данном случае может выступить интеграция университетской науки и производства. Ускоренное развитие взаимодействия науки и производства тормозится острым дефицитом специалистов инновационного склада, умеющих органически вплести научное творчество в производство. Кадровый голод целом в экономике, и в особенности в сфере интеллектуальной деятельности усугубляется неблагоприятной демографической ситуацией, причиной чему является продолжающееся негативное влияние («демографической ямы»). Сегодня доля исследователей в возрасте до 30 лет в большинстве научно-исследовательских учреждений в среднем не превышает 10% от общей численности исследователей [14; 15, С. 58].

Своеобразной надстройкой в процессе институционализации науки может служить институт научных коммуни-

каторов и научных популяризаторов на локальном уровне, которые будут выполнять роль посредников между «жесткими» структурами науки.

Как видно из схемы на рисунке 2, дальнейший процесс локальной институционализации науки может конструироваться в сторону вектора интеграции научного сообщества, университетской (академической) науки и производства через встраивание систем популяризации и научной коммуникации, которые будут выстраиваться не только по вертикали и горизонтали, но также и по диагонали, обеспечивая равный доступ ко всем элементам социального института науки.

Проведенный в работе анализ показывает, что система науки в монопромышленном городе полностью повторяет контуры и границы происходящих процессов. Экономическая направленность города определяет основное преобладание типа научных школ, так как для обеспечения жизнеспособности территории требуются постоянные разработки и исследования в ведущей отрасли. Несмотря на усиливающуюся сепарацию города и градообразующего предприятия, наука будет являться связующим звеном, которое будет интегрировать университетскую науку и производство (и корпоративную науку, где существуют конструкторские бюро и лаборатории). Современные монопромышленные города имеют опыт «вавилонской башни», который выражается в недостроенной инфраструктуре и незавершенности ряда процессов. Длительный период стагнации вызван комплексностью существующих проблем, которые не позволяют с первого раза обозначить основные вызовы.

Процесс локальной институционализации в монопромышленном городе характеризуется неравномерным, скачкообразным развитием. В начале, это стремительный рост, сильные научные работники, активно развивающая-

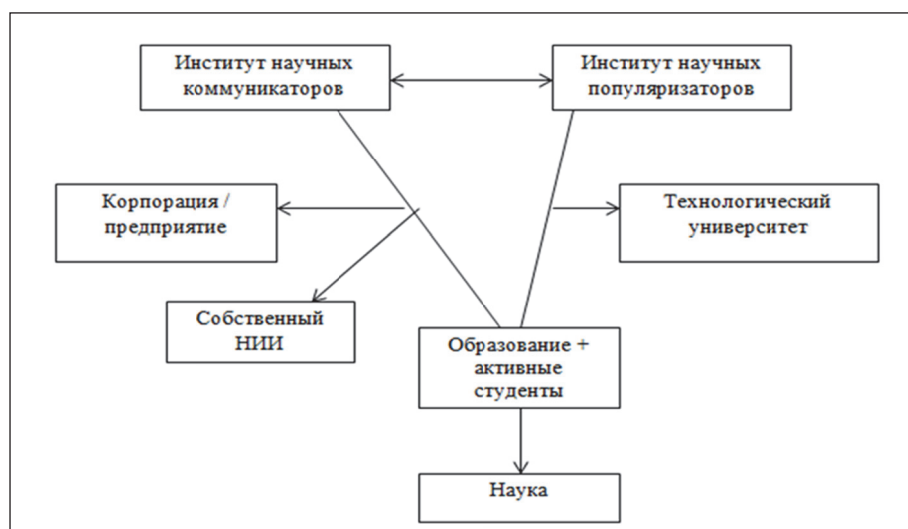

Рисунок 2. Структура городской науки в городе Набережные Челны с включением элементов популярной науки

ся исследовательская инфраструктура, формирующиеся лаборатории на градообразующем предприятии, где проводились прикладные исследования. Суммарно это определило облик городской науки как прикладной. Можно утверждать, что текущее состояние научного сообщества и науки в городе можно охарактеризовать как транзитивное, где происходит сознательное проектирование будущего состояния общества субъектами процесса [16]. Возникает необходимость постепенного перехода к новой формирующейся системе, которая в условиях VUCA-мира будет обладать некоторой устойчивостью и эффектом противодействия постоянным проявлениям нестабильности.

В монопромышленном городе существуют фактически две равноправных системы науки с тем различием,

что корпоративная наука аккумулирует символический капитал в себе, становясь центром создания сообществ, и провоцирует развитие университетской (академической) науки на ранних этапах развития, что выражается в профессиональной идентичности ученых, проживающих на данной территории. Современным трендом является интеграция университетской науки и производства с выраженной надстройкой промежуточных структур популяризации и научной коммуникации, которые могут выстраиваться в любом направлении как частицы в квантовой физике (принцип неопределенности Гейзенберга) и обеспечивают равный доступ ко всем элементам системы науки [17].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции – М.:Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 9
2. Лисова Е.В. Теория черного лебедя в контексте региональной экономики // МНИЖ. 2020. №5-2 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-chernogo-lebedya-v-kontekste-regionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 14.06.2021).
3. Массовая уникальность. Глобальный вызов в борьбе за таланты, – ВCG, 2019. – С. 35
4. Институционализация науки / Философия [Электронный ресурс]: <http://konkurs-eor.ru/article70.php> (Дата обращения: 21.05.2021)
5. Мурунов. С.А. Трехслойная модель города. [Электронный ресурс]: <http://workshopuniversity.ru/> (Дата обращения: 13.06.2021)
6. На новую госпрограмму развития моногородов потратят 57,3 млрд руб. [Электронный ресурс]: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2019/...> (Дата обращения: 13.06.2021)
7. Коновалова Т.А. К вопросу о понятии, сущностных чертах и классификации монопромышленных городов/моногородов // Региональная экономика: теория и практика. 2012. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-suschnostnyh-chertah-i-klassifikatsii-monopromyshlennyh-gorodov-monogorodov> (дата обращения: 14.06.2021)
8. Муртазина Л.Р. Динамика социально-демографических процессов в молодых городах в реформирующемся российском обществе: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / А: типография Альметьевского государственного нефтяного института. 2004. – С. 8-9
9. Ле Корбюзье. Модуль: Опыт соразмерной масштабу человека гармоничной системы мер, применимой как в архитектуре, так и в механике. Стройиздат. 1976
10. История лаборатории главного корпуса завода двигателей [Электронный ресурс]: <https://vestikamaza.ru/posts/istoriya-laboratorii-glavnogo-korpusa-zavoda-dvigatelay/> (Дата обращения: 14.06.2021)
11. 33 года назад был создан Камский политехнический институт (КАМПИ) [Электронный ресурс]: http://www.chelnytd.ru/novosti/33_goda_nazad_bil_sozdan_Kamskiy_politehnicheskiy_institut_KamPI_ (Дата обращения: 14.06.2021)
12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию - 2-е издание. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.
13. Костырева Е.В. Новый мир - новые образовательные технологии // Педагогическая наука и практика. 2017. №4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-mir-novye-obrazovatelnye-tehnologii> (дата обращения: 14.06.2021).
14. Осипов Г.В., Шереги Ф.Э. Социология науки и образования. Интеграция университетской науки и производства: учеб. пособие для вузов / Г.В. Осипов, Ф.Э. Шереги. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 288 с.
15. Минзарилов Р.Г., Максимова О.А., Рассолова Е.Н. Выбор профессии ученого в биографических стратегиях разных поколений жителей монопромышленного города (на материале г. Набережные Челны) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018. №6 (35). С. 54-61
16. Федотова Марина Геннадьевна К содержанию понятия «Транзитивное общество» // Вестник ВятГУ. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-soderzhaniyu-ponyatiya-tranzitivnoe-obschestvo> (дата обращения: 15.06.2021).
17. Гейзенберг В. Введение в единую полевою теорию элементарных частиц / под ред. Д. Иваненко. М.: Мир, 1968. 240 с.

Информация об авторе

Рассолова Елена Николаевна, МАУ «Молодежный центр «Нур», специалист по работе с молодежью
E-mail: enrassolova@gmail.com

Rassolova E.N.

THE EXPERIENCE OF LOCAL INSTITUTIONALIZATION OF SCIENCE IN A MONO-INDUSTRIAL CITY

Abstract. The process of institutionalization of science has gone through several major transformations that have left their mark on the world space. Despite the intensifying process of globalization, there are local features of science that are characteristic of a particular territory. The article focuses on cities known for their monofunctional socio-economic development. The features of the formation of a social institution of science in a mono-industrial city, which repeat the contours and outlines of urban processes, are highlighted. In a mono-industrial city, two independent systems of science are being formed: corporate (factory) and university (academic). The current state of the scientific community and science in the city can be characterized as transitive, where there is a conscious projection of the future state of society by the subjects of the process. The work identifies the concepts of "black swan" and "antifragility" for the local scientific community.

Keywords: mono-industrial city, the science, institutionalization.

Literature

1. Wootton D. *Invention of Science: A New History of the Scientific Revolution* - M.: Colibri, Azbuka-Atticus, 2018. – P. 9
2. Lisova E.V. The theory of the black swan in the context of the regional economy // MNIZH. 2020. No. 5-2 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-chernogo-lebedya-v-kontekste-regionalnoy-ekonomiki> (date of access: 14.06.2021).
3. Mass uniqueness. A Global Challenge for Talent. – BCG, 2019. – P. 35
4. Institutionalization of science / Philosophy [Electronic resource]: <http://konkurs-eor.ru/article70.php> (Date of access: 05/21/2021)
5. Murunov. S.A. Three-layer city model. [Electronic resource]: <http://workshopuniversity.ru/> (Date of treatment: 13.06.2021)
6. 57.3 billion rubles will be spent on the new state program for the development of single-industry towns. [Electronic resource]: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2019/> / ... (Date of access: 13.06.2021)
7. Konovalova T.A. On the question of the concept, essential features and classification of mono-industrial cities / mono-cities // *Regional economy: theory and practice*. 2012. No. 36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-suschnostnyh-chertah-i-klasifikatsii-monopromyshlennyh-gorodov-monogorodov> (date accessed: 14.06.2021)
8. Murtazina L.R. Dynamics of socio-demographic processes in young cities in a reforming Russian society: Abstract of a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / A: printing house of the Almet'yevsk State Oil Institute. 2004. – S. 8–9.
9. Le Corbusier. *Modulor: Experience of a harmonious system of measures commensurate with the scale of a person, applicable both in architecture and in mechanics*. Stroyizdat. 1976
10. History of the laboratory of the main building of the engine plant [Electronic resource]: <https://vestikamaza.ru/posts/istoriya-laboratorii-glavnogo-korpusa-zavoda-dvigatelye/> (Date of access: 14.06.2021)
11. 33 years ago, the Kama Polytechnic Institute (KAMPI) was created [Electronic resource]: http://www.chelnyltd.ru/novosti/33_goda_nazad_bil_sozdan_Kamskiy_politehnicheskij_institut_KamPI (Date of access: 14.06.2021)
12. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to the actor-network theory* - 2nd edition. - M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2020. – 384 p.
13. Kostyreva E.V. New world - new educational technologies // *Pedagogical science and practice*. 2017. No. 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-mir-novye-obrazovatelnye-tehnologii> (date accessed: 14.06.2021).
14. Osipov G.V., Sheregi F.E. *Sociology of Science and Education. Integration of university science and industry: textbook. manual for universities* / G.V., Osipov, F.E. Sheregi. - M.: Yurayt Publishing House, 2019. – 288 p.
15. Minzaripov R.G., Maksimova O.A., Rassolova E.N. The choice of a scientist's profession in the biographical strategies of different generations of residents of a mono-industrial city (based on the material of Naberezhnye Chelny) // *Kazan social and humanitarian bulletin*. 2018. No. 6 (35). S. 54–61

16. Fedotova Marina Gennadievna On the content of the concept of "Transitive society" // Bulletin of VyatSU. 2010. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-soderzhaniyu-ponyatiya-tranzitivnoe-obschestvo> (date accessed: 15.06.2021).

17. Heisenberg V. Introduction to the unified field theory of elementary particles / ed. D. Ivanenko. Moscow: Mir, 1968.240 p.

Author

Rassolova Elena Nikolaevna, MAU "Youth Center" Nur ", specialist in work with youth

E-mail: enrassolova@gmail.com

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РФ

Аннотация. В статье представлен анализ современного состояния общественного здоровья населения. Авторы выделяют основные показатели общественного здоровья: показатели медико-демографических процессов (механических – миграция, естественных – смертность, рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни и т.д.); показатели заболеваемости населения; показатели инвалидности населения; показатели физического развития. Каждый из данных показателей характеризуется на основе статистических данных РФ.

Авторы делают вывод о том, что важнейшим мониторируемым демографическим показателем является естественный прирост населения – разница в показателях рождаемости и смертности (без учета миграции) населения, а главная причина демографического неблагополучия в России – высокая смертность (по классификации ВОЗ – сверхсмертность) населения. При этом отмечается, что такие показатели общественного здоровья как заболеваемость, инвалидизация и уровень физического развития населения РФ являются весьма неблагополучными, то есть имеют тенденции ухудшению, что также подтверждается данными официальной статистики.

Авторами отмечается, что состояние общественного здоровья – наиболее объективный показатель уровня социально-экономической развитости и цивилизованности государства. Не случайно на постоянном контроле у государства являются такие категории общественного здоровья, как смертность и рождаемость населения, заболеваемость и смертность от ведущих причин (сердечно-сосудистые, онкологические заболевания), ожидаемая продолжительность жизни россиян, то есть основные демографические показатели, являющиеся ключевыми при реализации демографической политики нашей страны.

Ключевые слова: общественное здоровье, показатели, смертность, рождаемость, заболеваемость, инвалидизация.

Общественное здоровье – это здоровье населения, обусловленное комплексным воздействием социальных, биологических, внешне средовых и медико-организационных факторов при определяющем значении общественно-политического и экономического строя и зависящих от него условий жизни общества.

Традиционно выделяют 4 основные группы показателей, характеризующих общественное здоровье страны: показатели медико-демографических процессов (механических – миграция, естественных – смертность, рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни и т.д.); показатели заболеваемости населения; показатели инвалидности населения; показатели физического развития.

Показатели медико-демографических процессов. На 1 января 2019 г. численность населения России составила 146,8 млн. человек (2 % от населения Земли - 7,3

миллиардов, 9-е место в мире). Плотность населения России – 8,6 чел./кв.км (среднемировая плотность – 52, среднеевропейская – 115). Население распределено крайне неравномерно: 68,2% россиян проживают в европейской части России, составляющей 20,85 % территории. Городское население составляет 74,6% (в мире – 51%). Возрастная структура населения России представлена следующим образом: 0-14 лет 17,4 %, 15-19 лет – 4,6 %, 20-64 лет 63,8 %, 65 лет и старше – 14,2 %. Лица моложе трудоспособного возраста составляют 18,3 %; трудоспособного – 56,7 %; старше трудоспособного – 25 %. Средний возраст жителя России превышает 40 лет, число россиян в возрасте от 17 до 21 года существенно меньше, чем в других однолетних возрастных группах до 70 лет [1].

Важнейшим мониторируемым демографическим показателем является естественный прирост населения –

разница в показателях рождаемости и смертности (без учета миграции) населения.

Впервые в истории России (в мирный период) отрицательный естественный прирост (убыль) населения был зафиксирован в 1992 году. В 1992-2012 гг. естественный прирост был отрицательным, суммарная убыль составила около 14 млн. человек. Россия явила миру феномен, который получил название **«русский демографический крест»** – отражение беспрецедентного в истории страны демографического кризиса, когда за кратковременный период наблюдалось резкое падение рождаемости и рост смертности (См. рис. 1).

Наибольшего значения показатель естественной убыли населения достиг в 2000-2005 (до 980 тыс. человек в год); в 2006-2012 гг. началось постепенное сокращение темпов убыли (с 687 тыс. до 2500). Перелом негативной тенденции произошел **в 2013-м, который стал первым за последние десятилетия, когда был зафиксирован естественный**

прирост населения – 24 тыс., в 2014 – 2015 тенденция начала нарастать. Однако уже в 2016 году естественная убыль вновь составила 2286 человек, и ее темпы за последние годы лишь увеличиваются: 2017 – 135,8 тыс. человек, 2018 – 170,5 тыс. человек.

Кроме показателя естественного прироста (убыли) населения весьма значимым является **общий прирост (убыль)**, который учитывает **миграционное сальдо** (нетто миграция, чистая миграция, механический прирост населения, миграционный прирост) – разность между числом прибывших на территорию и числом вышедших из нее за определенный период времени. Практически на всем протяжении периода естественной убыли в России, **миграционное сальдо было положительным**, что позволяло частично (в большей или меньшей степени) компенсировать общую убыль (См. рис. 2). В 2017 году общий прирост составил 260 тыс. человек.

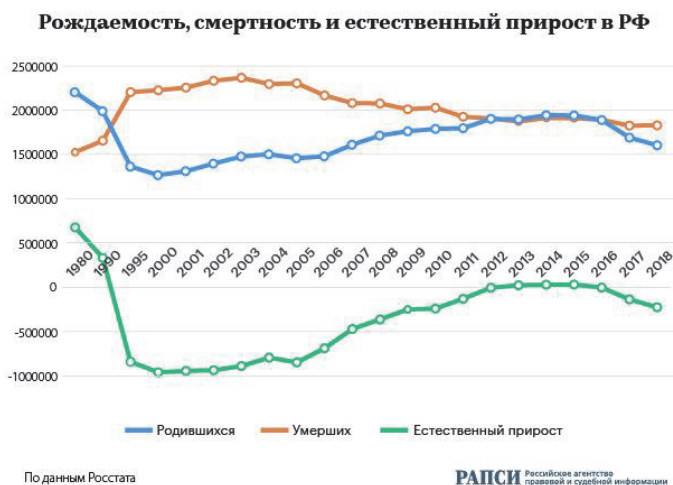

Рисунок 1. Соотношение рождаемости и смертности, естественный прирост населения в Российской Федерации в 1990–2018 гг. (по данным Росстата) [1]

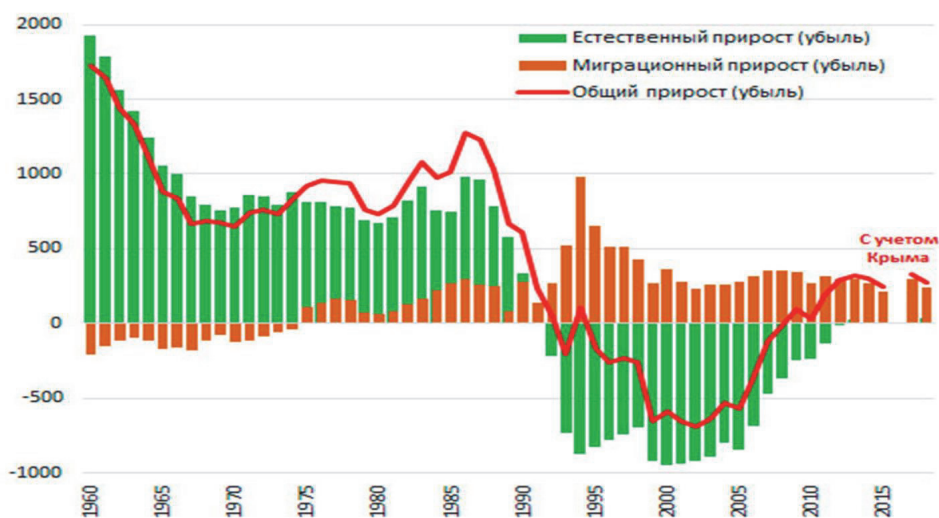

Рисунок 2. Естественный прирост, миграционный прирост и общий прирост населения России в 1990-2017 гг. [1]

Основными донорами России являются государства Средней Азии и Кавказа. Лидером по числу мигрантов из стран дальнего зарубежья является Китай (число иммигрантов за последние 10 лет увеличилось в 21 раз).

Однако миграционный прирост в последние годы демонстрирует устойчивую тенденцию к замедлению, что повышает остроту проблемы снижения смертности и роста рождаемости.

Согласно последним из опубликованных Росстатом данным, **ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов повысилась в России до 73 лет в 2018 году.** К 2030 году ожидаемая продолжительность жизни при рождении может повыситься до 76,4 года по среднему варианту прогноза Росстата, 74,7 года по низкому и до 80,1 года по высокому варианту прогноза.

Главная причина демографического неблагополучия в России – высокая смертность (по классификации ВОЗ – сверхсмертность) населения. В 2018 году общий коэффициент смертности (ОКС) в мире составил 8,6 ‰, среднеевропейский – 19,3 ‰, в России – 12,4 ‰.

Как наглядно прослеживается на рисунке 3, в течение более полувека Россия характеризовалась стойкой тенденцией роста числа умерших и ОКС, что связывают как с изменением возрастной структуры (старением) населения, так и с повышением в отдельные периоды (1990-е – середина 2000-х) интенсивности смертности.

Одним из показателей смертности, вызывающих серьезное беспокойство государства и общества, является **смертность трудоспособного населения.** Этот показатель в России с 1990 г. увеличился более чем в 1,5 раза, хотя за последние 4 года имеет тенденцию к снижению. Самый высокий с 1990 г. (8,3‰) отмечался в 2005 году. КС в трудоспособном возрасте в 2018 году составил 5,5‰,

у мужчин – 11,9, у женщин – 2,4. Более четверти всех умерших в 2013-18 г.г. – люди трудоспособного возраста (среди мужчин – 40%). Коэффициент смертности трудоспособного населения России в 1,5 раз выше, чем в «новых странах» ЕС, в 2,1 раз – в «старых» [2].

Кроме показателя ОКС, характеризующего уровень смертности, важным для анализа является показатель ее структуры по причинам смерти. Именно он позволяет сформировать приоритетные направления снижения смертности. Рождаемость населения является важнейшим фактором естественного прироста населения и предметом постоянного внимания государства и общества. Россия относится к странам, государственная политика которых направлена на всемерное стимулирование рождаемости.

Деформацией возрастного состава населения (в том числе численности женщин фертильного возраста), о которой говорилось выше, отчасти – с изменением интенсивности рождаемости и ее возрастного профиля (См. рис. 4).

Заболеваемость населения – второй весомый блок показателей, характеризующих здоровье населения. Росстат, начиная с 1990 года, регулярно публикует данные о заболеваемости населения России. Она характеризуется, прежде всего, по обращаемости – числу случаев заболеваний, выявленных (или взятых под диспансерное наблюдение) в течение года при обращении в лечебно-профилактические учреждения или при профилактическом осмотре. Кроме того, по некоторым заболеваниям ведется наблюдение за изменением численности контингентов пациентов, состоящих на учете в организациях здравоохранения на определенный момент времени (обычно на конец года).

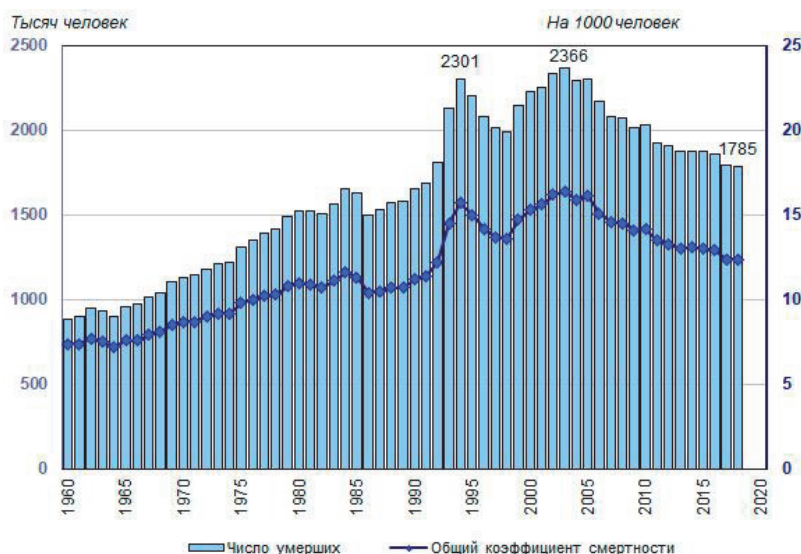

Рисунок 3. Число умерших (тысяч человек) и общий коэффициент смертности (на 1000 человек постоянного населения) в Российской Федерации, 1960–2018 годы [1]

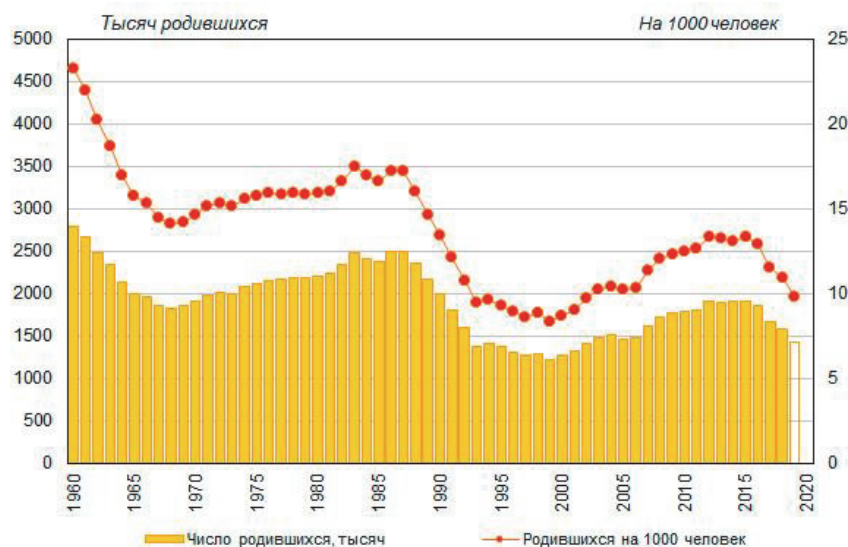

Рисунок 4. Родившиеся живыми в России, 1960-2019 годы (тысяч человек) и коэффициент рождаемости (в расчете на 1000 человек) [1]

По последним из опубликованных Минздравом РФ данным, в 2019 году зарегистрировано более 237 миллионов случаев заболеваний (общая заболеваемость). Это больше на 0,2%, чем в 2018 году, и на 3,6%, чем в 2012 году. По сравнению с 2000 годом (191,3 миллиона случаев), общее число зарегистрированных случаев заболеваний увеличилось на 23 %, а по сравнению с 1990 годом (158,3 миллиона случаев) – на 48 %.

Число зарегистрированных случаев заболеваний с впервые установленным диагнозом росло медленнее. В 2019 году оно составило 114,4 миллиона, что на 0,7% меньше, чем в 2018 году, но на 2,3% больше, чем в 2012 году, на 6% больше, чем в 2000-м и на 18%, чем в 1990-м [3].

Показатель инвалидизации населения страны. Инвалидами считаются люди с нарушениями здоровья, они есть в каждой стране. Обязанность государства – забота о них. Ведется ежегодный подсчет статистики инвалидности для обеспечения социальной поддержки и медицинской помощи. В зависимости от общего количества определяется социальная политика государства.

Согласно статистическим данным Всемирной организации здравоохранения около 15 % всего населения Земли имеет ту или иную форму инвалидности. По сравнению с предыдущим исследованием ВОЗ, проведенным в 70-х годах 20 века, инвалидность повысилась на 10 %. Это связано с глобальным старением населения, увеличением распространения хронических заболеваний и улучшением методологий, которые стали использоваться при измерении показателей инвалидности.

В нашей стране статистика по количеству людей с физическими и/или психическими особенностями ведется ежегодно, и наметилась стойкая тенденция к снижению их численности.

По оценке Росстата, на 1 января 2020 года в России численность населения составила 146 748 590 жителей, из них отмечено 11 005 193 человека с инвалидностью.

По сравнению с 2013 годом количество людей, имеющих инвалидность, снизилось на 2 076 807 человек, что напрямую связано с улучшением качества медицинского обслуживания, условий труда и уровня жизни населения в целом [4].

Физическое развитие. Под физическим развитием следует понимать комплекс морфологических и функциональных расстройств организма, определяющих массу, плотность, форму тела, структурно-механические качества и выражающихся запасом его физических сил.

На уровень физического развития влияет комплекс социально-биологических, медико-социальных, организационных, природно-климатических факторов. Имеют место различия в физическом развитии населения, проживающего в различных экономико-географических зонах, лиц разных национальностей. Под влиянием длительно действующих неблагоприятных факторов уровень физического развития снижается, наоборот, улучшение условий, нормализация образа жизни способствуют повышению уровня физического развития.

Уровень физического развития населения во многом говорит о социальном благополучии в обществе. Под влиянием длительно действующих неблагоприятных факторов уровень физического развития снижается, и, наоборот, улучшение условий, нормализация образа жизни способствуют повышению уровня физического развития населения.

Таким образом, высокий уровень общественного здоровья и здоровья каждого гражданина являются стратегической целью государства, условием национальной безопасности страны, центром общенациональной идеи.

Состояние общественного здоровья - наиболее объективный и убедительный показатель уровня социально-экономической развитости и цивилизованности государства. Не случайно на постоянном контроле у государства являются такие категории общественного здоровья, как смертность и рождаемость населения, заболеваемость и смертность от ведущих причин (сердечно-сосудистые, онкологические

заболевания), ожидаемая продолжительность жизни россиян, то есть основные демографические показатели, являющиеся ключевыми при реализации демографической политики нашей страны. Анализ динамики этих показателей позволяет оценить основные социально-демографические проблемы и разрабатывать наиболее эффективные направления развития системы социальной защиты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральная служба государственной статистики: сайт. – Москва, 2021. – URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.03.2021).
2. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: сайт. – Москва, 2021. – URL: <https://mintrud.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2021). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст : электронный.
3. Министерство здравоохранения Российской Федерации: сайт. – Москва, 2021. – URL: <https://mintrud.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2021). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст : электронный.
4. Всемирная организация здравоохранения сайт. – 2021. – URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 20.05.2021). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст : электронный.

Информация об авторах

Соловьева Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», Историко-социологический институт, кафедра социологии и социальной работы.

E-mail: tanysha_v@bk.r

Бистьякина Динара Асымовна, кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», Историко-социологический институт, кафедра социологии и социальной работы.

dinaraas@mail.ru

Панькова Елена Геннадьевна, кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», Историко-социологический институт, кафедра социологии и социальной работы.

Soloveva T. V., Pankova E. G., Bistyakina D. A.

ANALYSIS OF THE STATE AND INDICATORS OF PUBLIC HEALTH IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article presents an analysis of the current state of public health of the population. The authors identify the main indicators of public health: indicators of medical and demographic processes (mechanical-migration, natural-mortality, birth rate, life expectancy, etc.); indicators of morbidity of the population; indicators of disability of the population; indicators of physical development. Each of these indicators is characterized on the basis of statistical data of the Russian Federation.

The authors conclude that the most important monitored demographic indicator is the natural population growth – the difference in the birth rate and mortality (excluding migration) of the population, and the main reason for the demographic disadvantage in Russia is the high mortality rate (according to the WHO classification – super – mortality) of the population. At the same time, it is noted that such indicators of public health as morbidity, disability and the level of mental development of the population of the Russian Federation are very poor, that is, they have a tendency to worsen, which is also confirmed by official statistics.

The authors note that the state of public health is the most objective indicator of the level of socio-economic development and civilization of the state. It is no accident that the state constantly monitors such categories of public health as mortality and birth rate of the population, morbidity and mortality from leading causes (cardiovascular, oncological diseases), life expectancy of Russians, that is, the main demographic indicators that are key in the implementation of the demographic policy of our country.

Keywords: public health, indicators, mortality, fertility, morbidity, disability.

Literature

1. Federal State Statistics Service: website. – Moscow, 2021. – URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (date of access: 12.03.2021).
2. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation: website. – Moscow, 2021. – URL: <https://mintrud.gov.ru/> (date of access: 20.05.2021). – Access mode: for authorization users. – Text: electronic.
3. Ministry of Health of the Russian Federation: website. – Moscow, 2021. – URL: <https://mintrud.gov.ru/> (date of access: 20.05.2021). – Access mode: for authorization. users. – Text: electronic.
4. World Health Organization website. – 2021. – URL: <https://www.who.int/ru> (date of access: 20.05.2021). – Access mode: for authorization users. – Text: electronic.

Authors

Solovieva Tatyana Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Moscow State University N.P. Ogarev, Historical and Sociological Institute, Department of Sociology and Social Work.

Email: tanysha_v@bk.r

Bistyaykina Dinara Asymovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Moscow State University N.P. Ogarev, Historical and Sociological Institute, Department of Sociology and Social Work.

Email: dinaraas@mail.ru

Pankova Elena Gennadievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Moscow State University N.P. Ogarev, Historical and Sociological Institute, Department of Sociology and Social Work.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СТУДЕНЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ ДЕВИАЦИЙ)

Аннотация. В статье анализируется девиантное поведение студенчества. Автором проанализированы результаты социологических исследований, данные официальной статистики, использованы результаты собственного исследования среди студентов, обучающихся в г. Казань с целью получения достоверной информации.

Выявлено, что студенчеству как социальной группе свойственны как общие или традиционные девиации, характерные для всего социума (алкоголизм, наркомания, суицид, противоправное поведение), так и новые (например, чайлд-фри), часто возникающие под влиянием интернетизации и киберсоциализации (например, вебкам-бизнес). Происходит нормализация отношения студентов к этим видам девиаций под влиянием норм современного общества. В статье также даны рекомендации по минимизации девиантного поведения в студенческом сообществе.

Ключевые слова: девиации, студенчество, наркомания, алкоголизм, харрасминг, вебкам-бизнес, чайлд-фри.

Девиантное поведение традиционно является нарушением правил, созданных и функционирующих в данном конкретном обществе. Девиация подразумевает отказ или неспособность индивида, или целой группы людей следовать тем моральным нормам и правилам поведения, которые доминируют в обществе.

В девиантологии существуют многочисленные теоретические подходы и концепции к объяснению социальных отклонений. Базовыми считаются биологическое (Ч. Ломброзо, У. Шелдон и др.) [1], психоаналитическое (Р. Гарофало, Г. Тард, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, О. Эйхорн и др.) [2], отдельно выделяется социально-психологическое (С. Линг, Р. Харре) [3] и собственно социологическое (П. Сорокин, Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, Т. Парсонс) [4] направления анализа. Э. Дюркгейм выдвинул понятие социальной аномии, как состояние общества, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились [5]. Р. Мертон проанализировал, каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к не соответствующему предписаниям поведению [6].

Студенчество, как социальная группа, в своей повседневной деятельности использует разнообразные девиантные практики поведения: как традиционные и широко распространенные в обществе и в мире в целом, так и новые, возникающие под влиянием информационных технологий. Так, под влиянием интернетизации в моду входят сетевые девиации, такие, как деструктивный стриминг, где за деньги продается насилие, жестокость, секс, вебкам-бизнес, когда на платной основе происходит общение наблюдателя и веб-модели, троллинг, буллинг и другие.

Все многообразие проявления девиаций среди студентов можно систематизировать в два основных вида. К первому виду относятся традиционные девиации, которые наблюдаются в течение долгого времени и периодически проявляются с различной частотой (алкоголизм, наркомания, проституция, склонность к суициду, противоправные действия и т.д.). Второй вид содержит не характерные ранее для социума «новые» девиации, которые в последние несколько десятков лет получили широкое распространение. Исследователями отмечается перманентный характер новых девиаций, так как они были привнесены в обще-

ство посредством интернет-коммуникаций (деструктивный стриминг, троллинг, вебкам бизнес, киберпреступность и др.). Часть этих форм поведения может признаваться обществом нормальными с точки зрения идеологии толерантности [7]. Опасение вызывает и тот факт, что, согласно эмпирическим данным, около половины (50%) современной молодежи в России согласно преступить ряд моральных принципов инорм, аргументируя это трансформацией современных реалий. По их мнению, в жестоком мире добиться успеха можно лишь преступив законы морали [8].

Знаменитый отечественный социолог Я.И. Гилинский полагает, что цифровизация и виртуализация жизни ведет к кибердевиантности, а также к киберпреступности, которая вытесняет обычную преступность. Так, в нашей стране с 2002 по 2017 годы уровень убийств сократился в 3,5 раза, краж – в 2 раза, разбойных нападений – в 5,7 раз, грабежей – в 6 раз. При этом возрос уровень мошеннических преступлений в 2 раза, в том числе и в цифровой среде [9]. Интернет дает практически безграничные возможности, но и затягивает вплоть до заболевания зависимостью. Нельзя также забывать об использовании Интернет-среды экстремистами, террористами, организованными преступными группировками, нацистами и т.д. Нормой (а нередко – предметом гордости) становятся сексуальные девиации, агрессия, ложь, зависимые формы поведения. К традиционным химическим зависимостям сегодня прибавился постоянно увеличивающийся список социокультурных девиаций (таких как игромания, шопингомания, интернет-зависимость и других) и завышенных социально-статусных ожиданий личности. Подстегиваемое стремление человека жить “в кайфе” и неспособность дисциплинировать себя в рамках трудовой деятельности становятся причиной стремительного роста ненормативной активности и зависимых форм поведения молодежи, экспансии способов самовыражения, разрушительно воздействующих на здоровье и психику молодого человека [10]. Сегодня в обществе получили распространение такие зависимости как анорексия, булимия, трудовоголизм, шопоголизм, зависимость от социальных сетей и компьютерных игр. Ряд исследователей связывают эту проблему с ростом уровня потребительства людей, «сверхпотреблением», «ионормализацией» определенных субкультур [11].

Проанализируем результаты авторского социологического исследования среди студентов, обучающихся в г. Казань (выборка составила 1200 человек и проведено 4 фокус-группы), а также данные официальной статистики.

Вначале рассмотрим **традиционные** девиации, которые характерны для поведения студентов.

Употребление наркотиков. Наркотики употребляют 6,7% респондентов, совсем не пробовали наркотики 83% респондентов, остальные не ответили на вопрос. Лица,

пробовавшие наркотики хотя бы один раз, в основном употребляли курительные смеси (марихуана – 0,9%, гашиш – 0,9%). Среди тех, кто пробовал для интереса или за компанию какой-нибудь наркотик, преобладают юноши – 4,2%, (2,6% – девушки). Что касается самого употребления наркотических веществ, то чем старше возрастная группа, тем больше принципиальный отказ от потребления наркотических веществ, что связано с накопленным социальным опытом и сменой ценностных ориентиров на более долгосрочные в плане жизненных стратегий. Интерес же к тяжелым наркотикам как новому опыту проявляется больше в младших возрастных группах. Тот факт, что иногда приемлемо употребление марихуаны и других курительных веществ чаще всего отмечали респонденты в возрасте 17–22 года, связан с их более тесными контактами с различными социальными группами, в том числе и группами потребления и распространения легких курительных смесей. Данный факт можно связать также с популяризацией легализации курительных веществ в ряде стран за последние годы, что создает некий прецедент в массовом сознании.

Употребление психоактивных веществ. Достаточно значимая доля респондентов (72,9%) среди путей употребления психоактивных веществ людьми из ближайшего окружения указала на курение «травки». Также сохраняется популярность потребления таблетированных и порошковых препаратов (20,4%), и вдыхания химических препаратов (13,7%). Наличие опыта употребления тяжелых наркотиков среди ближайших групп общения назвали 4% респондентов.

Употребление алкоголя. Представление о практике употребления алкоголя как «нормальной» и приемлемой в меру также характерно для представителей студенчества, она не воспринимается в полном смысле как отклоняющаяся или девиантная, а скорее привычна для современных студентов. Большинство опрошенных (52,5%) считает, что алкоголь употреблять можно, но в ограниченном количестве. Медицинской точки зрения о том, что алкоголь употреблять нельзя ни в каком количестве, придерживается лишь 16,7% респондентов от общей выборки. Интересно также, что примерно столько же опрошенных (14,7%) считают, что слабые алкогольные напитки можно употреблять часто, еще 10,5% ответили, что иногда можно «крепко» выпить.

В возрастной группе от 17 до 22 лет 62% опрошенных придерживаются мнения, что алкоголь можно употреблять, но редко (по праздникам, за столом) и в ограниченном количестве. В более старшей группе (23-26 лет) такого мнения придерживаются 45%. С возрастом увеличивается число тех, кто считает, что пить можно и часто, но слабые напитки (пиво, сухое вино, шампанское).

Курение. В ходе опроса было выявлено, что из всех опрошенных 75% никогда не курили и даже не пробовали сигареты. По данным опроса, 11,5% молодых людей курят сигареты регулярно – больше одной пачки в неделю, а 13,6% иногда, т.е. меньше одной пачки в неделю. В возрастной группе респондентов от 17 до 22 лет никогда не курили 79%, в группе от 23 до 26 лет не курили 67% опрошенных. Таким образом, чем старше возрастная группа, тем меньше количество респондентов, которые отметили, что никогда не курили и больше становится тех, кто на данный момент курит на регулярной основе или иногда. В ходе опроса выяснилось, что материальный фактор не является сдерживающим в вопросе курения. Из представленной выше таблицы следует, что частота курения не зависит от материального положения опрошиваемых. Даже та категория, которой денег хватает только на питание, не отказывают себе в курении сигарет. Даже наоборот, данные опроса показывают, что чем выше материальный статус, тем меньше потребление сигарет и в принципе выше уровень отказа от курения. Так, если среди тех, кому хватает денег только на еду первой необходимости, 20% опрошенных выкуривают 6-10 пачек за 7 дней, тогда как среди достаточно обеспеченных слоев («мы можем купить все, кроме недвижимости») 10,9% выкуривают до одной пачки за неделю.

Из представленных данных опроса следует, что чем старше респонденты, тем больше среди них тех, кто употребляет спиртные напитки, а мнения о полном исключении алкоголя из употребления склонны придерживаться более младшие возрастные группы. С возрастом доля людей, убежденных в том, что алкоголь должен быть полностью исключен из употребления, сокращается и увеличивается доля тех, кто считает, что пить можно и часто, но слабые напитки (пиво, вино, шампанское). Курят сигареты регулярно 11,5% респондентов, еще 13,6% иногда, т.е. не каждый день.

Таким образом, можно заключить, что в целом наблюдается нормализация отношения студенчества к традиционным девиациям.

Отношение студентов к **новым** девиациям мы изучали с помощью фокус-групп, в результате чего были получены следующие результаты.

На вопрос, чем является **феномен чайлд-фри** – отклонением или нормой в современном мире – были получены следующие ответы:

«Я считаю, что нет, человек в современном мире сам вправе выбирать, что для него отклонение, а что нет». «Я согласна, у человека с такой позицией есть свои причины, если он не хочет, то он имеет обоснование, а общество давит на человека. Многие дети появлялись, когда человек сам не хотел. Дети бы сейчас не оказывались в детских домах и в нищем положении»;

«Я также соглашусь. Это не обязательный критерий для человека в целом. Это дело лично каждого». «На мой взгляд, это нормально и это осознанная тема. Нельзя заводить детей лишь из-за того, что общество считает это нормальным. Есть люди, которые не воспитывают людей. Я уважаю таких людей, ведь они понимают, что они не вырастят хорошего человека». «Это большая ответственность, если кто-то не готов брать на себя такую ответственность, то в этом нет ничего страшного»;

«В России – чем женщина моложе, тем лучше будут роды – это общепринятое мнение. В Европе рожают в основном старшее поколение»;

«Чайлд-фри также не воспринимается среди группы людей старшего возраста. Для них – это совершенно неправильно, так как поколенческие ценности этого не позволяют».

Следовательно, феномен чайлд-фри студенты трактуют как нормальное явление, а не девиантное. Многие студенты считают, что сначала надо заняться карьерой, купить квартиру, а потом уже рожать детей. Пока студенты не готовы создавать семью по экономическим причинам.

Далее приведем наиболее характерные высказывания студентов о **вебкам – бизнесе**:

«В современном мире, в связи с развитием технологий, абсолютно нормально, что молодежь, сидя дома зарабатывает на тех или иных профессиях, к примеру, на том же вебкам-бизнесе. Это понятно, ведь не надо сидеть 8 часов в офисе, нужно только подключиться к интернету, дурачиться, за это богатые иностранцы готовы платить неплохие деньги. Это относится и к другим профессиям подобного характера»;

«Сложно сказать, нормально это или нет, но с другой стороны, представители этих профессий доказывают ясно, что это нормально и их не переубедить. Это личное убеждение»;

«Здесь момент того, что каждый человек и его личная убежденность – это и есть для него норма. Исходит это из разных факторов. Также человек может находиться в такой среде, где это принято, а возможно – вебкам – это необходимость, по-другому он не может зарабатывать».

Таким образом, вебкам-бизнес является нормой для студентов. Они не видят ничего плохого в том, чтобы таким образом зарабатывать деньги. В связи с информатизацией, влиянием СМИ, модой и распространенной в обществе идеологией толерантности размывается грань между нормой и девиацией и такого рода новые явления, порожденные интернет-пространством, становятся для молодых людей нормой.

На вопрос «Что вы думаете по поводу проституции и фотографий голых девушек в социальных сетях? Является ли это для вас нормой?» были получены ответы, в которых

аргументация в основном сводилась к следующим положениям:

«Думаю, что ничего особенного в этом нет», «Надо как-то зарабатывать на жизнь, стипендия маленькая, денег не хватает».

«Мода сейчас такая...ничего не поделаешь. Почему бы не показать красивое тело и не получить лайки... тем более. Если на этом можно заработать». «Мне нравится смотреть на красивых девушек и их фото».

«Ничего нет страшного в том, чтобы на этом зарабатывать деньги, даже и продажей виртуального секса».

Это означает, что мы наблюдаем вполне приемлемое отношение к проституции и фотосессиям в обнаженном виде.

Интересно мнение студентов в отношении предательства. К сожалению, для многих из них и этот феномен становится нормой:

«Это на совести каждого, не отклонение. Человек подставляет себя, поступая предательски»;

«Это является отклоняющимся, если его моральные устои не дают так поступить, а если дают – это нормально»;

«Это все-таки для меня отклонение, так как нарушение определенных договоренностей. Я расцениваю это как нож в спину»;

«Это сложный вопрос. Человек может предавать одного человека, а другого нет. Может, он так поступил, так как не было выбора? Мы не можем это оценить, так как не знаем ситуацию человека».

То есть, согласно мнению студентов, предательство – явление для студентов относительное: некоторые считают, что главное – это личные интересы, и можно ради этого предать других людей.

Что касается других девиаций, то студенты относятся к ним уже негативно.

Студентам был задан вопрос: «Давайте подумаем, харрасмент – это нормально?» Приведем некоторые характерные ответы на него:

«Как яркий представитель страны, где это популярно, могу сказать, что 90 процентов девушек в нашей стране подвергается домогательству. Это не обязательно, чтобы было в физическом плане, даже словесное домогательство в нашей стране популярно. От этого страдает наша женская половина страны. Девушка не может нормально погулять, даже выйти в парк и так далее. Это ненормально, тут должно быть воспитание, культура человека и должно это исходить из государственной политики»;

«В остальных странах просто тенденция, что девушек меньше уважают, чем мужчин. Порой даже у нас в России очень страшно одной идти по улице, нужно с собой обязательно иметь либо газовый баллончик, либо острые или колющие предметы». «В принципе, тут вопрос того, что это

может быть нормой в каком-то обществе, где опираются на какие-то столпы консервативного воспитания, менталитета». «Издавна считается, что мужчина – глава семьи, сейчас большинство детей могут наблюдать, как женщина избивается мужем, а дети смотрят на это и будут также делать, повторяя за родителями».

Харрасмент, таким образом, трактуется студентами однозначно как девиация. Это сочетается с мнениями студентов о том, что девиацией является любое вторжение в личное пространство человека.

Необходимыми условиями коррекции поведения молодежи представляются повышение уровня культуры, нравственности, гражданской активности, увлеченность «любимым делом», обеспечение мобильности молодежи, комплексность психолого-педагогических мероприятий. Важными ключевыми направлениями коррекционной работы со студентами, по нашему мнению, являются привлечение студенчества к занятию спортом и физической культурой, к молодежной политике, к активному участию в жизни общества и государства. При участии авторов разработана «Программа развития спорта в Республике Татарстан на 2019-2023 годы», как единая система профилактики девиантного поведения в студенческой среде. В качестве источника финансирования Программы в Республике Татарстан на 2019-2023 годы выступают средства Министерства спорта РТ, Федерации фитнес-аэробики РТ, внебюджетные средства.

Основными направлениями Программы являются следующие:

- популяризация различных направлений спортивных мероприятий с помощью интернет-технологий, создания видеороликов;
- демонстрация и пропаганда в учебном процессе разнообразных форм спортивно-двигательной активности с помощью семинаров, встреч с тренерами, врачами, спортсменами;
- создание методической базы для тренеров и учителей по фитнес-аэробике;
- проведение обучающих семинаров для учителей, тренеров и судей;
- увеличение количества спортсменов, а также подготовка спортсменов кандидатов, и спортсменов, входящих в сборную России по различным видам спорта;
- привлечение известных спортсменов Татарстана к участию в различных спортивных программах, ориентированных на студенческую аудиторию;
- обучение студентов в вузах навыкам здорового образа жизни, обеспечение консультационных и тренерских услуг, тем самым, повышение самозанятости молодежи, развитие личных и профессиональных качеств.

– внедрение специальных курсов по девиантному поведению и здоровому образу жизни; совершенствование практики в связи с современными потребностями молодежи.

Проанализировав данные, полученные в ходе исследования, мы пришли к следующим выводам:

1) в современных условиях наблюдается тенденция нормализации традиционных форм девиантного поведения в студенческой среде, таких как употребление алкоголя, наркотиков, курение, а также новых его форм;

2) это связано с социальными изменениями, а именно, изменяются нормы морали в сторону все большей толе-

рантности и размытости границ дозволенного и недозволенного, в обществе потребления меняются нормы и ценности, кроме того, процессы интернетизации углубляют девиантность в киберпространстве;

3) для представителей современного студенчества характерны представления о практиках проституции, нетрадиционной сексуальной ориентации, случайных сексуальных связях, чалдфри как «нормальных» и приемлемых социальных явлениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи о преступнике. Анархисты – М.: ИНФРА-М, 2004. – 320 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности – М.: Республика, 1994. – 447 с.
3. Harre, R. The ethogenetic approach: Theory and practice // *Experimental social psychology*. – NY.; L. 1977 Vol. 10. – P. 283–314.
4. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. – М.: Астрель, 2006 – 624 с.
5. Дюркгейм Э. Норма и патология // *Социология преступности*. – М., 1996. – С. 39-40.
6. Мертон Р. Социальная структура и аномия // *Социологические исследования*. – 1992. – № 2–4.
7. Муллахмедова С.С., Шихалиева Д.С. и др. Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества. – Махачкала: ДГУ, 2017. – 189 с.
8. Петухов В.В. Российская трансформация и общественная мораль // *Социологические исследования*. 2015, № 12. – С. 28-40.
9. Гишинский Я.И. Девиантность в цифровом мире. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnost-v-tsifrovom-mire> (дата обращения: 21.01.2021).
10. Запесоцкий Ю.А. Современное медиапространство как фактор культурной аномии // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 2. – С. 162-168.
11. Белоусов К.Ю. Девиантогенность потребления // *Петербургская социология сегодня*. Сборник научных статей. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 447 с.

Информация об авторах

Фурсова Валентина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: vafursova@yandex.ru

Маслова Лариса Петровна, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Общеуниверситетская кафедра физического воспитания и спорта.

E-mail: fitnes-tatarstan@mail.ru

Fursova V.V., Maslova L.P.

NORMALIZATION OF THE ATTITUDE TO DEVIANT BEHAVIOR IN THE STUDENT COMMUNITY (ON THE EXAMPLE OF TRADITIONAL AND NEW DEVIATIONS)

Abstract. Deviant behavior is traditionally a violation of the rules created and functioning in this particular society. Deviation implies the refusal or inability of an individual or a whole group of people to follow the moral norms and rules of behavior that dominate society.

Students, as a social group, in their daily activities use deviant behavioral practices, both traditional and widespread in society and in the world as a whole, and new ones that arise under the influence of information technologies. So, under the influence

of internetization, network deviations, such as destructive streaming, where violence, cruelty, sex, webcam business (webcam) are sold for money, when an observer and a web model communicate on a paid basis, trolling, bullying, etc., are becoming fashionable. The article analyzes the results of sociological research, official statistics, and uses the results of the author's research among students studying in Kazan (the sample was 1200 people and 4 focus groups were conducted) in order to obtain reliable information.

It is revealed that students as a social group are characterized by both general and traditional deviations that are characteristic of the entire society: alcoholism, drug addiction, suicide, illegal behavior; new ones that arise under the influence of internetization and cybersocialization. There is a normalization of the students' attitude to these types of deviations under the influence of the norms of modern society.

Recommendations for minimizing deviant behavior in the student community are given.

Keywords: deviations, students, drug addiction, heavy drinking, harrasming, webcam business, child fries.

Literature

1. Lombroso C. Crime. The latest successes about the criminal. Anarchists – M.: INFRA-M, 2004. – 320 p.
2. Fromm E. Anatomy of human destructiveness – M.: Republic, 1994. – 447 p.
3. Harre, R. The ethogenetic approach: Theory and practice // Experimental social psychology. – NY.; L. 1977 Vol. 10. – P. 283–314.
4. Sorokin P. Crime and punishment, feat and reward. – M.: Astrel, 2006 – 624 p.
5. Durkheim E. Norm and pathology // Sociology of crime. – M.: 1996. – С. 29–40.
6. Merton R. Social structure and anomie // Sociological research. – 1992. – No. 2–4.
7. Mullahmedova S.S., Shikhaliyeva D.S. et al. Spiritual development of personality in the context of modernization of Russian society. – Makhachkala: DSTU, 2017. – 189 p.
8. Petukhov V.V. Russian transformation and public morality // Sociological studies. 2015, No. 12. – p. 28–40.
9. Gilinsky Ya.I. Deviance in the digital world. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnost-v-tsifrovom-mire> (date accessed: 01.21).
10. Zapesotsky Yu.A. Modern media space as a factor of cultural anomie // Social sciences and modernity. – 2013. – No. 2. – S. 162-168.
11. Belousov K.Yu. Deviantogenicity of consumption // St. Petersburg sociology today. Collection of scientific articles. – SPb.: Nestor-History, 2010. – 447 p.

Authors

Fursova Valentina Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: vafursova@yandex.ru

Maslova Larisa Petrovna, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, General University Department of Physical Education and Sports.

E-mail: fitnes-tatarstan@mail.ru

ФАКТОРЫ ВЫБОРА СПЕЦИАЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖЬЮ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. Социально-трудовой потенциал молодежи составляет будущее каждой страны. В статье представлены теоретические подходы и результаты осмысления исследований ученых мотивации выбора специальности молодежью на постсоветском пространстве. Авторы, в рамках вторичного анализа данных комплексного исследования предпочтительных факторов мотивации при выборе специальности узбекской молодежью, изучения материалов Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан о ее положении на рынке труда, констатируют недостатки в деятельности республиканской системы образования и профессиональной ориентации в мотивации молодежи, выборе профессии, выявлении способностей, интересов, адаптации на рынке труда. Сделан вывод о необходимости разработки комплексной национальной стратегии профессиональной ориентации молодежи, опирающейся на систематические эмпирические социологические исследования мотивации выбора специальности молодежью, иерархии факторов влияния, современных запросов рынка труда.

Ключевые слова: молодежь, мотивация, выбор специальности, образование, профессиональная ориентация, рынок труда.

Институт высшего образования в современных условиях занимается не только подготовкой профессиональных кадров, но реализует также важные социально-гуманитарные функции, создает человеческий капитал как социума в целом, так и отдельного региона [1]. Выпускник вуза – молодой специалист – сочетает в своей подготовке как всесторонние профессиональные знания, компетенции и навыки, так и ценности общенациональной культуры, способности к инновациям, предпринимательству, применению цифровых технологий, что обеспечивает ему преимущества в конкуренции на рынке труда.

В целом можно констатировать, что в успешных постсоветских регионах растет запрос молодежи на высшее профессиональное образование, складывается близкий мотивационный профиль его выбора, общие профессиональные ценности и ориентации [2]. Получение востребованной профессии, работа в рамках специальности по диплому в избранной отрасли в рамках целенаправленной государственной стратегии образования и социально-экономической политики, обеспечат как высокий социальный статус молодого специалиста, так и его ма-

териальное благополучие, стабильность развития предприятия и региона.

В то же время, существует специфика развития национальных экономик, особенностей рынков труда, тенденций развития экономической, социальной и культурной сфер каждой страны постсоветского пространства, что детерминирует социально-экономические стандарты жизни ее населения, приоритеты видов труда и престиж профессии у молодежи. Итак, мотивация выбора профессии синтезирует как национальные представления, так и ценности, и стандарты, привнесенные процессом глобализации. Поэтому, для оптимизации функционирования и развития национальных образовательных систем, важно обеспечение реализации профессиональных образовательных практик молодежи адекватным социологическим сопровождением и учетом его результатов и выводов в ходе выработки приоритетов национальной политики в сфере образования.

Авторы, в рамках исследования предпочтительных факторов мотивации при выборе специальности молодежью, осуществили анализ материалов Министерства занятости

и трудовых отношений Республики Узбекистан [3] и вторичный анализ данных исследований ЮНИСЕФ «Молодежь Узбекистана вызовы и перспективы» [4]. Исследование было проведено с 2018 по 2020 гг., в двенадцати областях Республики Узбекистан, изучалась молодежь в возрастном интервале от 16 до 30 лет, с применением комплексной количественно-качественной стратегии: опрос 4 458 респондентов и 24 фокус-групп.

Рассмотрим данные исследований профессиональной ориентации и мотивации молодёжи, выбора профессии, выявляющие ее способности, интересы, условия на рынке труда. Отвечая на вопрос «Что больше всего влияет на вас при выборе профессии?» в качестве самого главного фактора, большинство респондентов указали личные способности 34%, финансовые условия и любовь к профессии набрали по 20%, так же важным ответом было решение родителей, оно набрало 11%.

Этот аспект был хорошо выражен 20-летним студентом из Ташкента:

Я считаю, что работа неинтересная, если ее заставили выбрать родители. Например, кто-то хочет стать военным, но отец говорит: "Не надо, надо стать врачом". Тогда работа становится неинтересной. Или кто-то хочет стать актером, но отец говорит: "Нет, ты должен стать юристом".

Данные, полученные из вопросников, подтвердили то, что родители являются ключевым фактором влияния на продолжение образования у молодых людей. Во всех регионах Республики Узбекистан опрошенные отметили, что родители препятствуют дальнейшему получению образования. Ответ на этот вопрос не зависел от места проживания: село или город. Однако гендерный разрыв был заметен: 20,8% респондентов-женщин указали на решение родителей как препятствие по сравнению с только 12,1 % респондентов-мужчин.

Молодые люди в Узбекистане хотят, чтобы их профессия была «их собственным выбором» (а не выбором родителей), а также, чтобы работа приносила «достойный доход» и чтобы в своей трудовой жизни они были окружены поддерживающим «коллективом» коллег.

Если посмотреть на данные по работающей молодежи, то мы видим, что существует два наиболее распространенных сектора трудоустройства — это государственный сектор (35,2%) и сектор частного бизнеса (35,7%), причем частный сектор чаще всего выбирают молодые люди в городских районах. Меньшая доля молодых людей занята в секторе «стартап» (17,5%), который включает «предпринимателей» и «(co) учредителей новых предприятий». Однако сектор «стартап» чаще выбирала сельская молодежь. Из числа респондентов 2,9 % обозначили, что работают в неправительственном секторе, который, согласно

определению, включает «профсоюзы, молодежные организации, женские организации и т. д.»

Молодежь в сельской местности больше проявляла готовность экспериментировать с самозанятостью и малым предпринимательством, что подтверждают полученные данные. Хотя в целом, ответы респондентов из сельской и городской местности о предпочитаемом секторе трудоустройства мало отличаются, однако, вариант работать в стартап-секторе в качестве предпринимателя или (co) учредителя нового коммерческого предприятия оказался более привлекательным для сельских респондентов (59,7%), чем для городских респондентов (40,3 %). Что касается мотивации молодежи Узбекистана по становлению на путь предпринимательства, то респонденты в основном указывали следующие причины: финансовая независимость и желание создать свое собственное дело. Так, 22-летний мужчина из Каракалпакстана дал следующий комментарий:

В сельской местности молодежь не может найти работу после колледжа, в связи с этим некоторые хотят открыть свои предприятия, например, по птицеводству. Они умеют разводить птицу, потому что у всех есть домашние животные. Но о том, как вести бизнес, у них нет знаний. Поэтому было бы хорошо, если бы в образовательных заведениях был такой предмет, как бизнес.

Из этого мы можем сделать вывод, что развитие системы обучения бизнесу необходимо для обеспечения предпринимательских навыков молодежи.

В исследовании было проведено сравнение отношения к своему профессиональному будущему между различными группами населения. Результаты показали следующее: женщины и сельчане более критично настроены в данном вопросе, чем мужчины и городские жители. Молодежь, в свою очередь, полна надежд насчет своих собственных стараний и умений, которые могут привести их к успешной жизни. Среди 9% респондентов, кто уже работает, но неудовлетворен своей работой и хотел бы поменять профессию 11% мужчин и 7% женщин. Дополнительную профессию хотели бы получить 15% мужчин и 10% женщин. При этом в возрастной группе 20-24 года 19% опрошенных ответили, что еще не определились со своей профессией.

Что касается мнения работодателей, не все удовлетворены навыками своих сотрудников, особенно некогнитивными навыками, такими как «принятие ответственности за свои действия», «самотивация» и «творчество». Отсутствие лидерских навыков было больше отмечено участниками из старших возрастных групп (19–24 года: 19,2 %; 25–30 лет: 21,6 %) по сравнению с младшей возрастной группой (14–18 лет: 9,8 %) [5]. Молодые люди, участвующие в обсуждениях в целевых группах, в целом согласились с тем, что местные образовательные учреждения не готовят

их к тому, как вести себя в рабочей среде и справляться со стрессами профессиональной жизни. В связи с этим ряд участников упомянули, что «шустрость» станет решающим навыком для продвижения на рынке труда Узбекистана. Такие личные качества, как подвижность, сообразительность и уверенность в себе, по мнению участников обсуждений в целевых группах, более распространены среди городских жителей, чем среди жителей села.

Согласно исследованиям отечественных специалистов, в результате формирования жизненных и профессиональных стратегий молодежь, как правило, рассматривает высшее образование как обязательный, инструментальный фактор для достижения жизненного успеха [5]. Стимулы выбора профессии имеют влияние на уровень удовлетворенности профессией и на то, работает ли респондент по своей специальности или нет. Так, востребованность профессии и её высокая заработная плата в два раза увеличивают вероятность того, что респондент продолжит работать по изначально выбранной им профессии.

Также респонденты выделили критерий полученного удовольствия на интересной работе. Участники опроса указали на то, что если работа интересная, то они самомотивированы и работают от «души». Результатом такой работы послужит саморазвитие. С другой стороны, неинтересная работа обычно ассоциируется у молодежи с монотонным и физически напряженным трудом. Тем самым мы видим, что «интересная работа» является определяющим фактором при выборе определенного сектора занятости. Этот вариант ответа выбрали 63,4% респондентов, в равной степени разных половозрастных группах, а также в городской и сельской местностях.

По данным анкет мы можем видеть явный разрыв между отраслями, которые респонденты считают наиболее привлекательными (образование 28,7 %, наука 26,3 %, здравоохранение 22,9 %, бизнес 21,7 %), а также те сферы в которых они были фактически заняты (строительство 14,4%, обрабатывающая промышленность 10,6 %, сельское хозяйство 9,8 %). Главными причинами, по которым респонденты не работают по специальности, являются невозможность найти место работы с достойной зарплатой или желание попробовать себя в новых сферах деятельности.

Из числа участников 19,8 % назвали «хорошую зарплату» важным критерием при выборе профессии. Тем не менее хорошая заработная плата неодинаково важна для мужчин и женщин: 26,3% респондентов-мужчин считают ее важным критерием по сравнению с 17,3 % респондентов-женщин, для которых удобные часы работы являются более существенным фактором.

Пожелание родителей в большинстве случаев влечет за собой смену профессиональной деятельности в будущем. Все респонденты из сферы здравоохранения рабо-

тают по своей первоначальной специальности. Респонденты, обучаемые гуманитарным наукам, по большей части, не работают по специальности. Респонденты также отвечали на вопрос о том, оправдались ли их студенческие ожидания относительно будущей карьеры или нет. Около 56% респондентов заявили, что ожидание от будущего не оправдалось в полной степени.

Выбранная сфера обучения, а в дальнейшем специальность напрямую зависит от пола респондента. Женский пол в большинстве своем склоняется к гуманитарным сферам, которые включают в себя философию, педагогику, филологию, политику и литературу. Мужчины чаще выбирают точные и технические сферы, в которые входят такие категории как инженерия, технологии и программирование. Некоторые респонденты высказали мнение, что успехи в учебе будут зависеть исключительно от индивидуальных усилий. Это отношение хорошо отражено в цитате 19-летнего студента колледжа из Ферганской области:

Все зависит от самого человека. Учителя предоставили нам все знания, интерес зависит от нас самих.

Напротив, многие другие молодые люди хотели бы, чтобы учителя их мотивировали больше. Разочарование среди участников исследования было вызвано, в частности, незаинтересованными и невысоко квалифицированными педагогами, которые иногда открыто отговаривают учеников от дальнейшего стремления к высшему образованию или профессиональной деятельности. Преподаватели часто ограничивают мотивацию учеников повторением таких банальных фраз, как «ты должен хорошо учиться».

На вопрос «Нужно ли государству организовывать профориентацию или мотивацию при выборе специальности?» В целом 82% респондентов (85% женщин и 80% мужчин) ответили утвердительно, 8% считают, что этого делать не нужно. И, по мнению 57% опрошенных, необходимо начинать проводить профориентацию уже в школе. 22% респондентов считают, что нужно это начинать еще с детского сада и 14% участников опроса выбирают этап выбора с колледжа.

В завершение рассмотрения проблемы, констатируем следующие положения. В Республике Узбекистан молодежь на рынке труда — это молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет включительно, поэтому к 16 годам мотивы выбора специальности уже должны быть сформированы. Для молодых людей решающими при выборе профессии выступают как традиционные факторы – родители, друзья, учителя, так и новые, например, СМИ. В условиях глобального информационного пространства «Интернет», молодежь находит информацию о зарубежных моделях экономики и культуры, получает представления о различиях в образе или уровне жизни в мире, что также меняет ее представления о работе и трудовой деятельности. Но, молодежь при

выборе будущей профессии должна найти оптимальный баланс своих склонностей, талантов, наличных качеств, способностей и влияния внешних факторов – мнения родителей, оценок популярности профессии. Именно в этом трудном, а порой судьбоносном выборе для личности и страны в целом, должна помочь грамотно выстроенная

национальная система профессиональной ориентации молодежи, опирающаяся на систематические эмпирические социологические исследования. Это залог оптимального применения способностей и образовательно-профессионального потенциала молодого поколения для обеспечения инновационного развития страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минзарипов Р.Г., Ившина Г.В. Гуманитарная среда классического университета и формирование конкурентоспособной личности // Высшее образование в России. – 2009. – №5. – С. 42–50.
2. Антонова О.Г., Хайруллина Ю.Р., Щанина Е.В. Профессиональная мотивация и адаптация студентов технических специальностей (на материалах КСИ в РТ и РК) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – №3. – С. 61–70.
3. Министерство занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан. URL: uzbekistan.ureport.in/story/363/, mehnat.uz/ru (дата обращения: 09.06.2021).
4. Молодежь Узбекистана, вызовы и перспективы [электронный ресурс] URL: <https://www.unicef.org/uzbekistan/media/3696/file/RUS%20Youth%20o%20Uzbekistan%20Challenges%20and%20Prospects%20Final.pdf> (дата обращения: 09.06.2021).
5. Хайруллина Ю.Р., Хизбуллина Р.Р. Профессиональная мотивация студентов технических специальностей (на материалах социологического исследования в Республике Казахстан и Республике Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – №3. – С.196–198.

Информация об авторах

Худойбергенов Санжарбек Зокиржон угли, магистр, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, направление подготовки – социология управления инновационными процессами.

E-mail: xsanjar_bek@mail.ru

Хайруллина Юлдуз Ракибовна, доктор социологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан.

E-mail: iouldouz@narod.ru

Khudoyberganov S.Z., Khayrullina Yu.R.

FACTORS OF CHOOSING SPECIALTY BY YOUNG PEOPLE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract. The social and labor potential of youth is the future of every country. The article presents theoretical approaches and the results of understanding the research of scientists on the motivation for choosing a specialty by youth in the post-Soviet space. The authors, within the framework of the secondary analysis of the data of a comprehensive research of the preferred factors of motivation in choosing a specialty by Uzbek youth, studying the materials of the Ministry of Employment and Labor Relations of the Republic of Uzbekistan on its position in the labor market, state shortcomings in the activities of the republican education system and vocational guidance in motivating young people, choosing a profession, identifying abilities, interests, adaptation in the labor market. It is concluded that it is necessary to develop a comprehensive national strategy for the vocational guidance of youth, based on systematic empirical sociological studies of the motivation for choosing a specialty by young people, the hierarchy of influencing factors, and modern demands of the labor market.

Keywords: choice of profession, youth, motivation, education, vocational guidance, labor market.

Literature

1. Minzaripov R.G., Ivshina G.V. Humanitarian environment of a classical university and the formation of a competitive personality // Higher education in Russia. – 2009. – No. 5. – S. 42–50.
2. Antonova O.G., Khairullina Yu.R., Shanina E.V. Professional motivation and adaptation of students of technical specialties (based on the materials of the CSI in the Republic of Tatarstan and the Republic of Kazakhstan) // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. – 2020. – №3. – S. 61–70.
3. Ministry of Employment and Labor Relations of the Republic of Uzbekistan URL: uzbekistan.ureport.in/story/363/, mehnat.uz/ru (date of access: 06/09/2021).
4. Youth of Uzbekistan, challenges and prospects [electronic resource] URL: <https://www.unicef.org/uzbekistan/media/3696/file/RUS%20Youth%20o%20Uzbekistan%20Challenges%20and%20Prospects%20Final.pdf> (date of access: 09.06.2021).
5. Khairullina Yu.R., Khizbullina R.R. Professional motivation of students of technical specialties (based on the materials of sociological research in the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tatarstan) // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2018.– No. 3. – P. 196–198.

Authors

Khudoyberganov Sanzharbek Zokirzhon ugli, Master, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, training direction – sociology of management of innovative processes.

E-mail: xsanjar_bek@mail.ru

Khairullina Yulduz Rakibovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

E-mail: iouldouz@narod.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА И РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КФУ)

Аннотация. В статье автором исследованы статусные и ролевые характеристики преподавателя вуза (на примере преподавателей КФУ) в контексте цифровизации высшего образования через самоидентификацию своего социально-профессионального статуса. Цифровизация — это глобальный тренд, который затрагивает все сферы общественной жизни, в том числе и поле образования. Этот процесс воздействует на обе стороны образовательного процесса — как на профессорско-преподавательский состав, так и на обучающихся. В заданном контексте роль преподавателя оказывается под пристальным вниманием — она активно трансформируется с внедрением информационных технологий. В результате проведенного исследования были выявлены представления о собственном социально-профессиональном статусе и роли преподавателя, исследованы новые способы коммуникации между студентами и преподавателями, изучены риски, связанные с цифровизацией системы образования и выявлены основные функции, выполняемые преподавателями с учетом внедрения ИКТ в образовательный процесс.

Ключевые слова: цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, статус и роль преподавателя, система высшего образования.

В современном обществе цифровые технологии вносят свои коррективы во все сферы жизни общества, в том числе и систему образования. Благодаря новому механизму развития современного высшего учебного заведения, создана возможность для быстрого обмена знаниями и опытом, развития электронных библиотек, онлайн-обучения и много другого, что расширяет круг субъектов, получающих информацию, которая раньше была доступна лишь для узкого круга лиц. Можно с уверенностью говорить, что цифровизация образования способствует активному развитию академической мобильности в процессе глобализации научного мира. Несомненно, в таких условиях университет должен адаптироваться к нововведениям для сохранения конкурентных преимуществ, в тот же время сохраняя свои уникальные качества.

Цифровизация затрагивает не только содержание образования, но и его организацию. Статус и роль преподавателя в обществе в целом, и в образовательном процес-

се в частности, трансформируется. Благодаря тому, что мы живем в информационном обществе, для современных студентов нет никаких преград для самостоятельной исследовательской и творческой деятельности. Но самостоятельно мыслить, анализировать, сравнивать и делать выводы сможет научить только преподаватель. В таких условиях педагог высшей школы превращается из носителя транслируемых знаний и умений в навигатора, который помогает ориентироваться в базах знаний. В настоящее время преподаватель вуза должен научить тому, каким образом добывать знания и как эти знания, умения и навыки применять в дальнейшей профессиональной деятельности. Социальные ожидания по практическому воплощению демократических свобод, повышению качества образовательного процесса связываются с личностью современного педагога.

Сегодня возрастает интерес к проблемам, связанным с профессиональным становлением преподавателя

в вузе. Данную проблематику активно затрагивали современные ученые, такие как Т.М. Дадаева [1], Воробьева И.В. [2], Наумова Е.А. [3] и др.

На данном этапе наблюдается социокультурный разлом профессорско-преподавательского состава в высшей школе, связанный с фундаментальными различиями ценностей двух поколений. Одно поколение не одобряет и не принимает новые установки и стандарты образования, которые транслируются топ-менеджерами и преподавателями другого направления, которые, в свою очередь, рассматривают образование по аналогии с бизнесом, с коммерческой организацией.

С 1 сентября 2013 года вступил в силу новый федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». В нём говорится, что: «педагогический работник – физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности» [4]. Таким образом, преподаватель, это, прежде всего, специалист, который непрерывно совершенствуется как в предметной области, так и в овладении методикой, формами, технологиями обучения. Сегодня, когда новые государственные образовательные стандарты (ФГОС) возлагают на преподавателя большую ответственность за создание условий для развития личности обучающегося, а при вступлении в силу обновленных стандартов (ФГОС 3++ и ФГОС 4) – возникнет также ответственность и за формирование у обучающихся профессиональных компетенций, применимых в трудовой деятельности.

Социальный статус российского преподавателя определяется такими показателями, как: уровень дохода, материальное положение, уровень образования, звание, должность, доступ к власти и управлению, положение в иерархии политической системы, положение в системе распределения и потребления, общественного разделения труда, собственность, качество жилья и др. [5] Обобщенной, интегральной оценкой социального статуса профессора является его самооценка своего места в обществе, его социальное самочувствие.

Автором, в рамках изучения трансформации статуса и роли преподавателя высшей школы в условиях цифровизации, был проведен опрос профессорско-преподавательского состава Казанского (Приволжского) федерального университета. Выборка составила 1203 респондента в возрасте от 25 до 84 лет.

Тенденции общественного развития наделяют образование новыми социальными смыслами, в основе которых лежат открытая коммуникация, свободный диалог обучающихся и обучающихся.

Результаты анкетирования показали, что в связи с внедрением информационных технологий в образовательный процесс, характер общения и отношений между преподавателями и студентами существенно изменился. Эти изменения преподаватели видят, в первую очередь, в появлении новых каналов для общения, таких как электронная почта, социальные сети и др. И, как следствие, более быстрое решение многих вопросов, касающихся как учебного процесса, так и организационных моментов. Впрочем, преподаватели выделяют и недостатки новых коммуникационных технологий. Среди них можно выделить несоблюдение студентами временных границ общения (сообщения и звонки в нерабочее время), отсутствие должного уважения и культуры общения (нет приветствия или должного обращения) и нарушение границ рабочих и личных отношений. Это, несомненно, сказывается на самоидентификации преподавателей и самоопределении ими своего социального статуса.

Внедрение информационных технологий в образовательный процесс, повлияло и на физическое самочувствие преподавателей. Ухудшение своего здоровья они видят в снижении остроты зрения, появлении головных болей, постоянного чувства усталости и увеличение количества стресса.

Половина опрошенных (51%) заметили, что с внедрением ИКТ в образовательный процесс, изменились роли преподавателя. Остальные респонденты эти изменения не заметили. Такую поляризацию мнений можно объяснить возрастными характеристиками преподавательского состава, ведь молодое поколение преподавателей начало свою профессиональную деятельность уже в условиях цифровизации.

Престиж педагога высшей школы – широко дискутируемый в последнее десятилетие вопрос. Процесс цифровизации высшего образования не мог не сказаться на его оценке современными преподавателями.

В рамках опроса был задан вопрос: «Как Вы думаете, считается ли профессия преподавателя престижной в обществе с внедрением цифровых технологий?». Результаты показали, что в целом, большинство преподавателей видят свою профессию престижной – так полагают 72 % опрошенных; однако 20 % из них считают, что престиж профессии стал ниже, чем он был до процесса активной цифровизации. А 10 % респондентов указали на повышение престижа профессии преподавателя ВУЗа в связи с внедрением ИКТ в образовательный процесс.

Если говорить о функциях преподавателя, которые он выполняет в современном цифровом образовательном пространстве, то, по мнению преподавателей, наряду с привычным их набором (таких как разработка учеб-

но-методических материалов в условиях современности, сопровождение развития обучающегося и др.), появляется целый ряд новых: организация индивидуальной и командной деятельности студентов в цифровой среде; управление учебной мотивацией обучающихся с использованием инструментов облегчения обучения; интеграция различных жизненных пространств цифрового поколения; формирование и развитие критического мышления в процессе поиска и отбора информации в цифровой среде.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что по мнению большей части педагогов высшей школы цифровизация никак не сказывается на престижности и уважении к профессии преподавателя, их пути параллельны и не пересекаются и что преподаватели могут и используют цифровые технологии как удобный инструмент, который, по факту, добавляет компетенций самой профессии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дадаева, Т. М. Социально-профессиональный статус преподавателей вуза: гендерный аспект / Т. М. Дадаева // Интеграция образования. – 2013. – № 3 (72). – С. 85–89.
2. Наумова Е.А. Социальный статус работников высшего образования в рыночной парадигме развития // Политика и Общество. – 2012. – № 12. – С. 93–98.
3. Воробьева И.В. Социальный статус современного российского ученого (на примере преподавателей вузов) // Социология профессий. – 2012. – № 12. – С. 260–266.
4. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ. – 2012. – № 1. – Ст. 2.
5. Крайнов Г.Н. К вопросу квантификации социального статуса преподавателя ВУЗа // Возможности и угрозы цифрового общества. – Ярославль: Цифровая типография, 2019. – С. 50–54.

Информация об авторе

Шамсутдинова Ильсия Ильдусовна, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.
E-mail: 89173914070@mail.ru

Shamsutdinova I.I.

TRANSFORMATION OF THE STATUS AND ROLE OF A UNIVERSITY TEACHER IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION (ON THE EXAMPLE OF KFU)

Abstract. This article examines the status and role characteristics of a university teacher (using the example of KFU teachers) in the context of digital higher education through self-identification of their social and professional education. Digitalization is a global trend that explores all areas of education. This process affects both sides of the educational process – both the faculty and students. In a given context, the role of the teacher is under close scrutiny – it is actively transforming with the introduction of information technology. As a result of the study, ideas about their own social and professional status and the role of teachers were identified, new ways of communication between students and teachers were investigated, the risks associated with the digitalization of the education system were studied and the main functions performed by teachers were identified, taking into account the introduction of ICT into the educational process.

Keywords: digitalization, information and communication technologies, status and role of the teacher, higher education system.

Literature

1. Dadaeva, TM Social and professional status of university teachers: gender aspect / TM Dadaeva // Integration of education. – 2013. – No. 3 (72). – S. 85–89.
2. Naumova E.A. Social status of higher education workers in the market development paradigm // Politics and Society. – 2012. – No. 12. – S. 93–98.
3. Vorobieva I.V. Social status of a modern Russian scientist (on the example of university teachers) // Sociology of professions. – 2012. – No. 12. – S. 260–266.

4. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 N 273-FZ. – 2012. – No. 1. – Art. 2.
5. Krainov G.N. On the question of quantification of the social status of a university teacher // Opportunities and threats of digital society. – Yaroslavl: Digital Printing House, 2019. – Pp. 50–54.

Author

Shamsutdinova Ilsiya Ildusovna, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: 89173914070@mail.ru

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

#1 2021 (1)

Подписано в печать 29.06.2021

Дата выхода в свет 29.06.2021

Формат 70 x 108 1/16

11,6 усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ № 96/6.

Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

Адрес издателя: 420008, г. Казань,
ул. Профессора Нухина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

